

5

РУССКАЯ РЕЧЬ 1984

СЕНТЯБРЬ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ОКТАБРЬ

В НОМЕРЕ:

В. М. Коротов. Торжество ленинских принципов 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 170-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

И. Б. Голуб. «На мысли, дышащие силой, как жемчуг нижутся слова...» 9

И. А. Зайцева. Интонация в прозе М. Ю. Лермонтова 15

Живая нить (Советские писатели и поэты о М. Ю. Лермонтове) 21

К 80-летию со дня рождения Н. А. Островского

О. И. Лабунько. Ленинская тема в романе «Как закалялась сталь» 26

К 175-летию со дня рождения А. В. Кольцова

О. Н. Панченко. «На заре туманной юности...» (Сплав поэтических традиций) 32

Н. Г. Михайловская. «Мы любим жизнь и любим землю эту...» 40

А. А. Брагина. Осенняя пора... (Повторимые слова — неповторимое творчество) 47

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. К. Граудина. Из истории русского красноречия: риторика И. С. Рижского 54

И. Н. Горелов. Речь и этикет: книга учит искусству общения 60

Л. Н. Кузнецова. О произношении отчеств 64

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ 59, 63, 68, 159

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Л. И. Житенева. Фразеологизмы — средство газетной выразительности 69

П. В. Хазов. Газетная хроника: тема и построение текста 73

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	
Михаил Александрович Максимович (1804—1873) . . .	79
Сергей Константинович Булич (1859—1921)	84
СРЕДИ КНИГ	
<i>О. В. Сиротинина. Русская разговорная речь</i>	76
<i>М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. По городам и</i> <i>вёсям «Золотого кольца»</i>	121
Основы культуры речи. Хрестоматия	77
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	
<i>Х. А. Лаазя. Атмосфера, климат, погода на газетной</i> <i>полосе</i>	87
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
<i>А. П. Богданов, А. М. Пентковский. Судьба</i> <i>Лицевого свода Ивана Грозного</i>	92
<i>Г. П. Вишневская. Скоморошьи небылицы в языке</i> <i>сатиры XVII века</i>	101
<i>Е. Л. Конявская. Книжная культура Твери XIV—</i> <i>XV веков</i>	106
<i>В. Н. Миротворцев. Еще раз о так называемой</i> <i>Влесовой книге</i>	110
<i>Из истории отечественной лингвистической терминологии</i>	
<i>Н. В. Васильева. Наречие</i>	118
РУССКИЕ ГОВОРЫ	
<i>А. Ф. Журавлев. Областные прозвища</i>	124
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
<i>М. Ф. Мурьянов. Спешите делать добро!</i>	130
<i>В. Н. Вакуров. Мерка дело красит (окончание)</i> . . .	133
<i>К. А. Чекалов. Селадон</i>	137
<i>И. А. Подюков. Плести лапти и лыка не вязать</i> . .	141
<i>В. А. Филатов. Какого цвета волк?</i>	144
<i>В. А. Никонов, М. С. Медведев. Из словаря рус-</i> <i>ских фамилий</i>	148 90
ХРОНИКА	
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Знак ударения в тексте; Радиотелеграфный сигнал бедствия «SOS»; Завтра — завтра	151
Кроссворд	156
<i>На обложке: памятник М. Ю. Лермонтову в Москве.</i> <i>Рисунок Б. Захарова</i>	

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ

Перечитывая вновь документы о реформе средней школы и вдумываясь в их содержание, прежде всего, отмечаешь непреложный факт: принятый план коренных преобразований школы означает подлинное торжество ленинских принципов школьной политики КПСС. Обязательность полноценного среднего образования для всех молодых людей; подчинение всего дела воспитания, образования и обучения формированию коммунистической морали; добровольное изучение русского языка; соединение научного образования с производственным трудом; профессиональная подготовка на базе широкого политехнического образования; расширение общественного воспитания; развитие самостоятельности детей в школе; возрастающая забота об учителе... Эти ленинские мысли о школе, о воспитании подрастающих поколений получили в документах о реформе школы дальнейшее развитие.

Теперь обязательным станет одиннадцатилетнее и двенадцатилетнее обучение в общеобразовательных и профессиональных школах. Причем срок обучения увеличивается за счет более раннего приема в школу детей шестилетнего возраста. Эта мера будет вводиться постепенно, т. к. она требует большой подготовительной работы: ведь речь идет о дополнительном приеме в школу нескольких миллионов малышей. К примеру, только количество учителей начальных классов при этом должно увеличиться почти на 160 тысяч.

Следует подчеркнуть, что решение о более раннем начале учебы принято после широкой экспериментальной проверки возможностей обучения «шестилеток» во всех союзных республиках. Для ясности стоит добавить, что уже сейчас в различных видах подготовительных классов учится около миллиона детей шестилетнего возраста.

В своей программной речи на III съезде российского комсомола Владимир Ильич сказал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». Не случайно это высказывание Ленина процитировано в «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Забота о коммунистическом воспитании, о формировании марксистско-ленинского мировоззрения у школьников, о развитии у них высоких гражданских качеств является стержневой линией, генеральным направлением дальнейшего совершенствования школьного дела. Решению задачи нравственного и идейно-политического воспитания школьников подчинено большинство мер по дальнейшему совершенствованию учебно-воспитательного процесса от постановки преподавания отдельных предметов до развития конкретных форм внеурочной воспитательной работы.

Особая роль в достижении целей идейно-нравственного воспитания отводится учебным предметам общественно-гуманитарного цикла. В основном документе говорится: «Необходимо, чтобы преподавание предметов общественно-гуманитарного цикла в яркой, доходчивой форме, раскрывало пути революционного обновления мира, основные принципы и исторические преимущества социализма, реакционную, антинародную сущность капитализма, с классовых позиций давало убедительные ответы на волнующие молодежь вопросы современной общественной жизни, показывало неизбежную победу идей коммунизма. На уроках истории, обществоведения, литературы и других предметов надо последовательно воспитывать умение отстаивать свои коммунистические убеждения, непримиримость к мещанству, иждивенчеству, потребительству. Шире практиковать активные формы занятий, придавать им большую практическую направленность, искоренять зачетничество и схематизм».

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы» сформулирована задача усилить роль литературы в формировании духовно богатой, гармонически развитой личности с высокими нравственными идеалами и эстетическими потребностями. Министерству просвещения СССР, Академии наук СССР, Академии педагогических наук СССР и Союзу писателей СССР пору-

чено с участием министерств просвещения союзных республик разработать предложения по совершенствованию содержания курса литературы в школе.

Будет совершенствоваться и языковая подготовка учащихся, намечены дополнительные меры по улучшению условий для изучения наряду с родным языком русского языка, добровольно принятого советскими людьми в качестве средства межнационального общения. В основном документе еще раз подчеркнуто, что свободное владение русским языком должно стать нормой для молодежи, оканчивающей средние учебные заведения.

Среди других мер совершенствования учебно-воспитательного процесса особо стоит выделить еще одну — это поставленную перед учителями и родителями задачу приобщать учащихся к работе с книгой и другими источниками знаний, помогать им вырабатывать самостоятельность мышления.

Повышение удельного веса самостоятельной учебной работы на уроках является сейчас, пожалуй, важнейшим резервом повышения эффективности учебного процесса и реальным условием сокращения времени выполнения домашних заданий, т. е. преодоления перегрузки школьников. Поэтому особое значение приобретает работа педагогов по вооружению школьников рациональными приемами учебной работы, прежде всего, с книгой. Имея это в виду, Министерство просвещения СССР организовало подготовку своеобразной программы — рекомендаций о развитии у учащихся общих учебных умений и навыков по годам обучения. В этом методическом документе много внимания уделяется работе с книгой, формированию культуры устной и письменной речи учащихся.

Выступая на апрельском (1984 г.) Пленуме Центрального Комитета партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко, в частности, отмечал: «...упор, который мы сейчас делаем на воспитание посильным для школьника производительным трудом, при всей его принципиальной важности, не отменяет ту истину, что главный труд детей — это, конечно же, учеба, прочное овладение основами наук». Многие предстоит учителям, родителям и самим учащимся, чтобы главный труд детей стал успешным, эффективным и поэтому радостным.

Три месяца продолжалось всенародное обсуждение проекта реформы школы. О масштабах дискуссии и степени заинтересованности советских людей школьным делом

хорошо говорят следующие цифры: триста тысяч собраний трудящихся обсуждали проект реформы, а всего в обсуждении приняли участие 120 миллионов человек. Проведенный референдум с новой силой продемонстрировал жизнеспособность и действенность советской демократии.

Предусмотренные документами шаги по пути развития различных форм производительного труда школьников подготовлены реальными примерами делового содружества школ и шефствующих предприятий, передовым опытом, размахом движения трудовых объединений школьников. Эти лучшие примеры и опыт еще и еще раз подтверждают актуальность ленинского завета — решать задачи коммунистического воспитания в «труде вместе с рабочими и крестьянами».

Содружество школы с трудовыми коллективами колхозов и совхозов, заводов и фабрик, научных и учебных учреждений — непереносимое условие развития производительного труда школьников и успеха в деле их воспитания. В этом направлении предусмотрен ряд мер: увеличено время на трудовое обучение и общественно-полезный труд школьников, введена профессиональная подготовка учащихся общеобразовательных школ, за всеми школами закрепляются базовые предприятия, которые наряду со школой призваны отвечать за организацию трудовой подготовки школьников, и ряд других.

Намечено усиление профориентационной работы с учащимися: в школах, учебно-производственных комбинатах будут созданы кабинеты профориентации. И вся эта работа тесно связывается с изучением и учетом реальных потребностей в квалифицированных кадрах.

Через все принятые документы о школе красной строкой проходит ленинская мысль о коллективном труде на общее благо как могучем средстве нравственного формирования личности юных строителей коммунизма.

Большими темпами развивается общественное воспитание в нашей стране. Осуществляемая реформа школы дает новый мощный стимул этому процессу: больше станет дошкольных учреждений, увеличится число детей в группах и школах продленного дня, возрастет количество внешкольных учреждений различного типа. Но дело не только и не столько в количественном росте. Повысится качество общественного воспитания детей всех возрастов, будут созданы более благоприятные условия для осуществления всестороннего развития детей. Так, в продлен-

ном дне художественное и техническое творчество, спорт и туризм, другие интересные дела станут главным содержанием деятельности школьников. Во внешкольных учреждениях все больше будет открываться кружков, студий, секций для удовлетворения самых разнообразных запросов детей. В этом направлении будет совершенствоваться и воспитательная работа с подростками по месту жительства.

В 1919 году, работая над проектом программы партии, В. И. Ленин написал: «Добавить ... самодеятельность (детей) в школе...» — и дважды подчеркнул: детей в школе.

Общественное воспитание, по Ленину, есть прежде всего развитие общественной активности самих детей, их самодеятельности, инициативы, их ответственности. В документах, посвященных реформе средней школы, самостоятельность, самодеятельность, самоуправление учащихся упоминаются часто, и тем самым подчеркивается мысль, что реализация реформы школы — это и дело самих учащихся. Многие школьники, кстати, так и понимают свою задачу.

В дни обсуждения проекта ЦК КПСС о реформе школы в одной из московских школ шестиклассники писали сочинение на тему «В какой школе я хотел бы учиться».

Ученица Юлия Лобанова написала: «Хочется, чтобы это была школа, в которую все бы шли, как на праздник, чтобы не ставили двоек (потому что не за что их было бы ставить: все бы хорошо учились)».

Мне кажется, что это зависит не от кого-нибудь другого, а от нас самих — учеников. И от того, как мы будем учиться, вести себя, зависит и какой будет школа. В наших силах сделать ее светлой, чистой, доброй и справедливой».

Что тут добавить? Как говорится: устами младенца...

Повышение роли комсомольских и пионерских организаций, активизация работы органов ученического самоуправления и различных добровольных объединений учащихся в каждом школьном коллективе — одна из главных линий совершенствования не только воспитательной работы, но и всей работы школы в целом.

Ставя задачи развития общественного воспитания детей, коммунисты никогда не принижали роли семьи в их решении. Высоко оценивает партия значение семейного воспитания. В основном документе говорится: «Воспита-

ние детей — конституционная обязанность граждан СССР. Родители призваны всемерно возвышать авторитет школы и учителя, воспитывать детей в духе уважения и любви к труду, подготавливать их к общественно полезной деятельности, приучать к порядку, дисциплине, соблюдению норм жизни нашего общества, заботиться об их физическом развитии и укреплении здоровья, создавать необходимые условия для своевременного получения ими общего среднего и профессионального образования, своим отношением к труду и общественным обязанностям показывать детям пример во всем. В свою очередь дети обязаны заботиться о родителях и старших.

Повышение эффективности воспитания в большой степени зависит от согласованности усилий и единства требований к учащимся семьи, школы, общественности и трудовых коллективов».

Теплые, высокие слова сказаны об учителе — «ваятеле духовного мира юной личности, доверенном лице общества, которому оно вверяет самое дорогое, самое ценное — детей, свою надежду, свое будущее».

Завет Ленина: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту...» — неуклонно претворяется в жизнь. Несколько фактов: примерно на 35% в среднем будет повышена зарплата учителям, увеличивается стипендия студентов педагогических институтов и училищ, предложено выделять жилую площадь в первоочередном порядке учителям и другим работникам школы. Такова только часть принимаемых мер.

Нет никакого сомнения, что на заботу партии и правительства учительство страны ответит самоотверженным трудом и тем самым внесет решающий вклад в осуществление реформы школы.

Забота о школе, о коммунистическом воспитании подрастающего поколения — дело общепартийное, всенародное. Партийное руководство школьным делом обеспечивает консолидацию всех сил общества развитого социализма в деле воспитания молодого поколения, направляет этот процесс по восходящей, руководствуясь марксистско-ленинским учением и непрерывно развивая его на основе практики коммунистического строительства.

В. М. КОРОТОВ
Заместитель
министра просвещения СССР

К 170-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

«На мысли, дышащие силой,
как жемчуг нижутся слова...»

В юбилейные годы мы невольно задумываемся над загадочным смыслом «круглых» дат... Вспоминаем о том, что русская публика впервые встретила имя Лермонтова полтора века назад в «Библиотеке для чтения». В этот журнал без ведома автора отнес его юношескую поэму «Хаджи Абрек» товарищ по юнкерскому училищу. Лермонтов работал для русской литературы всего лишь около десяти лет... Признав в нем великого поэта в трагические дни прощания с Пушкиным, передовая, мыслящая Россия следила за блистательным развитием нового таланта неполных пять лет... И все последующие годы русский читатель осознает неповторимость этого художника, необычность его дарования и творческой судьбы. Критики, литературоведы, стилисты упорно пытаются разгадать тайну магической силы его произведений, признают, что стиль Лермонтова,— «едва ли не самая сложная, но одновременно и перспективная проблема современного лермонтоведения» (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981).

Лучшие писатели России всегда видели в лермонтовском стиле образец, высокую оценку ему давали Белинский, Гоголь, Тол-

стой, Чехов, Блок и многие другие. Это сознание непреходящей ценности художественного слова великого поэта, необходимости учиться у него мастерству живо и в наши дни. Невозможно представить себе образованного русского человека, который бы не знал и не любил Лермонтова, не покорился силе его языка, который всегда остается современным.

В программном произведении «Журналист, читатель и писатель» Лермонтов от имени читателя спрашивает:

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Лирический язык его поэзии — это, прежде всего, язык мысли, когда «диктует совесть, Пером сердитый водит ум...» (Журналист, читатель и писатель). Академик В. В. Виноградов подчеркивал, что Лермонтов смог «приспособить русский литературный язык к выражению ... раздумий сильной рефлектирующей личности» (Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.— М., 1938). В заслугу ему исследователи ставят создание ораторского стиля, выделяющегося особой энергией, страстностью. Лермонтов «придает лирическому стилю необыкновенную эмоциональную силу и ораторское напряжение, превращая лирику в патетическую исповедь» (Там же).

Наблюдения над стилистической правкой Лермонтова убеждают в том, что поэт, шлифуя стиль того или иного стихотворения, главное внимание обращал на глаголы и прилагательные. Именно они лежат в основе изобразительности речи в его лирике.

У Лермонтова мы, например, часто встречаем художественное описание водной стихии, и каждый раз в подобных зарисовках находим новые языковые краски. В первую очередь — глаголы, они организуют фразу, являясь ее логическим центром: «В ущелье там бежал поток» (Мцыри); «По камням струится Терек» (Кавчья колыбельная песня).

Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча пробивался волною холодной...

Три пальмы

И, шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака...

Русалка

Лермонтов, любивший природу Кавказа, с особым мастерством описывал горные реки. Например, в поэме «Мцыри»:

Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой

Сердитых сотне голосов
Подобился...

Здесь выразительна фоника: ассонанс на *у*, повторение шипящих и свистящих согласных служит звукоподражанию.

Так же выразительны глаголы-метафоры в стихотворении «Дары Терека»: Терек воет, дик и злобен; Слезы брызгами летят; Но, по степи разбегаясь; И приветливо ласкаясь, Моря Каспию журчит...

Изобразительную силу глаголов и здесь подкрепляет звукопись, объединяя и подчеркивая художественно важные слова. Особенно экспрессивны звукоподражательные строчки с аллитерацией на *р* и различными звуковыми повторами:

«Я, сынам твоим в забаву.
Разорил родной Дарьял
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал».

Иное звучание свойственно глаголам, рисующим спокойное море: в них нет резких согласных, преобладают глухие звуки:

Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит...

При описании «бесценного дара» Терека на первый план выступают прилагательные и наречия — эпитеты:

«...Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит...»

Эта картина предстает перед нами, как в замедленной съемке, потому что поэт лишил ее динамики, сократив число глаголов. И в последующей строфе вытеснение спрягаемых форм глагола причастием, деепричастием также помогает нам задержать внимание на художественных деталях:

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаясь всплыла.

Таинственность описания достигается отсутствием ярких аллитераций, преобладанием глухих согласных в последней строке, что приглушает речь, приближая ее к шепоту. Звуковую вырази-

тельность этих строк контрастно оттеняет яркая фонетическая окраска заключительной части стихотворения, в которой звукопись отражает бурную жизнь морской стихии:

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.
Он взыграл, веселья полный,—
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

Вся энергия речи в этой развернутой метафоре заключена в глаголах и прилагательных, создающих олицетворение; звукопись подкрепляет образное значение слов.

Лермонтов не раз проявлял независимость от условностей, новаторство в самобытном употреблении глагольных форм. В глаголах, по словам одного из лингвистов, «течет самая алая, самая артериальная кровь языка». Стремление поэта найти самые точные наименования действий заметно, например, уже в юношеской поэме «Аул Бастунджи». Сравним:

Первоначальный вариант

И часто вдруг, окованный мечтами,
Один сидел до поздней ночи он.

Рядком висели на стенах простых
Аркан, седло с насечкою черной.

Вот мчится в поле конь. Как легкий дым
Волною грива вьется вдоль по шее.

Окончательная редакция

Порой в степи застигнутый мечтами,
Один сидел до поздней ночи он..

Рядком блистали на стенах простых
Аркан, седло с насечкой вороненой..

Вот мчится в поле конь. Как легкий дым,
Волною грива хлещет вдоль по шее;..

Замена книжных глагольных форм разговорными (*окованный — застигнутый*), употребление экспрессивных глаголов вместо обычных, небразных (*висели — блистали, вьется — хлещет*) определенно указывают пути стилистических поисков автора. Из стремления усилить звуковую выразительность поэтической речи Лермонтов

никогда не жертвовал точностью словоупотребления. В этом убеждает и последний пример его стилистической правки. В первой редакции глагол гармонически «вписывался» в строку, инструментованную аллитерацией на *в*, но поэт отказался от него, подобрав более точное слово, живо рисующее картину — *грива хлещет*. Этот глагол в значении «стегать» даже у Пушкина встречается лишь в сочетаниях со словом «лоза», а в метафорическом переосмыслении применяется обычно при описании струй воды (В синем море волны хлещут; Как дождь ему в лицо хлестал). Лермонтов увеличил его экспрессивную силу, раздвинул границы лексической сочетаемости слова.

Стремление к расширению поэтического словаря побуждало Лермонтова обновлять и эпитеты, жертвуя созвучными, но избыточными определениями: *Дубовый* листок (зеленый, листок молодой) оторвался от ветки родимой И в степь укатился, *жестокою* (холодной, безжалостной) бурей гонимый; ... И корни мои умывает *холодное* (покорное, послушное) море (Листок).

Предпочтение Лермонтова точным определениям проявилось и в употреблении им неблагозвучных причастий в роли эпитетов, на что решались не многие поэты XIX века. У Лермонтова можно встретить прекрасные примеры художественного освоения этих «немузыкальных» слов. Как образны они в его классических произведениях!

Дрожащие огни печальных деревень...

Родина

Гарема *брызжущий* фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!

Демон

Новаторство поэта выразилось и в том, что он сумел обыграть эти «непоэтические» слова в звукописи, например в последнем четверостишии именно звуковая окраска причастия определяет подбор остальных слов с аллитерацией на *ж*. Это видно по стилистической правке поэта, заменившего использованные вначале прилагательное и глагол, объединенные иным звучанием (черновой вариант четверостишия):

Гарема *брызжущий* фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росой
Не брызгал на подобный стан!

По справедливому замечанию В. В. Виноградова, в «...ораторском стиле Лермонтова главная экспрессивная роль поручена эпитетам» (Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.). В искусном их использовании отличительная особенность его стихотворного языка. В черновиках поэта отражена его работа с эпитетами.

Известны варианты определений в знаменитом стихотворении «Смерть Поэта»: «...к чему теперь рыдания, *Пустых* похвал (похвал и слез) ненужный хор»; «Не вы ль сперва так *злобно* (долго) гнали Его свободный, *смелый* (чудный) дар»; «И он убит — и взят могилой, Как тот певец, неведомый, но милый, Добыча ревности *глухой* (немой)»; «Зачем он руку дал клеветникам *ничтожным* (безбожным)»; «Отравлены его последние мгновенья Коварным шепотом *насмешливых* (врезрительных, бесчувственных) невежд, И умер он — с *напрасной* (с глубокой) жаждой мщенья...»

Не единичные примеры указывают на стремление поэта к звуковому подобию определений с определяемыми существительными и соседними словами. Таковы, например, лексические замены в стихотворении «Поэт»: «Не по одной груди провел он *страшный* (кровавый, вечный) след»; «В те дни была б ему *богатая* (узорная) резьба Нарядом *чуждым* (лишним) и постыдным» и др. Анализ фоники его стихотворений не может не удивлять нас искусством гармонического сочетания слов.

Семнадцатилетний автор «Аула Бастунджи» уже демонстрировал виртуозность в звуковой организации стиха: «Сбиралась ли ватага удалцов Отбить табун, иль бранною забавой Потешиться.., Была их сакля меньше всех других, И с плоской кровли мох висел зеленый; ... Родной земли и неба красоту Обозревал задумчивый Бешту; ... Машук, склоняся лысой головой, Через струи Подкумка голубые, Казалось, думал тяжкою стопой Перешагнуть в поместья чужие...» Эти строки рождались под пером поэта легко и непринужденно, так что даже авторедактирование не коснулось их. Не случайно Лермонтов описал творчество сочинителя как могучий порыв в минуты вдохновения, когда «на мысли, дышащие силой, как жемчуг нисходят слова».

Хотя Лермонтов писал урывками, часто не сохраняя первоначальных вариантов, по его произведениям видно, как он творил упорно и вдохновенно, все более оттачивая жеро и создавая шедевры. Современники запомнили поэта углубленным в раздумья. «Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела, — писал А. И. Герцен. — Размышления Лермонтова — это его поэзия, его мучение, его сила».

И. Б. ГОЛУБ

Рисунок Б. Захарова

ИНТОНАЦИЯ в прозе М. Ю. Лермонтова

Эмоциональное состояние человека, его отношение к собеседнику, предмету высказывания — всё, что в разговоре легко и естественно отражает человеческий голос, интонация в письменной речи воссоздается с помощью сложной системы специальных выразительных средств: синтаксической структуры фразы, порядка слов, пунктуации.

Мечта о придании письменному слову музыкальной одухотворенности звучащего владела Лермонтовым с юношеских лет. В его стихах часто можно встретить выражения «звук голоса», «звук речей». Это не случайно. Звучащая речь Лермонтова — совершенно особая, речь, наделенная обаянием человеческого голоса с неисчерпаемым богатством его интонаций, речь, в которой есть жизнь. Потому так часто звучащее слово названо у него живым:

И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

Ангел

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых...

Молитва

И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я...

«Из-под таинственной, холодной полумаски...»

Лермонтов во многом обогатил интонационную палитру русского стиха, но, конечно, самым трудным было для него «оживление» прозаического языка. Уже в «Вадиме», первом своем романе, он говорил о слове, «одушевленном звуком голоса», а в письме М. А. Лопухиной от 23 декабря 1834 года признавался: «О! как я хотел бы вас снова увидеть, говорить с вами: потому что звук ваших речей доставлял мне облегчение. На самом деле следовало бы в письмах помещать над словами ноты; в настоящее время, когда читаешь письмо, словно смотришь на портрет: нет ни жизни, ни движения; отражение застывшей мысли, нечто такое, в чем чувствуется смерть...»

Интонационные характеристики в «Вадиме» полностью отвечают романтической природе романа. Его стилистику определяют две основные особенности. Первая — прямое, непосредственное изображение чувства путем его описания. В соответствии с этим, как бы не полагаясь на интонационную выразительность речи, писатель обращается к помощи пояснительной ремарки, раскрывающей эмоциональный подтекст высказывания: «повторил он таким голосом, который заставил ее содрогнуться»; «воскликнул Вадим»; «повторил он дрожащим, страшным голосом». Другая особенность повествовательного стиля «Вадима» — некоторая гипербололизация душевных движений, часто нарушающая логику характера и ситуации, приводящая к однообразию эмоциональной палитры. Она видна даже из приведенных примеров, глагол *воскликнуть* употребляется в романе особенно часто, это господствующая характеристика речи персонажей.

В «Княгине Лиговской», своем втором романе, Лермонтов вновь прибегает к помощи ремарки, которая, заменяя интонацию, раскрывает эмоциональную природу высказывания. Однако сама ремарка начинает меняться, обретая простоту и сдержанность, присущие реалистическому стилю романа: «продолжал ... холодно», «отвечал ... небрежно», «сказал ... с нежностью».

Характерно, что в «Княгине Лиговской» Лермонтов впервые употребляет интонационную характеристику, противоречащую содержательной стороне высказывания, но по-прежнему пользуется поясняющей ремаркой. Так, замечание Печорина в адрес сестры: «Ты очень хорошо делаешь, что слушаешься маменьки» — сопровождается соответствующим комментарием: «Эта фраза, по-видимому похожая на похвалу, показалась насмешкой...»

В «Герое нашего времени» природа интонационной характеристики кардинально меняется. Поясняющие слова Лермонтов

употребляет крайне редко («сказал я сердито», «закричал я в восхищении», «сказал я с некоторой досадой»). Это связано прежде всего с оригинальностью поэтики романа, в котором чувства персонажей раскрываются не прямо, а опосредованно, через изображение их внешних проявлений. Внутренняя жизнь второстепенных действующих лиц раскрывается, главным образом, путем описания внешних изменений в их облике: мимике, цвете лица, жестикуляции, походке. Главный герой не может быть показан таким способом, поскольку большая часть романа — это его дневник. Несмотря на это, эмоциональная жизнь Печорина отражена во всем своем внутреннем драматизме, и в большой мере это достигается благодаря глубокой интонационной выразительности лермонтовской речи.

Интонационный рисунок «Героя нашего времени» отражает своеобразие его стиля — сдержанного, строгого, лаконичного. Для читателей, воспитанных на романтической литературе, такой стиль был непривычен. Характерно, что автор, как будто предвидя возможные упреки, устами своего героя попытался объяснить по этому поводу с читателем: «...многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы: полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов...»

Своеобразие лермонтовского стиля, скрывающего за строгостью формы глубокую силу чувства, в полной мере будет осознано писателями и критиками второй половины XIX столетия. В 1862 году Ап. Григорьев скажет, что Лермонтов — «это узаконение нашей страстности».

Характер стиля романа определяет особенности интонационной системы: господствующую роль в ней играет повествовательная интонация. Но характерно, что в целом ряде эпизодов она утрачивает свою «нейтральность», вступая в сложное взаимодействие с эмоциональной лексической основой высказывания. Подобный прием часто используется в пейзажных зарисовках. Возмущенное, обостренное восприятие Печориным внешнего мира резко контрастирует в них с сухой, бесстрастной интонацией: «Нынче в 5 часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный». Такой способ изображения, построенный на контрасте формы и содержания, дает возможность не только вызвать глубокое восприятие данного эпизода. Он раскрывает своеобразие натуры самого героя (замкнутой, сдержанной в проявлении чувств) и

придает особую остроту тем немногим описаниям, в которых очарованность, влюбленность Печорина в живой мир природы раскрывается в совсем иных — восторженных, радостных тонах (именно так изображено душевное состояние героя накануне дуэли: «Я не помню утра более голубого и свежее!»).

Подобным же образом используются в романе и вопросительные интонации, так любимые Лермонтовым. Насыщая ими внутренние монологи Печорина, он отражает глубокую духовную смятенность своего главного героя. Вопросительный тон монологов лишает их какой бы то ни было назидательности, потому особенно остро воспринимаются те мысли, выводы, которые высказываются Печориным в утвердительной форме. Частое обращение к вопросительной интонации в романе, как нам кажется, связано с богатством ее эмоциональных оттенков и той почитаемой Лермонтовым неуловимостью, неопределенностью настроения, которую она несет в себе.

Сдержанность стилистической палитры романа находит отражение и в использовании восклицательных интонаций. По своему прямому назначению — для выражения сильных, глубоких переживаний (как это было в первом романе) — восклицание используется редко. Оно окрашивает речь Печорина в наиболее критические моменты его жизни. Например, в период раздумий о любимой женщине или в минуты воспоминаний о дне дуэли («Она вверилась мне снова с прежней беспечностью; и я ее не обману: она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть!»); «Как все прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти!»). Такой способ изображения характерен для поэтики романа в целом: наиболее выразительные художественные средства, в том числе интонационные, Лермонтов использует лишь в особых случаях, подчеркивая тем самым необычность ситуации и остроту переживания.

Многообразны функции восклицания в выражении иронического отношения героя к окружающим и к себе самому. Взаимодействуя с лексической основой, ироническая интонация всякий раз приобретает глубоко индивидуальную окраску, отражая чувства очень широкого спектра: от язвительности в адрес Грушницкого и насмешки по отношению к Мери до добродушного подшучиванья над Вернером и бесстрашного высмеивания собственных слабостей:

«...я его видел в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперед зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..»

«А-га! — подумал я: — вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!»

« — Нет, отгадайте, — о вы, отгадывающий все на свете!»

«...теперь я только хочу быть любимым, и то очень немногими; даже мне кажется, одной постоянной привязанности мне было бы довольно: жалкая привычка сердца!..»

Интонационной характеристике в «Герое нашего времени» присуще еще одно очень специфическое свойство: она довольно часто опровергает содержание высказывания. Вспомним финал «Тамара»: «Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!..» Равнодушие, заключенное в словах, вступает в явное противоречие с болью, обидой, горечью, которые выражены интонацией: сильным, организованным в форме четырехстопного ямба началом («Да и какое дело мне»), повторениями, инверсией, ритмическим выделением местоимения *мне* (во втором случае) и, наконец, восклицанием с оттоцием вместо ожидаемого вопроса. Этот прием, как мы отмечали, использовался и в «Княгине Лиговской», но если там противоречие содержания и интонации раскрывалось в ремарке, то здесь оно выражается в духе поэтики романа, опосредованно, с помощью чисто интонационных средств.

Даже из этих немногочисленных примеров (касающихся лишь одного из средств интонационной выразительности — пунктуации) видно, что своеобразие интонационного рисунка «Героя нашего времени» определяют, в основном, три черты: крайняя сдержанность в выборе интонационных средств (обеспечивающая особую остроту восприятия тех фрагментов, в которых автор прибегает к сильной, эмоционально-насыщенной интонации), тяготение к сложной интонационной форме (контрастной по отношению к содержанию, противоречащей ему или необычной по своим функциям) и абсолютное соответствие интонационных характеристик психологической природе героя.

В значительной степени именно благодаря интонации раскрывается в романе насыщенность, глубина духовной жизни Печорина. Интонация отражает самые разные настроения: от добродушной насмешки до язвительной иронии, от уныния, безысходной печали до восторга, от тихого безмятежного созерцания мира до негодующего отношения к нему, от страстной увлеченности до мрачного равнодушия.

Особенность интонационной палитры «Героя нашего времени» заключена не только в удивительном разнообразии ее оттенков. Неповторимый колорит романа создается и необычайной подвижностью, гибкостью интонационного строя речи. Смена одной интонации другою происходит, как правило, очень быстро, отражая тем самым крайне напряженное, нервное течение внутренней жизни героя (например, в монологе перед дуэлью). Причем она меняется не только в рамках монолога, но и в пределах фразы.

Чаще всего графически это обозначается с помощью тире, которое резко выделяет наиболее значимое в предложении слово, или с помощью отточия, разрывающего интонационное единство в целях отражения глубокого внутреннего смятения героя:

«Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее прощальный взгляд, последний подарок,— на память?..» «Лакей мой сказал мне, что заходил Вернер, и подал мне две записки: одну от него — другую ... от Веры».

В большой мере своеобразие «Героя нашего времени» связано и с тем, что в нем, как и в поэзии Лермонтова, органически сочетаются разговорные и поэтические интонации. Это единство придает интонационной линии произведения совершенно особый колорит — тревожный и глубоко волнующий.

Характерно, что даже в последнем своем романе, где мастерство интонационного построения фразы столь велико, Лермонтов сознательно отказывается от описания разговоров Печорина с Верой. Мотив отказа связан с преобладанием в подобных разговорах звукового, музыкального начала над смысловым: «Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере». Читая эти строки, невольно вспоминаешь написанное в 1840 году стихотворение «Есть речи — значенье...»

Все сказанное здесь об интонации относится в основном к главному герою. Интонационное своеобразие речи второстепенных персонажей — вопрос особый. Отметим лишь, что в интонационном отношении их речь тонко индивидуализирована, но все же она не столь богата и разнообразна, как речь Печорина. Высказывания, реплики второстепенных персонажей часто дополняются комментариями, разъясняющими их эмоциональную природу. По своему характеру, пожалуй, наиболее близки друг другу голоса Печорина и автора, и роднит их прежде всего внутренняя сдержанность.

*

Глубокое и всестороннее изучение поэтики и стиля романа «Герой нашего времени» невозможно без исследования его интонационных особенностей, которые мы попытались рассмотреть, ибо неповторимую специфику лермонтовского повествования определяют именно они.

И. А. ЗАЙЦЕВА
Рисунок Б. Захарова

ЖИВАЯ НИТЬ

Советские писатели и поэты
о М. Ю. Лермонтове

«...Недалеко то время, когда имя его в литературе делается народным...» — эти пророческие слова о Лермонтове написал в 1841 году В. Г. Белинский. Интерес к творчеству и самой личности М. Ю. Лермонтова стал поистине народным и не прекращается с тех пор, когда в траурные дни прощания с Пушкиным в Петербурге появились мужественные, огромной поэтической силы стихи:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой...

Автор этих стихов — двадцатидвухлетний корнет лейб-гвардии Гусарского полка — был тогда мало кому известен. Почти за полтора столетия, прошедшие с того времени, о жизни и литературно-художественном наследии М. Ю. Лермонтова написаны многочисленные исследования (существует специальная область в литературоведении — лермонтоведение); образ поэта создается в художественных произведениях — романах и повестях, рассказах и пьесах, поэмах и стихотворениях. В них выражено глубокое чувство любви к бессмертным, необходимым людям всех времен и поколений творениям поэта.

В 70-х годах вышли два разных поэтических сборника с одинаковым названием «Венок Лермонтову» (Ставрополь, 1976; Саратов, 1979), в которых опубликованы стихи советских поэтов, посвященные Лермонтову. В 1984 году к 170-летию со дня рождения поэта Приволжское книжное издательство (Саратов) выпустило второе издание, дополненное и исправленное, сборника «Венок Лермонтову», куда вошли стихи поэтов разных народов нашей Родины.

В связи с юбилеем поэта публикуем отрывки из очерков известных писателей о красоте и величии лермонтовской поэзии и прозы и несколько стихотворений из сборника «Венок Лермонтову» (1984).

Ираклий Андроников

«БОРОДИНО»

Когда заходит речь о 1812 годе, о Бородинской битве, о московском пожаре, мы невольно вспоминаем лермонтовское «Бородино». И, желая точнее и образнее

выразить собственные мысли и представления, используем в качестве метких изречений, призывов, заглавий газетных статей — ты ли не половину строк этого замечательного стихотворения: «День Бородина», «Ребята! не Москва ль за нами?», «Недаром помнит вся Россия»; «Уж постоем мы головою За родину свою!»... Много ли в русской поэзии произведений, кроме басен Крылова и «Горя от ума» Грибоедова, строчки которых навсегда вошли бы в повседневную жизнь, как строки «Бородина»?!

Говоря об отношении Лермонтова к Отечественной войне, мы всегда будем отдавать предпочтение «Бородину» перед другими произведениями, потому что не найти у него другого, в котором с такою великой силой и простотой, так обширно была бы выражена любовь к 1812 году, к России, к победе. Сколько ни читаешь «Бородино», каждый раз находишь в нем все новые, не замеченные прежде достоинства. И видишь, как выразилось в нем время, о котором идет рассказ, и напряженный интерес к этой великой эпохе.

Но главное, что отличает стихотворение Лермонтова, от многих других, даже и гениальных, изображений войны у его предшественников и современников, заключается в том, что он вводит читателя в самую гущу сражения, показывает войну так, как видит ее рядовой солдат. Поэтому такое значение приобретают в его описании детали! До Лермонтова таких описаний не было. Пушкин, гениально изобразивший Полтавскую битву, показывает ее сверху, словно с «командного пункта», крупно «врезая» в эти «общие планы» Петра. Мы видим сражение из-за плеча царя. Лермонтовское описание открыло для русской литературы путь новый — к «маленькому» герою, рядовому человеку, герою массовому, который, выражая чувства и точку зрения народа, есть сам народ. И очень интересно, что лермонтовский солдат почти весь свой рассказ ведет во множественном числе: «Уж мы пойдем ломить стеною, Уж постоем мы головою За родину свою!». Это «мы» перемежается с «я» («Забил заряд я в пушку туго...») и становится от этого только внушительнее.

Естественно, что, передавая восприятие солдата, лермонтовский герой и говорит языком солдата, уснащая свою речь шуточками и прибаутками вроде: «Постой-

ка, брат, мусью!» Все это давно сделало «Бородино» доступным для самых широких демократических кругов. И не удивительно, что уже в 40-х годах «Бородино» вошло в детские сборники, в книги для чтения, составленные для уездных училищ, а с 1850 года — в «Чтение для солдат».

Николай Тихонов

ЛЕРМОНТОВ

В чем тайна лермонтовской прозы, которую Чехов предлагал изучать, как разбирают в школе — по предложениям, по частям предложения?

В чем тайна этого стиха, неровного по исполнению и по вдохновению, но всегда насыщенного лихорадочным огнем, энергией иступленного холода? Так блестели правдой боя зловещие клинки во мраке валерикского леса...

В Лермонтове жила настоящая, глубокая сила русского человека. Глубоко национально его творчество. Из самого сердца шли строки о родине, о Бородине, о Москве:

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,

Как русский, — сильно, пламенно и нежно!

Его стихийность, удаль, любовь к жизни, искание вольности, тревожная и нежная песня, ненависть к мещанству, жажда подвига — все это русские типичные черты.

Ольга Берггольц

ДНЕВНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Красота и человечность лермонтовских стихов, неосознаваемые, а потому тем более властные, пленили меня всей силой своею... Я прочла и тут же запомнила стихи об одинокой сосне, о листочке дубовом, об утесе и золотой тучке. Как жалко было сосну, утес, дубовый листок!

Именно сумрачной тайной своей пленяли и изумляли меня стихи «В полдневный жар в долине Дагестана...» О, почему же убитому гусару, который лежит в долине

с дымящейся раной в груди, снится далекая-далекая красавица, а ей снится он? Как почувяла она, что он убит, как, умирая, узнал он, что она думает о нем? Но ведь это все правда, это так и есть, и убитый гусар похож на Лермонтова с его большими грустными глазами, а на убитого гусара и самого Лермонтова похож витязь, спящий на дне реки, витязь, о котором так удивительно поет русалка... Очарованная этим стихотворением, я твердила его наизусть, про себя, целый день, изнемая от наслаждения прекрасной, не своей грустью.

То был Лермонтов детства. Потом был Лермонтов недолгого отрочества и внезапной, ранней юности, когда стихи его властно и просто сливались с жаждой подвига во имя Революции, питали бурное отрицание бога — Демон! — рождали первые мечты о будущей, обязательно и необыкновенной и страшной любви — вновь Демон! — а решение стать настоящим, профессиональным революционером-поэтом уверенно опиралось на образ лермонтовского поэта-свободолюбца-кинжала-колокола.

Расул Гамзатов

НЕРАСТОРЖИМЫ

Немало песен сочинил поэт
О нашем крае, о горах высоких,
И горный край о нем сто двадцать лет
Поет на языке своих потомков.

Туман веков, как сумеречный дым,
Плывет по небу, но нерасторжимы
Певец Кавказа, павший молодым,
И сам Кавказ с вершинами седыми.

Николай Рыленков

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ЛЕРМОНТОВА

«Люблю отчизну я, но странную любовью!» —
Сказал поэт. И впрямь, любовь его была
Такой, что вопреки людскому суесловью
На ней, как на костре, он сжег себя дотла!

ПОРУЧИК ЛЕРМОНТОВ

Мой брат бывалый командир.
Не взвод у брата под началом,
И по плечу ему мундир
Тот, что положен генералам.

А мне присваивать указ
Не будет звания другого.
Поручик Лермонтов, у вас
Хочу быть в званье рядового.

Перевел Яков Козловский

Леонид Хаустов

ЗНАКОМЫЙ ТОМИК

Знакомый лермонтовский томик
В сырой землянке на войне...
Сейчас, наверно, и не вспомнишь,
Кто дал его на память мне.

К огню подсядешь и листаешь,
И хоть отвык уже от книг,
А «Завещанье» прочитаешь,
«Бородино» и «Валерик».

Всему свой срок, своя причина,
И книжку, направляясь в бой,
Кому-то из солдат вручила
Моя к поэзии любовь.

Чуть приоткрыв печурки дверцу,
Теперь уж он шептал слова.
Вот так, идя от сердца к сердцу,
Была поэзия жива.

Мы с ней за котелок садились,
Горели в танках, шли ко дну.
Стихи, что на войне родились,
Пришли обратно на войну.

«Самое прекрасное для человека — всем созданным тобой служить людям и тогда, когда перестанешь существовать», — говорил Николай Алексеевич Островский. Его книга «Как закалялась сталь» — животворный родник мужества и красоты души человеческой — стала знаменем советской молодежи, которая учится у Н. Островского и у его героев беззаветной любви к Родине, умению преодолевать трудности, упорству в достижении поставленных целей.

Ленинская тема в романе «Как закалялась сталь»

Роман «Как закалялась сталь» по праву должен занять свое место в кругу литературных произведений, связанных с ленинской темой. Дело не только в том, что идеи великого В. И. Ленина стали важнейшей частью, глубинным источником мировоззрения автора романа, что они стимулировали пафос произведения и становление личности и автора и его героя. Ленинская тема нашла в романе конкретное выражение и в его словесно-образном строе, и в проблемном и идейно-тематическом плане. Она присутствует в ряде ключевых сцен, появляющихся в напряженных и поворотных моментах сюжетного развития.

Особенно четко она выражается во второй части романа в связи с нарастанием его партийно-политической проблематики — изображением борьбы и разгрома ленинцами троцкистско-зиновьевской оппозиции. Именно в этом аспекте утверждается очень важная для романа идея единства революционных поколений. Она конкретизируется, например, в страстной речи друга Павла

Корчагина Игната Панкратова, заканчивающейся так: «Мы единство нашей великой партии не позволим разрушать. Никогда не расколется старая и молодая гвардия. В непримиримой борьбе с мелкобуржуазными течениями под знаменем Ленина мы придем к победе!»

Ленинская тема связана и с описанием в романе смерти Владимира Ильича Ленина. Очень характерно, что вслед за известием о кончине Владимира Ильича изображен в романе ленинский призыв рабочих в Коммунистическую партию большевиков. Его можно сравнить со сходным образно-композиционным решением в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». В плане образности, символики легко заметить перекличку романа «Как закалялась сталь» с целым рядом произведений Ленинианы того времени, когда жил и творил Н. Островский, в частности сравнение Ленина с капитаном или штурманом морского корабля: «Не было в зале обычного шума, разговоров. Великая скорбь приглушила голоса, люди разговаривали тихо, и не в одной сотне глаз читалась скорбная тревога. Казалось, что здесь собрался экипаж судна, потерявшего своего испытанного штурмана, унесенного шквалом в море».

Вспомним хотя бы стихотворение 1925 года С. Есенина «Капитан земли»:

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Вместе с тем многосторонняя связь Н. Островского-романиста с богатейшим художественным опытом советской литературы способствовала выявлению и развитию творческой индивидуальности писателя, его своеобразным художественным решениям. Так, известие о смерти Владимира Ильича Ленина, всенародное горе Н. Островский передает, мастерски сочетая общий и крупный планы. Общий план — суровая зима 1924 года, с ее буранами, метелями, снежными заносами. Читаем в романе: «На юго-западных железных дорогах заносило снегом пути. Люди боролись с озверелой тихией».

В снежные горы врезались стальные пропеллеры снегоочистителей, пробивая путь поездам. От мороза и вьюги обрывались оледенелые провода телеграфа, из двенадцати линий работало толь-

ко три: индоевропейский телеграф и две линии прямого провода». И вот от этого, так своеобразно переданного общего плана, автор переходит к крупному. Как в замедленной съемке, он показывает реакцию старика-телеграфиста на трагическое известие, которое складывается из знаков «точка» — «тире» на телеграфной ленте. Сквозь сумятицу различных мотивов этого крупного плана (тут и контрастирующая с опытностью старика-телеграфиста молодость его сотрудниц, и отвлекающие наблюдения за узорами морозного стекла, и машинальные обрывки размышлений и другие детали) пробивается глубоко жизненно и психологически мотивированное: «Несколько мгновений телеграфист смотрел на листок, и в первый раз за тридцатидвухлетнюю работу он не поверил записанному.

Он трижды бегло пробежал по строкам, но слова упрямо повторялись: «Скончался Владимир Ильич Ленин». Старик вскочил на ноги, поднял спиральный виток ленты, впился в нее глазами. Двухметровая полоска подтвердила то, во что он не мог поверить! Он повернул к своим товаркам помертвелое лицо, и они услышали его испуганный вскрик:

— Ленин умер!»

Состояние крайней взволнованности, потрясенности выражают эмоционально-экспрессивные слова и обороты (*трижды бегло пробежал по строкам, слова упрямо повторялись, вскочил на ноги, впился глазами, помертвелое лицо, испуганный вскрик*); включение в авторское повествование слов телеграфиста в форме несобственно-прямой речи (*«во что он не мог поверить!»*) и в форме прямой речи (*«Ленин умер!»*), завершающей эту напряженную сцену.

Мастерство Н. А. Островского проявляется и в том, что все это в едином эпико-лирическом звучании подготавливает очень ответственную по содержанию своему сцену романа — изображение траурного митинга, который переходит в партийное собрание (ленинский призыв рабочих в партию). Эта сцена — одна из сюжетных вершин, кульминация романа не только по своей политической значимости и эмоциональному звучанию, но и потому, что образы каждого из трех рабочих, принимаемых в ряды большевиков, знаменуют собой три существенные темы романа «Как закалялась сталь».

Во-первых, это тема пролетарского интернационализма. Ее выражает образ старого машиниста поляка Станислава Зигмундовича Полентовского. Во-вторых, тема преодоления в рабочей среде обывательщины и мелкобуржуазной стихии (образ Артема Корчагина). В-третьих, тема идейно-политического и нравственного единства поколений отцов и детей в борьбе за торжество коммунизма (образ Захара Брузжак).

Так, совершенно по-новому решает Н. Островский тему ленинского призыва, глубоко переплетая и сопрягая ленинскую тему с гремя ведущими темами романа, которые оказываются углубленными в его сюжетной структуре. Ленинская тема в таком решении получила у писателя подлинно народное, подобное М. А. Шолохову, мощное художественное звучание: «Смерть Ленина сотни тысяч рабочих сделала большевиками. Гибель вождя не расстроила рядов партии. Так дерево, глубоко вошедшее в почву могучими корнями, не гибнет, если у него срезают верхушку».

Особая напряженность и драматическая острота переживаемого страной исторического момента передается писателем перекликающимися метафорами: *рассвирепел январь, завыл буранами и затяжной метелью*; люди боролись с *озверелой стихией*. И все это замыкается характерным для слога писателя словосочетанием «*Рассвирепел январь на занесенную снегом страну*». Синтаксис этого фрагмента отличается интенсивной инверсией: «*Ледяной стужей ознаменовал свое вступление в историю тысяча девятьсот двадцать четвертый год*»; «*В снежные горы врезались стальные пропеллеры*»; «*Из двенадцати линий работало только три...*»; «*От мороза и вьюги обрывались оледенелые провода телеграфа...*»

Масштабность контекста достигается экономно и мотивированно введенной терминологией и словами пространственно-временного значения (на юго-западных железных дорогах; из двенадцати линий; индоевропейский телеграф и две линии прямого провода). Ритмика предложений и сложного синтаксического целого соответствует этому лексическому строю, напоминает стихотворение в прозе.

Таким образом, Островский своим описанием суровой зимы 1924 года добивается создания тональности особой эмоциональной напряженности, предвещающей по контрасту крупный план — изображение комнаты телеграфа станции Шепетовка 1-я, где старик-телеграфист первый принимает трагическую весть о смерти Владимира Ильича Ленина. В этом фрагменте ощутимо меняется весь стилистический строй: словарь, конструкция и ритм фразы, система глагольных форм времени. Так, если в предыдущем фрагменте общего плана преобладали формы прошедшего времени глаголов, то здесь доминируют формы настоящего времени. Инверсия, характерная для предыдущего описания, сменяется прямым порядком слов. Возникает ритм обычной повествовательной речи. Словарь почти свободен от метафорических и терминологических элементов. Приведем примеры:

«В комнате телеграфа станции Шепетовка 1-я три аппарата

Морзе не прекращают свой понятный лишь опытному уху неустанный разговор.

Телеграфистки молоды, длина ленты, отстуканной ими с первого дня службы, не превышает двадцати километров, в то время как старик, их коллега, уже начинал третью сотню километров». На этом намеренно как будто спокойном фоне ударно выступают особые средства выразительности, к которым прибегает писатель для передачи трагического известия. Это, во-первых, расчленение фразы телеграфного сообщения о смерти Ленина обстановочной и отчасти психологической, субъективной информацией, исподволь создающей ощущение эпической дистанции при восприятии страшного сообщения: «Аппарат передавал:

„Двадцать первого января в шесть часов пятьдесят минут“

Телеграфист быстро записал прочитанное и, бросив ленту, оперев голову на руку, стал слушать.

„...вчера в Горках скончался...“

Телеграфист медленно записывал. Сколько в своей жизни прослушал он радостных и трагических сообщений, первым узнавал чужое горе и счастье. Давно уже перестал вдумываться в смысл скупых, оборванных фраз, ловил их слухом и механически заносил на бумагу, не раздумывая над содержанием.

Вот сейчас кто-то умер, кому-то сообщают об этом. Телеграфист забыл про заголовок: „Все, всем, всем!“.

Во-вторых, это использование средств графики: разбивка слов «Владимир Ильич» на составляющие их буквы: «В-л-а-д-и-м-и-р И-л-ь-и-ч», мотивированная техникой телеграфного дела, но приобретающая в контексте дополнительную — психологическую — нагрузку.

Рассказывая о траурном митинге и партийном призыве, Островский прибегает к уже найденному им приему сочетания фрагментов разной тональности и стилевой окраски по способу контраста, разумеется, давая им новое конкретное наполнение. Так, густо окрашенный метафорически фрагмент с подчеркнутой глагольной динамической экспрессией («Весть о великой утрате *выскользнула* из аппаратной в *распахнутую* дверь и с быстротой вьюжного ветра *заметалась* по вокзалу, *вырвалась* в снежную бурю, *закружила* по путям и стрелкам и с ледяным сквозняком *ворвалась* в приоткрытую половину кованых железом депоовских ворот») сменяется деловым, спокойно-обстоятельным повествованием с обилием профессионально окрашенной лексики и фразеологии: «В депо над первой ремонтной траншеей стоял паровоз, его лечила бригада легкого ремонта. Старик Полеповский сам залез в траншею под брюхо своего паровоза и показывал слесарям *больные места...*». И далее опять, контрастируя с этим сно-

койным повествовательным тоном, возникает слог повышенной экспрессивности, который включает в себя различные средства выразительности. Здесь и особого значения метафористика, объединенная семантикой тревоги и боя: «В светлом прорезе деповской двери *промелькнул человек, и предвечерние тени проглотили его*». «В их мощный и напоенный тревогой призыв *вошел гудок электростанции, высокий и пронзительный, как полет шрапнели*». Здесь и синтаксические повторы анафорического типа: «*Казалось, стены железнодорожного клуба не выдержат напора человеческой массы (...)* *Казалось, что здесь собрался акинаж судна...*»

В обрамлении этого повышенно экспрессивного контекста выступают в форме прямой речи монологи — речевые характеристики трех рабочих, принимаемых в партию в числе ленинского призыва. Стилистически выразителен монолог первого из них — старого машиниста Полентовского. Здесь, активно формируя контекст, выступает слово *старый* с его производными и контрастирующее и вместе с тем сопрягаемое с ним слово *молодость*. Вот примеры из выступления Полентовского, вводимого в текст авторскими словами:

«*Старик* Полентовский не мог не волноваться, рассказывая слушающим его историю своей жизни:

—... Что ж мне еще сказать, товарищи? Жизнь у рабочего человека в *старое* время была известно какая. Жил в кабале и пропадал нищим в *старости*. Что ж, признаюсь, когда революция настала, то считал я себя *стариком*...

В девятьсот пятом в варшавских мастерских был в забастовочном комитете и с большевиками заодно шел. *Молодость* была тогда и ухватка горячая. Что *старое* вспоминать? Ударила меня Ильичева смерть по самому сердцу, потеряли мы навсегда своего друга и старателя, и нет у меня больше слов о *старости!*»

По-видимому, не случайно, что композиционно этот монолог начинает развитие темы ленинского призыва, а замыкает ее речь о единстве поколений, старой и молодой гвардии большевиков Захара Брузжака.

Итак, ленинская тема, будучи органичной для романа «Как закалялась сталь», нашла выражение, соответствующее замыслу, и воплотилась в сложной системе речевых выразительных средств.

О. И. ЛАБУНЬКО

Измаил

Рисунок В. Толстоногова

К 175-летию
со дня рождения
А. В. Кольцова

«НА ЗАРЕ
ТУМАННОЙ
ЮНОСТИ...»

Сплав поэтических традиций

По энергии лиризма с Кольцовым из наших поэтов равняется только Лермонтов, по совершенной самобытности Кольцов может быть сравнен только с Гоголем.

Н. Г. Чернышевский

«На заре туманной юности. Всей душой любил я милую..» — хорошо знакомые каждому русскому человеку слова старого романса. Но далеко не каждый связывает эти строчки с именем Алексея Васильевича Кольцова, замечательного русского поэта прошлого столетия, современника Пушкина, Лермонтова, Белинского. Потому что общепринято, привычно представление об А. В. Кольцове как о поэте, тесно связанном с фольклорной традицией, выразителе духа крестьянства. Более соответствующей его поэтическому голосу, индивидуальному стилю является песня.

В самом деле, скольким своим стихотворениям он дает названия «Песня» («Очи, очи голубые...», «Увижу ль я девушку...», «Утратив то, что было мило...», «На что ты, сердце нежное...», «Ты не пой, соловей...»), «Русская песня» («Греет солнышко», «Не скажу никому», «Ты прости-прощай», «Я любила его» и др.). Есть у Кольцова и «Военная песня», и «Песня старика», и «Песня пахаря», и «Первая песня Лихача Кудрявича» (есть и вторая). Но несмотря на акценты, расставленные в названиях самим автором, многих стихотворений Кольцова — поэта-самоучки — коснулась поэзия сентиментализма и романтизма, книжная традиция. Не поэтому ли некоторые кольцовские «песни» воспринимаются скорее как романс — жанр, более близкий явлениям литературного ряда

Вот например:

Утратив то, что было мило,
Напрасно вновь к себе зову;
Напрасно тень подруги милой
Хочу я видеть наяву.

Песня

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем.

Русская песня

Строфа «Песни» ассоциируется со стихотворными строчками Жуковского, Батюшкова. А «Русская песня» — с цыганским романсом, с «оцыганенным» русским романсом в более поздней поэзии Полонского, Григорьева, Блока:

Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Блок.

«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»

Синтез двух разных традиций в творчестве А. В. Кольцова — фольклорной и книжной — объясняется его человеческой судьбой. С одной стороны, Кольцов — сын торговца скотом, потомственный прасол, знакомый с жизнью и психологией крестьянства. С другой стороны, он — поэт, с интересом постигающий творчество поэтов-современников и предшественников, принятый всерьез литературной критикой (В. Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским) и оцененный А. С. Пушкиным. Известно, что в 1836 году незадолго до своей смерти великий поэт радушно принял Кольцова и тепло беседовал с ним.

За этим внешним противоречием в судьбе Кольцова — глубокий внутренний конфликт, драматизм рано окончившейся жизни, о котором писал В. Г. Белинский: «Прасол, верхом на лошади гоняющий скот с одного поля на другое, по колено в крови присутствующий при резани, или, лучше сказать, при бойле скота; приказчик, стоящий на базаре у возов с салом, — и мечтающий о любви, о дружбе, о внутренних поэтических движениях души, о природе, о судьбе человека, о тайнах жизни и смерти...» (Белинский В. Г. Собр. соч. в 8 тт., т. 8, М., 1982). Однако не будь этого драматизма в жизни Кольцова, не было бы, возможно, столь национального и самобытного большого поэта. По словам В. Г. Белинского, «это был поэт по призванию, по натуре, — и

препятствия могли не охладить, а только дать его поэтическому стремлению еще большую энергию» (там же).

Вернемся к стихотворению «Разлука» («На заре туманной юности...») и пронаблюдаем, как сплывилось в поэтике Кольцова «фольклорное» и «книжное»:

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет;
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, зная, бог велел — расстанемся.
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль вышлакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

Тема стихотворения — разлука — очень близка русской народной лирике. Мотивировка разлуки в народных песнях может быть обозначена (вынужденное замужество, женитьба, уход милого в солдаты и т. д.), но может быть и не названа, приглушена. Акцент, как и в стихотворении Кольцова, возможен на ее неизбежности, неотвратимости, на теме прощания:

Что со всеми, ах, да разлюбезный друг
Со всеми простился,

Что со мною, молодой, с молодешенькой —
 Со мной постыдился!
 С половины пути, со дороженьки
 Назад воротился,
 Со мной, с красной девушкой,
 Со мной распростился:
 — Ты прости-прощай, моя любезная,
 Прощай, бог с тобою!
 — Если лучше найдешь, разлюбезный друг,
 Меня позабудешь,
 Если хуже найдешь, разлюбезный друг,
 Меня вспомянешь!

(Собрание народных песен П. В. Киреевского, т. I, Л., 1983).

В стихотворении Кольцова присутствуют типичные для народной поэзии образы: ясен сокол (о милом, возлюбленном) (VI строфа), эпитеты: дуброва-мать *зеленая*, парча *шелковая* (II строфа), *ясный* день (III строфа). Перекликается с традиционным в народной любовной лирике «прости-прощай» кольцовское «прости, милая». В области синтаксиса наблюдаются характерные для фольклора инверсии: *утро майское, грусть свою*, повтор обращений, создающих характерное в народной песне мелодическое движение (II строфа), преимущественное построение строф в форме простых, неосложненных предложений.

Однако сильла в этом стихотворении Кольцова и литературная, книжная традиция. Между стихотворными строчками «Разлуки» и романтической, элегической лирикой первой половины XIX века видна непосредственная связь. Свидетельство тому — одноименные стихотворения поэтов-предшественников К. Н. Батюшкова («Разлука», 1815), Е. А. Баратынского («Разлука», 1820). Вспомним хотя бы строчки батюшковского стихотворения:

Напрасно покидал страну моих отцов,
 Друзей души, блестящие искусства...
 . . . . .
 Напрасно: всюду мысль преследует одна
 О милой, сердцу незабвенной,
 Которой имя мне священо,
 Которой взор один лазоревых очей
 Все — неба на земле — блаженства отверзает.
 И слово, звук один, прелестный звук речей
 Меня мертвит и оживляет.

В кольцовской «Разлуке» обнаруживается близость Батюшкову и по общей элегической тональности, и по теме. Как и у

Батюшкова, стихотворение Кольцова посвящено воспоминанию о возлюбленной, с которой лирический герой разлучен временем и расстоянием. Как и у Батюшкова, образ «милой» незабвенен: «не забыть мне, как в последний раз...» Подобно литературному предтече, поэт выделяет взгляд любимой. Близок батюшковской «Разлуке» и смысловой ход II и III строф кольцовского стихотворения. Сравните эти строфы со следующими строчками признанно го мастера элегии:

...Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отвергает.

Отчетливо выражено влияние книжной традиции и в языковой ткани стихотворения. Устойчивый традиционно-поэтический образ несет слово *заря*, ассоциирующееся в поэзии с началом/концом жизненного пути. Закреплено поэтической традицией употребление слов *небесный свет* (о глазах), *горел огонь* (о сильном чувстве, страсти) в III, IV строфах. Очевидны литературные элементы в V строфе: и *рыдая*, как *безумная*.

Но несмотря на влияние традиций устного народного творчества и книжных источников, это стихотворение привлекает читателя и слушателя своей подлинностью, индивидуальностью. Сплав двух разных традиций трансформировался в творчестве Кольцова и породил качественно новые образы.

По-своему разрабатывает Кольцов известную в фольклорной традиции цветовую символику. *Красное* и *белое*, как отмечают исследователи, «с одной стороны, это цвета чистоты и красоты, с другой — цвета, приносящие несчастье» (Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978). Однако, согласно песенному канону, при описании красоты лица девушки используется, как правило, символика красного и белого с положительной эмоциональной окрашенностью, например:

Для чего, про что красная девица
Уродилась хороша: Лицо — белый снег,
В щечках — алый цвет...

(Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевским, т. 5, СПб., 1900).

Кольцов использует цветовую символику при изображении женского лица, но передает цвет метафорически и, вопреки канону, изображает тем самым не песенную красоту, а тревожное, драматичное состояние.

Книжно-традиционен, на первый взгляд, эпитет *туманная юность*, однако на фоне поэтической культуры того времени этот эпитет в сочетании с *юность* воспринимается как резко индиви-

дуальный. В «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова у слова *туманный* при переносном значении «омраченный чем-нибудь, безрадостный» дана помета «поэт.» и в качестве примера приведены две первые строчки «Разлуки». Семантика прилагательного-эпитета *туманный* у Кольцова гораздо богаче: она является выразительным подтверждением «колеблющейся семантики» (по Ю. Н. Тынянову) слова в стихотворном тексте. Прежде всего контекст дает возможность увидеть значение «происходящий в такое время жизни, когда все еще видится в дымке, тумане, может быть, тумане мечты», во-вторых, значение «видимый неотчетливо, через туман утёкшего времени с позиций настоящего». И наконец, в более широком контексте — всей лирики Кольцова — *туманный* ассоциативно связывается с *грустный, печальный* (затуманенный слезами).

Позже И. С. Тургеневым напишется «Утро туманное, утро седое...», еще позднее А. А. Блоком:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

Незнакомка

Но и у Тургенева, и у Блока несколько иное наполнение образа: через прямое значение «окутанный туманом, непрозрачный вследствие тумана» лишь мерцают переносные. В контексте же стихотворения Кольцова переносные значения прилагательного-эпитета оказываются доминирующими.

Как индивидуальное осознается включение в контекст элегического стихотворения драматического диалога между *им* и *ею*, сознательно оборванного на полуслове авторским ходом последней строки: «Занялся дух — слово замерло...»

Стихотворение «Разлука», как известно, имеет биографическую почву. Прообраз его лирической героини — первая любовь Кольцова, шестнадцатилетняя крепостная Дуняша, которая по воле отца Кольцова была продана ростовскому помещику. Драматическая подоплека стихотворения исключает стилизацию: привычную народную поэтику и традиционные книжные слова-образы автор объединяет своим видением.

Через поколения родится иной поэтический голос — А. А. Блок, — и критик и литературовед XX века Ю. Н. Тынянов напишет о его поэтике: «Он [Блок. — *О. П.*] предпочитает традиционные, даже стертые образы..., так как в них хранится старая эмоциональность; слегка подволенная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа...» (Ю. Тынянов. Проблема

стихотворного языка. М., 1965). Не эта ли же самая привычная, узнаваемая образность у Кольцова побудила в свое время Н. Г. Чернышевского сделать в письме к Н. А. Некрасову признание: «...я старовер, по влечению своей натуры, и признаю новое, только вынуждаемый решительною невозможностью отрицать его. Я люблю Пушкина, еще больше Кольцова...» (Чернышевский Н. Г. Собр. соч. в 15 тт., т. 14, М., 1949).

Широкой известностью в связи с музыкальным переложением пользуется и другое стихотворение А. В. Кольцова «Горькая доля»:

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

Есть в этом стихотворении та же узнаваемость образов. Ушедшая молодость — давняя тема русской народной поэзии:

Молодость ли, ты, моя молодость да молодецкая,
Ты когда прошла да прокатилась?
В кое времечко да миновалась?

Выразительны по «узнаваемости» элементы народной поэтики первая и последняя строфы «Горькой доли». В первой строфе присутствует характерный для народной поэзии творительный превращения: «Соловьем залётным Юность пролетела...» (ср.: из Собрания народных песен П. В. Киреевского:

Уж я улицей —
Серой утицей,
Через зелен сад —
Перепелушкой,
Через барский двор —
Я холопушкой).

В последней строфе дана характерная развернутая метафора:

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит гниет...

Дуб, как известно, ассоциирующийся в народной поэзии с образом мужчины, крепкого, выносливого, сильного, является словом-символом. Также символична и гибель дерева: она отождествляется с внутренним состоянием человека и выражает тревогу, печаль, беду. Таким образом, *дуб* в последней строфе «Горькой доли» — это сломленный невзгодами молодец.

Но присутствует в стихотворении и другая, литературная, струя: «Пора *золотая* была, да сокрылась...» Сравните функционирование эпитета *золотой* в более поздних стихотворениях Ф. И. Тютчева и С. А. Есенина:

Я вспомнил время, время золотое,
И сердцу стало так тепло...

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком...

Поэты вспоминают о минувшей молодости, наделяя ее эпитетом *золотая*, в лирических стихотворениях, ставших ныне хорошо известными романсами.

Имя А. В. Кольцова вошло в историю русской литературы, хотя объем его творческого наследия значительно скромнее наследия Пушкина, Лермонтова, Гоголя и многих других писателей — его современников. Однако подлинностью поэтического голоса, своеобразием индивидуального стиля Кольцов не уступает никому. Наблюдения над поэтикой двух широко известных стихотворений еще раз подтверждают, что таланту Кольцова было дано много: работая в традиции близкой ему народной лирики, он хорошо освоил и литературную поэтическую культуру. Резко выделяющийся своей индивидуальностью, кольцовский голос родился на пересечении двух разных традиций. Именно потому в романсе «На заре туманной юности...» слышится народная песня, а песня «Соловьем залётным...» — это преддверие многих литературных романсов.

О. Н. ПАНЧЕНКО

Рисунок С. Гавриловой

«МЫ ЛЮБИМ ЖИЗНЬ И ЛЮБИМ ЗЕМЛЮ ЭТУ...»

Алексей Александрович Сурков принадлежит к тому поколению писателей, творчеством которых создавалась советская литература. В его поэзии нашли отражение главные вехи современности, начиная с гражданской войны и вплоть до 70-х годов. Поэт никогда не был пассивным наблюдателем происходящих событий — он являлся их активным участником.

*

Сразу же после Февральской революции восемнадцатилетним юношей Алексей Сурков включается в общественную работу, а во время гражданской войны становится красноармейцем-пулеметчиком. Где бы ни находился поэт, — на комсомольской и партийной работе, на учебе в Институте Красной профессуры, занимаясь редакционной и литературной деятельностью, будучи в рядах действующей армии во время войны, — всюду он был на самом переднем крае общественной жизни страны.

Стихи Алексея Суркова — своеобразная поэтическая летопись Советской России, а его лирический герой, который нередко сливается с образом автора-рассказчика, — один из творцов современной

истории. Личностное «я» героя (или автора) не всегда получает свое лексическое выражение: соответствующее местоимение I-го лица единственного числа может быть опущено, оно подразумевается под формой множественного числа *мы*, имеющей собирательное значение. Такой прием отмечается в стихотворениях Суркова, посвященных гражданской войне:

Мы лежали на подступах к небольшой
деревеньке.
Пули путались в мякоти аржаного омета.

О нежности

Конкретное представление о местоимении *мы* раскрывается, как правило, через описываемую ситуацию, а также тогда, когда между этим местоимением и отдельным словом или словосочетанием в контексте стихотворения устанавливается идентичная предметная отнесенность. Иначе говоря, слово (или словосочетание) и *мы* являются как бы вариантами для обозначения одного и того же объекта. Например:

Вдали станица сквозь кусты
Глядится в тихий Дон.
Была верста,—
И нет версты.
Копытным ливнем бьет цветы
Московский эскадрон.

. . . . .
Вокруг пожарища и дым —
Войны проклятой след.
Мы ночь не спим
И день не спим,
Мы ночь и день в седле.

О войне и детях

*

В стихотворениях Алексея Суркова, написанных в годы Великой Отечественной войны, это *мы* чаще всего соотносится с военными подразделениями, в составе которых находился сам автор:

И день и ночь — и сутки прочь.
Последние заслоны пали.
Мы трое суток день и ночь
На этот город наступали.

«И день и ночь — и сутки прочь...»

Реалистические детали, включенные в начальные строки неко-

торых стихотворений, служат как бы ступенью к обобщению, при котором местоимение *мы* также приобретает широкое обобщающее значение. Сравним:

Мост. Подъем. И с крутого взгорья
Вид на выжженное село.
Зачерпнули мы злого горя,
Сколько сердце вместить могло.

. . . . .
Мы идем, врагов настигая
На развалинах городов.
Ширь отбитых полей нагая
Нам дорожке райских садов.

«Мост. Подъем. И с крутого взгорья...»

Переход от конкретного (1-я строфа) к общему (2-я строфа) обнаруживается, с одной стороны, в использовании номинативных предложений, выраженных существительными в единственном числе, которые передают обстановку действия («Мост. Подъем. И с крутого взгорья / Вид на выжженное село») и соотносятся с отдельным фактом, а с другой — в употреблении словосочетания в форме множественного числа («на развалинах городов»), подчеркивающего многократность последующих действий.

В военных стихах Суркова примечательны авторские пометы, указывающие не только дату, но и место создания произведения: «1-й Прибалтийский фронт», «Под Ржевом», «На Дону», «Брянское направление», «На Осколе» и др. Автор осознает себя как частицу народа, вынесшего все тяготы войны и завоевавшего победу. Это особенно отчетливо проявляется тогда, когда Сурков непосредственно обращается к своему долгу поэта, призванного запечатлеть прошлые испытания и будущие свершения:

Кжданному годами рубежу
Нас вплотную привели бон.
Как я в этой песне расскажу
Думы сокровенные свои?

. . . . .
Пробивая путь в кромешной мгле,
Мы беды хватили через край,
Чтобы нашим детям на земле
Дать земной, не выдуманный рай.

Мудрое уменье мастеров
Мы несем навстречу дням труда,

Чтоб в награду нам под каждый кров
Радость поселилась навсегда.

Рубежи радости

Здесь местоимение *я* в своем «личностном» значении включается в местоимение *мы*, имеющее значение собирательное.

Тема единства личности и государства, личности и народа, характерная для всей советской литературы, последовательно развивается в стихотворениях Суркова. В разработке этой темы, в утверждении социалистической морали, когда понятия *я* и *мое* сливаются с понятиями *мы* и *наше*, поэт следует традициям Владимира Маяковского. Сравним:

Я
земной шар
чуть не весь
                        обошел,—
и жизнь
                        хороша,
и жить
                        хорошо.

Вьется
                        улица-змея
Дома
                        вдоль змеи.
Улица —
                        МОЯ.
Дома —
                        МОИ.

Маяковский. Хорошо!

Города вырастают — мои города.
И плоды созревают — мои плоды.
Поезда пробегают — мои поезда.
И следы на Эльбрусе — мои следы.

Я отчизну с винтовкой прошел поперек,
Я названья давал ее городам.
Как невесту лелеял, как сына берег.
Разве я эту радость кому отдам!

Сурков.
«Светлый солнечный дождь прошел
                        стороной...»

Аналогичным по смыслу с местоимением *я* часто выступает местоимение *ты*, которое, подобно местоимению 1-го лица, соотносится с формой множественного числа *мы*:

Какая радость жить на белом свете,
Мир молодить и сокрушать старье,
Когда за все на свете ты в ответе,
Когда, на что ни взглянешь, все твое!
И никому мы не уступим чести,
По праву открывателей пути,
Из будущего людям принести
О коммунизме радостные вести.

«Считай, что жизнь мы прожили неплохо...»

Послевоенная поэзия Алексея Суркова связана с самой актуальной общественной проблемой — борьбой за мир. Его стихи приобретают острую публицистическую направленность. В конце 40-х годов Сурков создает ряд произведений, в которых в поэтической форме как бы воплощен жанр путевых очерков: «Янки в Копенгагене», «Датская сказка», «Персидский залив», «Шираз», «Дорога на юг» и др. Автора привлекает не экзотика западных и восточных стран, а выразительные штрихи повседневных буден, наступивших после второй мировой войны. Авторское «я» поэта проявляется в сатирических описаниях увиденных сцен. Например:

Под оркестровый грохот «Янки дудль»
(Взирай и от почтения леденей!)
Плечо в плечо, выпячивая грудь,
Идут ватаги разбитных парней.
На черных рынках Мюнхена они
Ковры скупали у немецких вдов.
И в Данию на отпускные дни
Приплыли поразвлечься от трудов.

Янки в Копенгагене

*

В стихотворениях Суркова о послевоенной Европе и Азии есть многое, что роднит их с циклом Константина Симонова «Друзья и враги». Прежде всего это — непримиримая бескомпромиссная позиция автора по отношению ко всему враждебному людям труда. Одновременно Сурков поднимает и такие вопросы, которые впоследствии нашли отражение в творчестве советских поэтов более молодого поколения. Так, стихотворение «Гражданину мира» те-

матически может быть сопоставлено со стихотворением Андрея Вознесенского «В эмигрантском ресторане». Произведение Суркова строится как описание встречи с человеком, отрехшимся от родины. Ироническая экспрессия «задается» автором в первой строфе:

Я помню, как на зальдбургском вокзале,
Сквозь зубы, медленно цедя слова,
Вы, сверху вниз взирая, мне сказали,
Что вы — Иван, не помнящий родства...

Здесь использованные личные местоимения предельно конкретны: я соотнесено с автором-рассказчиком, *вы* (местоимение 2-го лица в функции этикетного обращения) — с его собеседником. В дальнейшем автор прибегает к приему контраста, основанному на противопоставлении личных местоимений, формы которых изменяются: я замещается множественным числом *мы*, а этикетное *вы* также приобретает значение множественного числа. Эта форма сопровождается приложением, которое имеет яркий оценочный оттенок, подчеркивающий противопоставление:

Вам все равно, ландскнехтам и бродягам,
Какой над вами реет в небе флаг.
А мы росли под нашим красным флагом.
Мы пронесли его в огне атак.

Очевидно, что в данном случае реализуется тот же переход от частного факта к обобщению, который столь характерен для стиля Алексея Суркова. Советский патриотизм — неотъемлемая и важнейшая черта социалистической морали — находится в тесной связи с идеей интернационализма.носителем этой морали является весь советский народ, называемый поэтом *мы*:

Где бы ни ходили мы по белу свету,
Зов родины звенит у нас в крови.
Мы любим жизнь и любим землю эту.
И не стыдимся мы своей любви.
Такой любви еще земля не знала.
Ее огромность не вместят слова.
Мы в океан Интернационала
Вливаемся, не забыв родства.

Обычно местоимение *мы* в своем собирательном значении употребляется без каких-либо определений, его соотнесенность с объектом, как уже говорилось, выявляется на основе содержания всего произведения или строфы. Но иногда контекстуальный смысл

местоимения уточняется в пределах отдельных предложений. В тех случаях, когда *мы* — подлежащее, конкретизация происходит за счет именной части сказуемого или за счет эпитетов, относящихся к этому слову. Именно такое употребление встречаем в стихотворении «Весна человечества», основная идея которого — солидарность и единение трудящихся всех стран. Эта интернационалистская идея произведения определяет местоимение *мы* как обозначение всех борцов за мир:

Гремите, оркестры, все громче, все шире!
Весна человечества в наших колоннах.
Мы — армия мира. Нас — множество в мире,
Испытанных боем, стальных, непреклонных.

В самом метафорическом сочетании «весна человечества», вынесенном в заглавие, сказывается влияние поэтики Маяковского. Сравним:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

Хорошо!

Вместе с тем объектная отнесенность сочетания «весна человечества» у Маяковского и у Суркова не является вполне тождественной: Маяковский имеет в виду молодую Советскую республику, Сурков — всемирный пролетарский праздник Первого Мая. Признак времени подчеркивается автором в *начальной* строфе:

Проходит весна первомайским дозором
Дорогами сорок девятого года.

Со времени написания этого стихотворения прошло 35 лет. Но его идейное содержание, как и многих других произведений поэта, не потеряло своей значимости в наше время борьбы за мир. И поэтому творчество Алексея Суркова сохраняет силу боевого оружия, а он сам остается в рядах солдат армии мира.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ
Рисунок В. Толстоногова

Осенняя пора...

Повторимые слова — неповторимое творчество

Осенняя пора, осень — какая она? Грустная, невеселая, печальная, унылая, мокрая, дождливая? Или золотая, нежная, ясная? Давайте посмотрим, как отразился образ осени в художественной литературе:

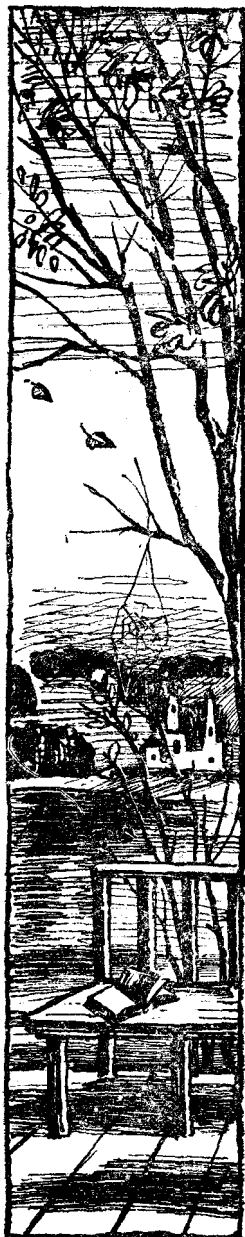
Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

Так увидел и передал особую пору в начале осени Ф. И. Тютчев. Написано это стихотворение в середине прошлого века (1857), а на рубеже минувшего и нынешнего веков (1900) И. А. Бунин пишет повесть «Антоновские яблоки», и в ней словно отклик на тютчевские строки: «...Вспоминается мне ранняя погожая осень... Потом бабьим летом паутины много село на поля... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад... Воздух так чист, точно его совсем нет...»

А еще позже этот мотив прозвучит в романе А. Н. Толстого «Петр Первый». Ко-

пец лета, уже чувствуется осень: «День был хрустальный, над липами — безветренная синева». И у наших современников: сравним очерк Василия Пескова «Бабье лето» и стихотворение Ольги Берггольц под тем же названием. Почему так ощутим общий мотив осени, сходство чувств, хотя нельзя не видеть, что перед нами другой автор, другое время? Прочтем сначала несколько строк о бабьем лете у В. Пескова:

«После первых осенних ненастий оно приходит как утешение — теплые тихие сине-желтые дни, белая паутина на борозде, дневные росы в тени и летняя сухость на солнце, посветлевшие воды, просветленные дали... Бабье лето. Даже и в словарях встречаешь два этих слова о двух — трех погожих неделях в сентябре — октябре, которые дарит природа средним широтам земли». И в заключение автор пишет: «Бабье лето... На языке синоптиков — это „устойчивый антициклон, регулярный в Северном полушарии в сентябре — октябре“».

А теперь прочтем стихотворение О. Берггольц:

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется
    бабье лето,
и в прелести спорит с самою весной.
Уже на лицо осторожно садится
летучая легкая паутина...

Тютчев, Бунин, А. Н. Толстой, Песков, Берггольц... Очень разные авторы, но все они описали одну пору осени, ощутив и быстротечность, и прелесть бабьего лета. Проследим внимательно, какие слова оказались ключевыми — самыми главными, ведущими в описании. Вот первая строка у Тютчева: «Есть в осени первоначальной...». Она давно стала хрестоматийной. Почему? Что заставляет запомнить ее? — Авторская искренность и простота словесного выражения, тем самым — точность найденного слова.

Определение *первоначальная* — совсем непоэтично, скорее деловое, официальное, если рассматривать его вне сочетания *первоначальная осень*. Словари отмечают: *первоначальный* — «находящийся, происходящий в самом начале, предшествующий всему прочему; являющийся началом, первой ступенью чего-нибудь». Обычной была сочетаемость *первоначальные условия, первоначальное обзаведение* (в хозяйстве, в деле), *первоначальное влияние, первоначальный вид, первоначальное состояние, первоначальное учение*. И только у Гопчарова в «Обыкновенной истории» отмечена иная сочетаемость — *первоначальная любовь*.

У Тютчева свое осмысление слова. В сочетании *осень первоначальная* сам порядок слов выделяет определение, а дальнейшее описание раскрывает его содержание. Слова — и *первоначальная*, и *осень* — остаются в своих буквальных значениях. Здесь нет переносных, метафорических осмыслений, но есть поэтизация *осени первоначальной* в зрительно представленной картине осеннего поля.

Внимание Тютчева сосредоточено всего на нескольких деталях. На первом плане — *день* кажется *хрустальным*, а *вечера* *лучезарны*. Затем *воздух пустеет* — это еще один план создаваемого образа: *пусто все, простор везде и тишина (птиц не слышно боле)*. Создан пространственно-звуковой образ. И еще: *льется чистая и теплая лазурь* — это тоже воздух, но он окрашен в цвет неба.

В картине тютчевской осени выделяется *паутина*, представленная особенно зримо: «Лишь паутины тонкий волос Блестит на праздной борозде». И здесь уже нельзя не заметить силу языка Тютчева. *Праздная борозда* перекликается с последующим словосочетанием *отдыхающее поле*. Метафорично только определение *отдыхающее* (поле), а *праздная* (борозда) имеет прямое значение — «пустая, незанятая». Определение *отдыхающее*, соотносясь с предшествующим *праздная* (борозда), усиливает свое значение — отдыха, покоя, незанятости. Такова сила синонимической соотнесенности.

Метафорические употребления слов у Тютчева реально обусловлены. *День хрустальный*, потому что *пустеет воздух*. *Бодрый серп гулял* — метафора, но результат этого действия конкретизирован: *падал колос*. *Паутины тонкий волос* — общеязыковая метафора (выражение понятия «очень тонкий» в сравнении с волосом). Но неповторимо это сочетание с глаголом *блестит*: в нем косвенно сообщается, что день был солнечным. *Льется лазурь* — это тоже метафоричное и общеязыковое употребление глагола *льется* (льется свежий воздух) и цветового названия *лазурь* (в значении «чистый воздух цвета неба»).

Неповторимы и тютчевские ряды противопоставлений: *короткая, но дивная* (пора); *пусто все, простор везде, лишь паутины...* (противопоставление — исключение); *пусто все, но далеко еще до первых зимних бурь* — уже не лето, но и не зима.

И. А. Бунин, создавая свою картину осени, как бы дает «синонимичное отражение» тютчевских впечатлений в своих собственных. У Бунина нет колебаний между летом и зимой. *Ранняя погожая осень* идет своим чередом: *потом бабьим летом...* В его картине осени есть та же вещественная деталь — *паутина*, но одновременно и не та. Казалось бы, только простая констатация факта: *паутины много село на поля*. А воздух у Бунина *так чист, точно его совсем нет*.

У А. Н. Толстого *день* (как и у Тютчева) *хрустальный*, даже нет реального объяснения для этого эпитета. Новое переносное значение слова *хрустальный* — «прозрачный, чистый» — уже сформировано и закреплено в тютчевских строках. А вот *тишина, простор, лазурь* соединились у А. Н. Толстого в одном образе — *безветренная синева*.

В очерке В. Пескова своя примечательная картина осени. Как и у Бунина, дано общезыковое наименование теплой поры ранней осени — *бабье лето*. Есть и *паутина*, даже почти повтор тютчевской строки — *белая паутина на борозде*. Но это не повтор. *Паутина* у Пескова не блестит, потому что здесь нет яркой, солнечной лазури, просто — *белая паутина*. И день другой: у Тютчева *лазурь*, у Бунина — краски *золота* в поредевшем саду, у А. Н. Толстого — *безветренная синева*, а у Пескова — *сине-желтые дни*.

Языковые противопоставления у Тютчева выделены синтаксически: они определили особый строй фраз и необходимость союза *но*, служебного слова *лишь*. У Пескова в построении фраз нет противопоставления, оно заключено в содержании самих слов: после осенних ненастий приходит бабье лето как утешение. Или: «росы в тени и летняя сухость на солнце» — здесь, конечно, противопоставление, но и соединение *росы и сухости, тени и солнца*.

Обратим внимание на разнотилевую лексику у разных авторов. Деловое слово *первоначальный* у Тютчева получает новое осмысление — поэтизируется. У Пескова вместе с разговорным (и бунинским) определением *погожая* (осень), книжно-поэтическим *дарит природа* влетают в описание осени слова специальные: *средние широты земли*. Даже подчеркнуто особое описание: ссылка на словарь, где «встречаешь два этих слова» — *бабье лето*; оговорка — «на языке синоптиков». Слова специальные выделены. У них своя функция выразительности: характеристика явления (*бабье лето*) еще с одной позиции (научной).

Как видим, совпадающие детали находят языковое выражение у каждого автора, происходит как бы синонимичное отражение одного и того же явления в рядах слов, тоже синонимичных, ассоциативно связанных, частично повторяющихся. Общим в описании бабьего лета для всех авторов была реальность бытия. Отсюда вещественность слов: *серп, колос, борозда, поле...* Отсюда и образность этих конкретных слов в их прямых значениях.

А теперь обратимся к стихотворению О. Берггольц «Бабье лето». Уже в первой строке теряется соотносительность с началом осени, с двумя — тремя погожими неделями в сентябре — октябре. Эта пора обычно связывалась с разными сельскими работами, которые выполняли женщины, — сушили и убирали лен, собирали урожай в огородах. Завершались, да и сейчас завершаются в эту пору рабо-

ты на полях, в садах. Удаление бабьего лета от реального сельского бытия связывает его с природой вообще, с жизнью человеческой — женской судьбой.

В стихотворении «Бабье лето» есть конкретные детали: *особый свет, неяркое солнце, нежнейший зной* (ср. у Тютчева — *теплая лазурь*, у А. Н. Толстого — *безветренная синева*, у Пескова — *сини-желтые дни, летняя сухость на солнце*). Есть даже тютчевская паутина, но только у О. Берггольц это метафора: *летучая легкая паутина садится на лицо*. Это первые морщины. Отвлеченно-символичны здесь и противопоставления: *бабье лето в прелести спорит с самою весной*. Это тоже метафора: спор приближающейся старости и молодости, юности. *Бабье лето* О. Берггольц ушло из реальной осени, реального сельского быта, здесь это «время природы». А все стихотворение «Бабье лето» — развернутая метафора (время прощания с молодостью).

А вот языковая картина и поздней осени:

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.

.....
Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

Пушкин. Осень

Осенью все подвижно, быстротечно. И это отразилось в слове, в рядах противопоставлений. С одной стороны — *тихая, смиренно, унылая пора, увяданье*, с другой — *краса, блистающей, очей очарованье, пышное, багрец и золото*. Соединение, казалось бы, несоединимых, противостоящих по своему значению слов создает картину осенних контрастов, сменяющих друг друга. Уберите эти контрасты, и описание осени станет статичным:

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Бунин. Листопад

Здесь те же краски — *золотой, багряный* (у Пушкина — *золото, багрец*), но нет движения, а есть неподвижность: лес пестрою стеной стоит. А у Сергея Есенина свое восприятие осени:

Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.
Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Осень

Подвижен сам образ осени: *рыжая кобыла*. Поэт стремится к символичности, но реалистичны, даже грубоваты в своем реализме метафоры: *рыжая кобыла* (осень в желтых листьях), *чешет гриву* (осыпает листья). Из всех цветов осени (*золото, багрец, золотой, багряный*) выбран *рыжий*. Даже такое, казалось бы, нереальное сочетание *синий лязг подков* — реально: это цветовой отблеск мокрых лошадиных подков.

Самая поздняя осень скупа на краски:

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает...

Пушкин. Осень

Здесь нет красок, но сколько движения: *наступил, отряхает, дохнул, промерзает*. Обнажились леса и поля, и стала видимой дорога.

Осенняя дорога привлекла и внимательный взгляд Бунина: «Солнце сверкает сбоку, и дорога, укатанная после дождей телегами, замаслилась и блестит, как рельсы». Пусть здесь приметы иного времени (блестит, как *рельсы*), но все же в бунинской дороге есть и промерзающая пушкинская дорога осеннего преддвья!

Не мог он увидеть на обнаженных полях осеннюю дорогу и В. Песков: «... на дорогах торопливая гонка машин, груженных картошкой и свеклой». Торопливая гонка машин, груз на машинах — убираемая свекла и картошка — говорят об осени, о приближающейся зиме.

Каждый истинный мастер слова видит что-то свое, особенное, то, что до него не видели другие. Бунин заметил, как «взвывается откуда-нибудь ястребок в прозрачном воздухе и замрет на одном месте, трепеща острыми крылышками». И Песков увидел птицу в осеннем чистом небе: «Ветер еле заметный. Его выдает мерцающий трепет осиновых листьев да полет пауков на ослепительно белых нитях. Плавно кружится в синеве коршун. Солнце просвечивает его маховые перья...»

Сравнивая тексты, мы вдруг увидим осень такой, какой ранее не замечали. Но подумаем, только ли эстетическое наслаждение получаем мы от «языковой картины» осени? От «картин», созданных разными мастерами? Может быть, мы начинаем иначе чувствовать свой родной язык и обогащаем свою собственную речь?

Понимаем, как развивается многозначность слов, закрепляются их новые осмысления, сочетания, поэтизируется то, что не было поэтичным. В нашу речь входят новые крылатые выражения: *Есть в осени первоначальной... или Унылая пора! Очей очарованье!*

Простота и ясность слов создают ту точность языкового выражения, которая делает их же крылатыми. «...разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов» — это сказано Пушкиным. Читая, а лучше — вчитываясь в каждую строку больших мастеров, будем учиться искать нужное слово в нашем неистощимом языке.

А. А. БРАГИНА

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Одинаковы ли по значению и употреблению слова *невежа* и *невежда*?»

М. А. Крымов, Братск

Невежа является исконно русским словом, а *невежда* было характерно для старославянского языка, из которого оно и попало в русский (ср., например, *одежа* — *одежда*). Еще в XIX веке эти слова заменяли одно другое в общем значении «неучтивый, невежливый человек». Однако в современном русском языке они разошлись в своих значениях. Поэтому в литературном языке надо четко разграничивать эти слова в зависимости от контекста и смысла.

Невежа — «грубый, невоспитанный человек». Слово входит в гнездо однокоренных образований (*вежливость*, *невежливость*, *вежливо*). Например — «Как! с невежею! чтобы я примирился с этим грубияном!» (Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).

Слово же *невежда* обозначает необразованного человека, неуча. Оно входит в ряд образований: *невежество*, *невежественный*, *невежественность*. Например: «Невежда он был круглый, ничего не читал» (Тургенев. Татьяна Борисовна и ее племянник). Так можно назвать человека, несведущего в какой-либо области знаний: «Невежда в физике, а в музыке знаток, Услышал соловья, поющего на ветке» (Крылов. Павлин и Соловей).

РИТОРИКА

И. С. Рижского

Из истории русского красноречия

Риторика И. С. Рижского была написана в конце XVIII века (1796). Уроженец Риги, откуда и произошла его фамилия, Иван Степанович Рижский (1759 или 1761--1811) получил образование сначала в Псковской семинарии, а завершил — в Троице-Сергиевой лавре, где оставлен был преподавателем риторики, шпикера, истории и философии. И. С. Рижский издал сочинения, содержание которых составили преподаваемые им предметы: «**Политическое состояние древнего Рима**», «**Логика**», «**Опыт риторики**», «**Введение в круг словесности**», «**Наука стихотворства**». **Последняя книга** была издана Академией и отмечена золотой медалью. Она представляла собой один из первых опытов систематического изложения поэтики на русском языке.

В 1803 году открылся Харьковский университет; И. С. Рижский был первым его ректором и первым профессором красноречия, стихотворства и языка российского. Читая курсы по теории красноречия, истории российской словесности, он не оставлял работы над риторикой и внес немало исправлений и дополнений в 3-е издание, которое было названо: «**Опыт риторики, сочиненный и ныне вновь исправленный и пополненный Иваном Рижским**» (М., 1809). Именно это издание было самым популярным.

Логика и риторика И. С. Рижского были признаны классическими: по ним учились студенты нескольких поколений трех ведущих университетов страны — Московского, Казанского и Харьковского. За свои заслуги перед филологией ученый в 1802 году был избран в члены Российской Академии, о чем он вспоминал как о «счастливейшем событии» своей жизни. Современники со-

хранили о Рижском замечательные воспоминания: «Это был истинный и достойный представитель университета..., выдававшийся в своей среде и по своему ученому авторитету, и по дару слова, и по деловой энергии, и по знанию русской жизни, и, наконец, по своим нравственным качествам» (см.: Ученые записки Харьковского университета. 1896, кн. 4).

Риторика Рижского в отдельных частях опиралась на традицию, но при этом была лишена схоластики и сохраняла самую тесную и непосредственную связь с языковой и сочинительской практикой русских поэтов, прозаиков, ученых и деятелей просвещения XVIII века. Своеобразие риторики И. С. Рижского проявляется даже в ее композиции и оглавлении частей.

Автор старался усилить работу над русским словом в том направлении, которое соответствовало настроению, царившему тогда в Российской Академии. Поэтому глава о чистоте языка была вынесена в первую часть книги, названной «О совершенствах слова, которые происходят от выражений, или об украшении». Весьма показательно начало этой части: «Излишне говорить о том, что всякий сочинитель должен основательно знать отечественный свой язык; и что знание грамматики, чтение лучших славянских и особливо изданных учеными обществами книг, обращение с людьми просвещенными в словесности, и во многих случаях Словарь Российской Академии, служат надежными к сему пособиями. Впрочем, чистота языка предполагает такую речь, которая подобна металлу, не имеющему никакой примеси, т. е. которая не имеет не свойственных языку ни слов, ни словосочетаний».

Риторика И. С. Рижского содержала четыре части, а не пять, в отличие от классической, и не три, как у М. В. Ломоносова. В каждую часть автор включил новые элементы. Наиболее традиционна по своему содержанию вторая — «О совершенствах слова, которые происходят от мыслей, или о изобретении» (обычно глава «о изобретении» открывала риторику). В третьей части — «О расположении и о различных родах прозаических сочинений» — по существу изложена теория жанров прозаической литературы XVIII века (начиная с писем и кончая историческими сочинениями).

Четвертая часть — «О слоге, или о совершенствах слога». Этот раздел автор риторики чаще всего помещал в главу об украшении, а И. С. Рижский счел необходимым выделить его особо. И не случайно. В истории русского литературного языка конца XVIII века стала чрезвычайно актуальной теория слога. В те годы, когда создавалась риторика, велись споры о путях развития литературного языка. Многие из общих соображений Рижского и сейчас не

вызывают отрицательной оценки. Чистоту языка,— считал он,— «портят речения иностранные», неправильные словосочетания и заимствованные выражения, областные и просторечные слова. И. С. Рижский подробно обосновал эти предостережения.

Вопросы чистоты и правильности русской речи в конце XVIII века занимали умы не только филологов. Охрана и совершенствование национальной речи стала одной из центральных проблем эпохи. В последней трети XVIII века ученые Академии наук стремились вернуть и удержать традиции, установленные во времена Петра I и закрепленные Ломоносовым. Научная работа Академии в конце XVIII века была тесно связана с общественной жизнью. Усилилась борьба против «французского мартышества», против засилья иностранных влияний в развитии «русской образованности». М. И. Сухомлинов в «Истории Российской Академии» писал: «Существенною заслугою ученого академика Н. В. Озерецковского, бывшего в то же время членом Российской Академии, поставляли то, что он весьма удачно заменил русскими названиями многие латинские и греческие термины в ботанике и естественной истории». А на одном из заседаний «президент, стараясь изыскать всевозможные средства к обогащению отечественного языка, предложил, чтобы члены Академии приняли на себя труд делать новые или заимствовать из древних книг слова, могущие заменить речения, вошедшие из иностранных языков. Если кто из членов соберет довольно количество таких слов, то Академия, рассмотрев их и напечатав отдельным листом, будет просить публику, занимающуюся русской словесностью, сделать на них свои замечания. Предложение президента принято единодушно...»

Даже беглый обзор основных положений «Опыта риторики» убеждает в том, что представления о красноречии И. С. Рижский связывает в первую очередь с проблемами стилистики и правильности речи. Вместе с тем красноречие как предмет риторики рассматривалось им в русле традиционных для того времени понятий: «Силою слова проникать в душу других, повелевать их умами, растрогать их чувствительность разительным изображением...». Выделяя два основных рода красноречия — прозаическое и стихотворческое, Рижский считал необходимым теоретически отделить риторiku от поэтики. «Риторика, показав общие прозаического и стихотворческого красноречия правила, особенно паставляет первому». Поэтика же занимается только стихотворчеством.

Одна из индивидуальных особенностей работы И. С. Рижского — своеобразное совмещение прошлого с настоящим. Ученый, несомненно, стремился быть на уровне своего века и по знанию современной ему мировой и отечественной литературы, и по своим общетеоретическим взглядам. Французские теоретики оказывали

большое влияние на русских писателей и ученых того времени. В литературном мире последней трети XVIII века особенно популярны были Вольтер и энциклопедисты. Рижский широко цитировал энциклопедистов, приводил образцы их писем и рассуждений, однако под влиянием складывающихся новых языковых норм свою риторику написал в легком, разговорном стиле. Достаточно привести один пример:

«Известно из ежедневных опытов, что с нами почти все может сделать тот, кто умеет пользоваться, как говорят, слабою нашею стороною, кто может привести нас в такое состояние, что мы бываем, говоря просто, сами не свои. Известно также, что сие, так сказать, потеряние самих себя случается с нами тогда, когда как бы читают перед нами то, что мы рачительно скрываем в своем сердце, думая, что никто не знает того. От сего вития весьма успешно достигает цели своего слова, когда мысли его бываюч почерпнуты из познания человеческих нравов».

Такова была его собственная сочинительская практика. Но как только дело доходило до теории красноречия, он оказывался во власти уже отступавших норм речи. И. С. Рижский рекомендовал писать, руководствуясь традиционной риторикой, слогом усложненных периодов, «разумноженных» и разукрашенных «по правилам вкуса» старых риториков. Например, предложение «Соблезнование утешает несчастного» он передает целой страницей («большим смыслом»). Вот только начало этой страницы:

«Чувствительное, человеколюбивое и исполненное истинною к ближнему любовью сердце, особливо испытывшее некогда над собою гонения суровые судьбы, сердце, пронзаемое соблезнованием даже до слез, даже до ненависти к гонителю... при воззрении на подобного себе, певшино заключенного в темницу или лежащего на смертном одре посреди рыдающего своего семейства, посреди цветущия юности, посреди лестных надежды будущего щастия; при сем жалостном, говорю, позорище сострадательное сердце разрывается...»

В сочинении речей такого рода Рижский, как вспоминают современники, стяжал себе огромную славу.

Одно из несомненных достоинств риторики Рижского — ее великолепные литературные иллюстрации. Здесь мы находим множество образцов из произведений литераторов XVIII века: Петрова, Хераскова, Сумарокова, Дмитриева, Хемницера, Державина, Карамзина. Любопытен, в частности, пример на сравнение — одну из фигур предложения: «Ломоносов гремел, Сумароков шел, Ломоносов удивлял, Сумароков искал правиться; Ломоносов дивен в изображении чудес, Сумароков дивен в изображении граций; Ломоносов ушотреблял громогласные трубы, Сумароков арфы и

свирили». Этот пример заимствован из речи академика Дмитриевского о Сумарокове, считавшейся одной из самых образцовых академических речей конца XVIII века.

Критерии оценок речей определялись теми канонами, которые признавались классическими. Особенно большое значение придавалось теории риторического периода. Если у Ломоносова нас и по сей день привлекают впервые изложенные научные сведения о русском синтаксисе, о теории сложного предложения, то в риторике Рижского наиболее существенным является разграничение явлений грамматики и риторики. Характеризуя строение периода, ученый обращал особое внимание на различия стилистических приемов. И в том и в другом случае тождественный смысл передается по-разному. В грамматике используются параллельные формы речи (синонимия частей речи, словосочетаний и т. д.). «Перемена же риторическая,— писал И. С. Рижский,— состоит в искусстве употреблять вместо собственных и простых не собственные и иносказательные выражения без всякой также перемены мысли...». Пример грамматической перемены: вместо «Праздность рождает скуку» сказано «Праздность заставляет скучать» или «Кто проводит свое время праздно, тот обыкновенно живет скучно». Риторическая перемена по этому предложению была бы иной: «Праздность есть преддверие к скуке, пустым забавам и забвению долга» или «Праздный человек скорее всякого другого предается забавам и проводит дни своей жизни в пустоте и невежестве».

Внимательное упражнение в российском слове, считал Рижский, внушает любовь к отечеству. Поэтому понятию слога, которое было одним из ключевых терминов в филологии и стилистике того времени, он уделял особое внимание и посвятил специальный раздел. Учение о трех родах слога со времен Ломоносова было общепринятым, но в конце XVIII века оно в определенной мере воспринималось как шаблонное. Положительным моментом следует считать тот факт, что Рижский обращал внимание на относительность предлагаемой схемы. «С тех самых времен,— писал он,— как искусство красноречия приведено в точные правила, все разделяли слог на три главные рода, т. е. на низкий, посредственный и высокий. Сие разделение тем справедливее, что оно основано на существенных качествах материй и сочинений. Но рассматривая со всею строгостью разных родов сочинения, часто встречаем в них такой слог, который не можно совершенно отнести к одному которому-нибудь из оных и который бывает подобен цвету, смешанному из двух главных цветов».

Как бы предвидя судьбу низкого (простого) слога, Рижский выдвинул его на первый план и дал наиболее развернутое описание. Разбирая многие приемы, помогающие «войти в риторское

искусство», он подчеркивал значение эстетического понятия вкуса: «Часто случается, что в течение некоторого времени люди находят отличное изящество в таких вещах, в которых после их потомство ничего подобного не усматривает; или что один народ почитает преимущественно совершенным и красивым в своем роде то, в чем другие ничего того не находят. Первого рода вкус называют вкусом времени или века, а во втором — народным (национальным)».

Это справедливое замечание относится и к его собственной риторике, которая отвечала нормам и представлениям о свойствах красноречия того времени. В начале XIX века эта книга служила руководством для лекций по русской словесности в Московском университете. По отзыву А. Глаголева — одного из теоретиков словесности начала XIX века, «„Опыт риторики“ составил новую эпоху в истории русской литературы». Риторика И. С. Рижского представляет собой единственную в своем роде теоретическую стилистику литературного языка XVIII века. Учение о красноречии в этом труде обобщалось «до значения нормативной системы литературной речи» (см.: Виноградов В. В. Поэтика и риторика. — Избранные труды. М., 1980).

Л. К. ГРАУДИНА

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Гидротеплица. В наше время, когда актуальным стал вопрос о возможностях широкого использования различных видов энергии (наряду с электрической), совершенно закономерно появилось сложное существительное, образованное с помощью элемента *гидро-* (относящийся к воде) + *теплица*. «Подмосковные энергетики намерены выращивать овощи необычным способом — под водой: рядом с Каширской ГРЭС строится

первая в стране опытно-промышленная гидротеплица. Сооружение это необычно — с двойными стеклянными стенами и кровлей. В них-то и будет непрерывно подаваться теплая вода... Даже зимой в такой теплице довольно тепло...» (Известия, 1981, 9 июля).

Хонорик — такое «имя» получил новый зверек, представляющий собой гибрид хорька и норки (радиопередача «Земля и люди», 1983, 7 янв.). Новообразование создано путем сочетания двух усеченных основ и суффикса *-ик*: *хо* (рь) + *нор* (ка) + *ик*.

Е. В. Сенько
Орджоникидзе

РЕЧЬ И ЭТИКЕТ:

книга учит искусству общения

Проблемам речевого (и не только речевого) общения людей посвящены многие специальные книги, но искусству общения можно учиться и по произведениям художественной литературы. Возьмите и внимательно перечитайте давно знакомые страницы какой-нибудь хорошей книги. Хотите, например, знать, что помогло Павлу Ивановичу Чичикову добиться успеха в его делах? А вот что:

«...ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и в гостиницу приезжал он с тем только, чтобы заснуть. Приезжий во всем как-то умел паясничать и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддерживать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою,— он показал, что ему небезызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре — и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах...»

Именно потому, что Чичиков «во всем как-то умел паясничать», «все это умел облекать какою-то степенностью, умел хорошо держать себя», говоря «ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует», — пишет Н. В. Гоголь, — все «чиновники были довольны приездом нового лица». «Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны», сообщил своей жене: «Я, душенька..., познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым; преприятный человек!»

Предположим на минуту, что перед нами сейчас не гоголевский герой и не гоголевские времена, а наш современник, приехавший в город по важным служебным делам. Что бы мы сказали о

гаком человеке, умеющем «хорошо держать себя», говорить «ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует»? Наверное, сказали бы: толковый и приятный человек, общительный. Но общительный, несомненно, и Ноздрев, тот самый, с которым Павел Иванович Чичиков «вместе обедал у прокурора и который с ним в несколько минут сошелся на такую короткую ногу, что начал уже говорить ему „ты“, хотя, впрочем, он со своей стороны не подавал к тому никакого повода».

Мало ли подобных общительных людей можно наблюдать и сегодня?.. ~~Стало быть,~~ общительность бывает разной — приятной и надоедливой, полезной и вредной чертой характера. При этом нельзя, конечно, связывать качество общительности с образованием или уровнем умственного развития. Например, гоголевский Собакевич мгновенно понимает, в чем может заключаться его выгода от сделки с Чичиковым. А Настасья Петровна Коробочка на протяжении длительного диалога с Павлом Ивановичем никак не может уразуметь сути его предложения: «Эк ее, дубинноголовая такая! — сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения... Впрочем, Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка». Но ведь Чичиков сумел все-таки подобрать и к Коробочке ключик! Отдадим и ей должное: она хорошо понимает свой недостаток, сетует сама на свое тугоумие, но хочет узнать, в чем дело. Значит, не ругать надо «коробочек», а быть терпеливыми с ними — это хорошо знают опытные учителя, владеющие искусством педагогического общения.

*

Психология как специальная и очень важная научная отрасль рассматривает процесс общения в самых разнообразных формах его проявления (и не только в лингвистических — языковых и стилистических — аспектах), в таких, как сознательное или подсознательное стремление партнеров по общению показать или скрыть собственное настроение и социальную принадлежность, манера общаться, мимика и жест, даже умение одеваться.

Откроем роман Л. Соболева «Капитальный ремонт». Вот надменный гардемарин Ливитин демонстрирует свое «превосходство» перед «захудалым армейским офицером», штабс-капитаном. В представлении Ливитина «гардемарины всегда вежливы, но холодны, как британцы: надо уметь понять неизмеримую пропасть между захудалым армейским офицером и гардемарином Морского корпуса — корпуса, единственного на всю Россию, корпуса, в который

принимают только сыповей офицеров, потомственных дворян и чиновников не ниже четвертого класса табели о рангах. Не пехотное провинциальное училище, куда берут без разбора, кого попало!.. Штабе-капитан навязчив, бестактен и неопратно словоохотлив».

Это, так сказать, исходная установка на общение у дворянского сыновца Ливитина, осознающего себя привилегированной частью военного сословия царской России. Копируя одного из офицеров Морского корпуса, Ливитин усвоил для себя и тон и мимику для общения с «низшими»: «таким тоном говорят с прислугой, с капельдинером в театре — бесцветным, сухим и вежливым тоном»; при улыбке — «уголки губ вниз.., а взгляд холоден и презрителен».

Штабе-капитан — офицер, пожилой человек, гораздо старше гардемарина Юрия Ливитина и по чину — никак не может приноровиться к манере своего собеседника, даже не сразу усваивает особую (флотскую) традицию ударения в словах *мичман* и *гардемарин*. Писатель замечает: «обыкновенный рапорт — по-флотски рапорт, в армии на север указывает компас, во флоте — компас. Всё это мелочи, но мелочи только подчеркивают, что штабе-капитану никогда не понять пышной четкости флотской службы». Следовательно, даже такие признаки, как ударение в слове, могут играть и играют роль социальной дифференциации говорящих. Эту роль осознавали, конечно, представители различных каст общества прошлого.

Но читаем дальше: «Штабе-капитан молча закурил дешевую папиросу. Ливитин вынул трубку:

— Разрешите курить, господин штабе-капитан?

Дымистый дым распластался синими облаками и дрожит в воздухе вместе с вагоном. Штабе-капитан прекращает разговор,— в нем нагипает обида и бессильная злость. Мальчишка, нахал, английский табак курит, одет с иголочки, самоуверен,— таким вся дорога чужда. Она расчищена для них отпами и дедами...». И далее: «Единственно, чем может штабе-капитан уязвить гардемарина,— это, не делая позы и не подавая руки, сказать небрежно: „До свидания, юнкер“. Но штабе-капитан поднялся с дивана, протянул руку и смущенно сказал:

— Честь имею кланяться...»

Как видим, гардемарин совершенно сознательно, хотя и без грубости (напротив, со всей внешней учтивостью) унижает своего собеседника, а тот не в состоянии (психологически здесь писатель абсолютно достоверен) ответить — ни словом, ни позой — на унижения. В романе преподан, таким образом, прекрасный урок того, как нельзя общаться. В наше время невозможно представить

себе сцену, подобную описанной в романе Л. Соболева: в Советской Армии нет места сословным и кастовым распрям, нет самих сословий и каст.

*

Умение взглянуть на самого себя глазами собеседника — одно из важнейших качеств правильного общения. Без этого искусства нельзя строить здоровые отношения ни в школьном классе, ни в студенческой группе или цехе, ни в семье, ни в дружеском кругу. Большую помощь в овладении таким искусством нам оказывает художественная литература.

Вспоминается такой случай. Шла лекция о культуре общения. Лектор попросил слушателей (школьников старших классов) привести из художественной литературы пример самого общительного и полезного в своей общительности человека. После продолжительного молчания встала одна школьница и сказала: «Я считаю одним из самых общительных и полезных людей охотника Дерсу Узала из книги В. К. Арсеньева». Сидевшие в зале удивились: старый охотник и собиратель женьшеня — коммуникабельный, общительный человек! Да он месяцами и людей-то в тайге не видел! Но школьница убедительно аргументировала свое суждение: — А помните, как Дерсу умел «читать тайгу»? А помните, как Дерсу песней примирил ссорившихся солдат? А помните, как Дерсу даже разговаривал с растениями и животными? — И слушатели согласились, восхищаясь прекрасными человеческими качествами охотника, его наивным, но чудесным убеждением, что вся природа — живое существо...

Навыки общения скорее приобретаются на практике. Но не надо забывать и о художественной литературе — ведь это неисчерпаемая кладовая искусства общения. Надо только внимательно читать и... учиться.

И. Н. ГОРЕЛОВ
Саратов

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Хамрабаевит — название нового минерала, найденного в Узбекистане. «По предложению авторов открытия... ми-

нерал получил имя „хамрабаевит“ — в честь одного из старейших рудознатцев республики... академика Ибрагима Хамрабаева» (Известия, 1983, 20 дек.).

Е. В. Сенько

О ПРОИЗНОШЕНИИ ОТЧЕСТВ

В русском языке есть одна особенность, не встречающаяся в других языках: помимо имени у каждого человека есть отчество, которое дается по имени отца.

Мужские и женские отчества образуются от мужских имен при помощи соответствующих суффиксов. По характеру этих суффиксов мы можем подразделить мужские имена на несколько групп.

Мужские отчества от имен *Алексей, Сергей, Андрей, Елисей, Матвей, Аникей, Ерофей* и других образуются при помощи суффикса *-евич*: *Алексеевич, Сергеевич, Андреевич, Елисеевич, Матвеевич, Аникеевич, Ерофеевич*, но в разговорной речи, когда отчество употребляется в сочетании с именем, обычно произносят: *Иван Алексеич, Виктор Сергеич, Степан Ерофеич*.

В качестве примера приведем отрывки из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Вот реплика Фамусова, в которой автор не только правописанием, но и ритмом подсказывает, как надо произносить отчество:

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич дорогой!
Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Читатель может возразить: речь Фамусова включает в себя просторечные элементы, следовательно, произношение *Сергеич* также может быть просторечным. Сравним звучание отчеств с суффиксом *-евич* у Фамусова и у Софьи, девушки начитанной и развитой. Отчество с этим суффиксом в устах Софьи звучит так же:

Ах, *Александр Андреич*, вот —
Явьтесь вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Женские отчества от мужских имен на *-ей* образуются с помощью суффикса *-евн* и окончания *-а*: *Матвеевна, Сергеевна, Алексеевна, Ерофеевна, Елисеевна*. При произнесении вместе с именем эти отчества звучат следующим образом: *Анна Матвеевна, Евдокия Сергеевна, Наталья Андреевна*.

Обратимся опять к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». В заключительных словах Фамусова есть интересующее нас отчество:

А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня *Марья Алексевна!*

Мужское и женское отчества от имени *Николай* образуются так же, как и от имен на *-ей*, с теми же суффиксами: пишется *Николаевич*, *Николаевна*, а произносится *Николаич*, *Николаевна* (*Савелий Николаич*, *Аграфена Николаевна*).

В художественной литературе отчества обычно пишутся в полной форме, по правилам орфографии, однако читать их следует, соблюдая орфоэпические правила. Когда же автор желает подчеркнуть, как произносит тот или иной персонаж отчество собеседника или знакомого человека, то даст в тексте произведения разговорную форму. Вот, например, в стихотворении детской писательницы А. Л. Барто «Ботаника больна»:

Звали милой,
Звали славной,
Нашей *Ольгой Николавной...*

Суффикс мужского рода *-евич* и женского *-евна* с окончанием *-а* употребляется при образовании другой большой группы отчеств от имен на *-ий*: *Василий*, *Евгений*, *Аркадий*, *Валерий*, *Виталий*, *Геннадий*, *Юрий*, *Порфирий* и других. В отчествах после согласного, на который оканчивается основа мужского имени, перед суффиксом пишется мягкий знак: *Васильевич*, *Евгеньевич*, *Аркадьевич*, *Витальевич*, *Валерьевна*, *Геннадьевна*, *Юрьевна*, *Прокофьевна*, *Порфирьевна*. Произносим же мы не все звуки — пропускаем *-ев*, например: *Николай Василч*, *Павел Аркадич*, *Людмила Витальна*, *Антонина Григорьевна*, *Галина Прокофьяна*.

Третья большая группа отчеств образуется от мужских имен, основа которых оканчивается на твердый согласный: *Иван*, *Александр*, *Никодим*, *Виктор*, *Антон*, *Никифор*. Суффикс, который используется при этом для мужских отчеств, — *-ович* (*Иванович*, *Александрович*, *Трофимович*, *Никодимович*). При произношении с именем эти отчества теряют элемент *-ов*: *Иван Ивановч*, *Николай Александрч*, *Степан Трофимч*, *Антон Вениаминович*, *Василий Родионч*.

Снова обратимся к комедии «Горе от ума», к тому отрывку, где встречается мужское отчество от имени *Степан*:

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Еще один пример. Одна из повестей М. Ю. Лермонтова, входящая в роман «Герой нашего времени», называется «Максим Максимыч», отражая не правописание, а произношение этого отчества.

Женские отчества от мужских имен с основой на твердый согласный строятся с помощью суффикса *-овн-* и окончания женского рода *-а* (*Владимировна, Валентиновна, Борисовна, Анисимовна, Константиновна*). В разговорной речи, когда мы называем нашу собеседницу по имени и отчеству, мы не произносим элемент *-ов-* (так же, как в случае с мужскими отчествами): *Ирина Владимирна, Наталья Валентинна, Людмила Константинна, Марфа Анисимна*).

Обратите внимание на произношение отчества от имени *Петр* — *Петрович, Петровна*. В них суффикс сохраняется полностью. Это происходит потому, что именно на слог *-ов-* падает ударение: *Константин Петр^ович, Валерия Петр^овна*.

При помощи суффиксов *-ович* и *-овн-* с окончанием *-а* образуются соответственно мужские и женские отчества от имен *Вячеслав, Святослав, Ярослав, Ростислав*, например: *Дмитрий Вячеславович, Олег Святославович, Ольга Ярославовна, Марина Ростиславовна*. Произносятся они по общему правилу, теряя *-ов-*. Однако слог *-ов-* в этих отчествах может пропадать не только при произнесении, но и при написании. В качестве иллюстрации приведем отрывок из рассказа Л. Н. Толстого «После бала»:

«— Варенька, подите сюда,— услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елизаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, ма с^еге, отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, *Петр Владиславич*,— обратилась хозяйка к полковнику».

Совсем небольшую группу составляют мужские имена с окончанием на *-а* или *-я*: *Савва, Лука, Пикита, Кузьма, Илья* и некоторые другие. Для образования мужских отществ от этих имен применяется суффикс *-ич*: *Алексей Саввич, Александр Лукич, Владимир Никитич, Сергей Кузьмич, Афанасий Ильич*. Нужно заметить, что от некоторых русских имен, оканчивающихся на *-а*, в современной речи встречаются два варианта, например: *Никитич* и *Никитович, Саввич* и *Саввович*. Варианты с суффиксом *-ович* от имен этого типа противоречат литературной норме.

Для женских отществ — суффикс *-ичн-* с окончанием *-а*. Мы пишем: *Лукинична, Ильинична, Саввична, Кузьминична*. Однако в

устной речи сочетание согласных *чн* в этом суффиксе по правилам литературного русского произношения звучит как [шн]: *Раиса Лукинишна, Екатерина Ильинишна, Антонина Саввишна, Надежда Кузьминишна*.

В русском языке есть несколько отчеств, о которых следует упомянуть особо.

Мужское и женское отчества от имени *Осип* образуются в соответствии с правилами — *Осипович, Осиповна*, но произносятся в беглой разговорной речи следующим образом: *Роман Осьпыч* (а иногда даже как *Ощц*), *Тамара Осьпна*.

Отчества от имени *Михаил* пишутся: *Михайлович, Михайловна*, а звучат: *Лидия Михална, Николай Михалыч*.

При образовании отчеств от имени *Павел* выпадает корневой гласный *-е-*: *Павел — Павловна, Павлович*. Когда же мы произносим эти отчества, то они претерпевают еще более значительные изменения: *Елена Пална, Станислав Палыч*. Между прочим, и само имя *Павел* в разговорной практике нередко звучит в сочетании с отчествами редуцированно: *Пал Палыч, Пал Василич*.

Однако отчества от имени *Павел* могут произноситься и как *Павлыч* и *Павловна*. В поэме А. С. Пушкина «Граф Нулин» отчество *Павловна* произносится полностью:

К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее Наташа,
Но мы — мы будем называть
Наталья Павловна) к несчастью,
Наталья Павловна совсем
Своей хозяйственной частью
Не занималась...

В отчествах от мужского имени *Лев* также выпадает корневой гласный *-е-*, но суффикс звучит полностью, потому что на него падает ударение. Итак, мы пишем и произносим: *Николай Львович, Александра Львовна*.

Для отчеств от имени *Яков* используются суффиксы *-левиц* и *-леви-* с окончанием *-а*: *Яковлевиц, Яковлевна*. В устной же речи корневое сочетание звуков *-ов-* не произносится. Мы говорим: *Иван Яклич, Светлана Якльна*.

А вот какие формы могут принимать в разговорной речи некоторые имена и отчества: *Сан Саныч* (то есть *Александр Александрович*), *Сан Сеич* (*Александр Алексеевич*), *Юрь Якльч* (*Юрий Яковлевич*), *Анна Ванна* (*Анна Ивановна*) и даже *Пёт Пётыч* (*Петр Петрович*).

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят.
И потрогать спинки —
Много ли щетинки?

К в и т ко. Анна-Ванна бригадир

В работе «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» В. И. Чернышев писал: «Отечественные прилагательные в разговоре и письме у нас обыкновенно употребляются с суффиксами *-евич, -евич* (*Иванович, Петрович, Сергеевич* и т. д.). Прежние писатели охотнее пользовались народными формами на *-ич, -ич...*». И далее: «В общем, как старый язык, так и современный соединяют с полными прилагательными значение большей вежливости и относят их к лицам с более высоким общественным положением. Сокращенные формы на *-ич, -ич* употребляются в простом обращении или к лицам, не занимающим значительного положения в обществе». Такое же произношение отчества людей известных, уважаемых наблюдается и в наши дни.

В заключение нужно сказать, что произношение имен и отчеств изучено еще недостаточно, и в настоящей заметке рассказано лишь о наиболее употребительных отчествах.

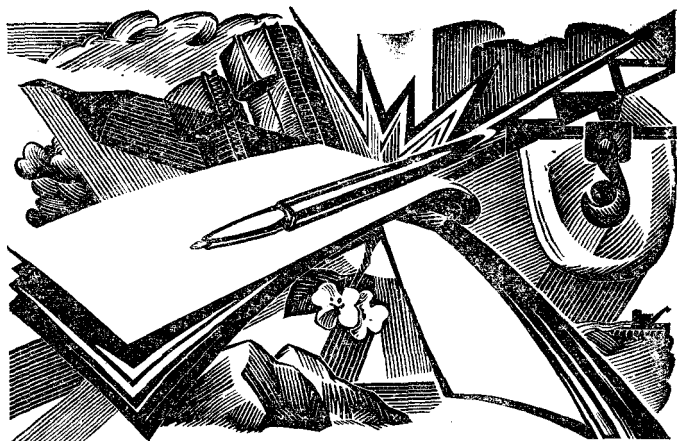
Л. И. КУЗНЕЦОВА

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Трикоткань — новообразование сложносокращенного характера. «В Литовском научно-исследовательском институте текстильной промышленности разработана технология производства нового в стране материала — трикоткани... Это достигнуто за счет внесения в процесс ткачества элементов трикотажного вязания» (Известия, 1982, 3 дек.).

Папаин — новый отечественный медикамент, наименование которого образовано с помощью суффикса *-ин-* от существительного *папайя* (плодовое тропическое дерево). «Производство ценного фермента папаина начато в опорном пункте Главного Ботанического сада АН СССР... Фармацевтам и медикам отправлено более 100 кг лекарства» (Неделя, 1981, № 7). Данный словообразовательный тип активно действует в современном русском языке при создании лекарственной номенклатуры.

Е. В. Сенько

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ — средство газетной выразительности

Среди выразительных средств языка особое место в газете занимает фразеология. Различные типы устойчивых сочетаний позволяют ярко описать явление, привлечь к нему внимание читателя, образно оценить тот или иной факт. В. И. Ленин отмечал, что «бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений» (Полн. собр. соч. Т. 25, с. 138). Это может быть отнесено к большей части русской фразеологии.

Устойчивые сочетания всегда образны, их содержание сохраняет часть прямого смысла, связанного с происхождением, а новое, переносное значение расширяет его семантический объем. Фразеологические сочетания могут быть синонимичны отдельным словам: *кот наплакал* — мало; *сидеть у моря и ждать погоды* — бездействовать; *рукой подать* — близко; *спустя рукава* — плохо. Обращает на себя внимание их неполное соответствие по смыслу и особенно по экспрессивным значениям. А выразительность оказывается очень важной для газетной речи: она помогает передавать авторскую позицию, воздействуя тем самым на чувства читателей.

Сравним предложения, содержащие фразеологизмы, и их варианты, где фразеологизмы заменены синонимичными словами (даже с высокой экспрессией): «В то время, как другие самосвалы трудились, что называется, в поте лица... этот очертя голову но-

сился с пустым кузовом...» (Правда, 1983, 27 февр.) — «В то время, как другие самосвалы трудились самоотверженно... этот безрассудно носился с пустым кузовом...»; «Чтобы доказать очевидное, пришлось поломать немало копий» (Правда, 1982, 28 ноября) — «Чтобы доказать очевидное, пришлось много поспорить, долго бороться». Предложения с фразеологизмами (*в поте лица, очертя голову, ломать копья*) обладают большей воздействующей силой, чем предложения с синонимичными им словами.

Газета формирует у читателя определенное отношение к факту, который в связи с этим должен быть изложен особым образом. Именно поэтому (даже в ущерб очень важной для газеты краткости изложения) предпочтительнее оказываются фразеологизмы, способные не только выразить соответствующую мысль более емко, но и передать отношение, оценку. Фразеологизм в предложении «Ни для кого не секрет, что почти два года американская делегация в Женеве толкла воду в ступе» (Правда, 1984, 4 мая) обеспечивает большую экспрессивность, оценочность, чем соответствующее ему свободное сочетание *заниматься бесполезным делом*.

Такое различие дает возможность журналисту выбирать из синонимичных способов выражения то, что наиболее соответствует характеру высказывания, его целям и задачам, регулировать степень экспрессивности текста. При этом выбор фразеологизма со сниженной, разговорной или, наоборот, книжной окраской обуславливает употребление и других языковых средств.

Неизменно в этой функции используются фразеологические средства, источником которых являются фольклор, литературные произведения. Они активно вторгаются в язык газеты, дополняют логические высказывания народной мудростью, дают краткую оценку: «...правильно говорили древние: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» (Правда, 1983, 30 янв.); «Долг платежом красен» (Ленингр. правда, 1981, 15 дек.); «„Ври, да знай меру“. Эта меткая русская поговорка как нельзя лучше подходит для оценки выступления постоянного представителя США...» (Сов. Россия, 1983, 8 марта).

*

Журналисты в поисках более экспрессивных средств выражения стремятся расширить эмоционально-воздействующие возможности фразеологизмов, усилить их функционально-стилистическую значимость. Это влечет за собой различные преобразования устойчивых сочетаний всех типов. Творческая их обработка, трансформация в пределах сохранения общего образа или структуры придает им остроту, некоторую новизну. Эффективны такие преобразования,

как перестановка или замена слов-компонентов фразеологизма: «Пират рыбака видит издалека» (Комс. правда, 1981, 19 ноября); «Звезды на ладони» (Ленингр. правда, 1982, 17 дек.); «Семь лет — один ответ» (Комс. правда, 1981, 28 янв.); «За тех, кто в космосе» (Правда, 1982, 7 дек.); «Синий лежалый платочек» (Ленингр. правда, 1983, 5 марта). Замена слов в этих сочетаниях делает их более выразительными, соответствующими тематике публикаций.

Этому же служит и вставка в общеизвестный фразеологизм конкретизирующих, уточняющих определений: «В соседнем же [классе] подобралась „среднячки“, звезд с *учебного* неба не хватают. С таким „подарком“ *густой процентной* каши не сварить» (Правда, 1982, 31 окт.). Выделенные курсивом определения очень существенно влияют на смысл высказывания и делают его актуальным. Включение в состав фразеологизмов стилистически сниженных слов может окрашивать иронией все высказывание: «Итак, большинство населения — против, а парламентская „демократия“, как пресловутый кот из басни, слушает и продолжает невозмутимо чавкать» (Лит. газета, 1983, 30 марта). Логической трансформацией можно считать такое изменение фразеологизма, при котором его смысл становится противоположным общепринятому: «Преступление без наказания» (Соц. индустрия, 1983, 19 янв.); «Короче, „первый блин“ — вопреки поговорке! — отнюдь не выпел комом...» (Правда, 1983, 14 янв.); «А острые углы остались» (Соц. индустрия, 1983, 7 апр.).

Часто встречается и такой прием, как усечение фразеологизма: «Семь раз примерь» (Правда, 1983, 20 февр.); «Делу венец» (Ленингр. правда, 1981, 15 авг.); или ставится многоточие из-за несоответствия второй части: «Спрос и... рассуждения» (Соц. индустрия, 1983, 16 янв.). Иногда сохраняется лишь ассоциативный образ фразеологизма, смысловой центр, с которым образованы обновленные сочетания: «Массированная пропагандистская кампания, в которой глава боннского военного ведомства претендует на первый барабан, развернута не без умысла» (Правда, 1982, 28 ноября); «Ложь в тоге „истины“» (Ленингр. правда, 1982, 4 ноября). В первом случае сохранен смысловой образ фразеологизма *играть первую скрипку*, во втором — *рядиться в тогу*. Иногда может сохраняться только структурная модель: «Инженеру — инженерово» (Правда, 1983, 1 февр.) по типу *кесарю — кесарево*.

Специфические свойства фразеологизмов позволяют использовать их в качестве компонентов, организующих текст. Они часто служат заголовками, выступают в функции зачина, определяя общую тональность публикации: «Написанное пером не вырубишь топором. Порой бывает невозможно вырубить и то, что было сказано» (Правда, 1983, 29 янв.). Устойчивые сочетания, поставленные в кон-

де предложений, абзацев, обобщают сказанное, подводят легко воспринимаемый читателем итог. В заметке «На коротких ногах лжи» один из абзацев заканчивается так: «У лжи короткие ноги. И „Бильд Цайтунг“ далеко на них не уйдет» (Правда, 1983, 26 янв.).

Афористично четки и содержательно емки публикации, где фразеологизмы образуют композиционное кольцо. Вот начало заметки «Стратегические аппетиты»: «Аппетит, как известно, приходит во время еды». Этот же фразеологизм повторяется и в концовке, как бы замыкая кольцо: «Аппетит, как известно, приходит во время еды... А „непотоляемый аваносец“ тяжким бременем ложится на плечи японских трудящихся» (Известия 1983, 9 марта).

Действенным приемом создания определенного стилистического эффекта является совмещение двух планов: прямого и переносного. Так, заголовок «Что стоит завести очки» (Известия, 1983, 23 марта), ассоциируясь с басенным образом, настраивает на определенное (переносное) восприятие. А в тексте реализуется прямое значение этого сочетания: речь идет о том, что в городе Рассказово невозможно купить очки. На столкновении двух значений построена и статья «С молоком матери» (Ленингр. правда, 1982, 5 дек.) — заголовок здесь воспринимается как фразеологизм, на самом же деле это словосочетание употреблено в прямом значении, так как в статье речь идет о том, как должна себя вести, чем питаться кормящая мать.

Употребляя фразеологизмы, как и другие языковые средства, выражающие оценку, нужно соблюдать меру, а трансформируя, и меняя фразеологизм, сохранять внутренний стержень, его идею, закрепленный в сознании содержательный и оценочный образ. Чрезмерное употребление устойчивых сочетаний в одном тексте снижает их эффективность. Неудачная трансформация приводит к утрате общепринятого значения фразеологизма, по существу разрушает его. Не совсем понятно, например, напутствие старого кадрового рабочего пареньку, только начавшему работать и допустившему брак: «Научись на свою работу с высокой колокольни смотреть. Это главное. Тогда и сам на высоте будешь...». Известен фразеологизм *со своей колокольни*, имеющий значение — «только со своих позиций, односторонне», то есть отрицательно оценочный, поэтому к данному контексту он не подходит.

Фразеологизмы должны стилистически соответствовать тому или иному газетному тексту, восприниматься однозначно. Не очень удачно, например, использование сочетания *вести диалог* в таком примере: «Компактное устройство позволяет в лабиринтах шахты вести диалог на расстоянии до восьми километров» — здесь уместнее был бы глагол *разговаривать*, так как в газетной речи употре-

бителен фразеологизм *вести диалог*, пришедший из дипломатического языка.

Используя синонимию фразеологических сочетаний и слов, нужно избегать тавтологии. В предложении «...любой сигнал тревоги не откладывать в долгий ящик. Проверять быстро, по горячим следам» синонимический ряд *не откладывая в долгий ящик, быстро, по горячим следам* кажется оправданным, но такое употребление необходимо тщательно продумывать.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что фразеологизмы — активное и действенное средство создания выразительности и эмоциональности на страницах газеты.

Л. И. ЖИТЕНЕВА
Ленинград

ГАЗЕТНАЯ ХРОНИКА: тема и построение текста

Хроника газеты — самый оперативный жанр, призванный быстро и точно передать наиболее важную информацию о происходящих событиях. Этими факторами объясняются особенности хроникальных сообщений: краткость текста; определенный тип построения (текст строится по постоянным моделям, допускающим, впрочем, некоторую вариативность); широкое использование стандартных речевых формул, слов и сочетаний слов. Это экономит время составления заметки и, кроме того, способствует ускорению чтения.

В заметках хроники, посвященных борьбе за мир, первостепенное значение приобретает не только информация, определяемая тремя главными вопросами: что? где? когда?, но и содержание события. Центральными становятся понятия мира (разрядки) и угрозы войны (гонки вооружений). Цель хроники в данном случае — сообщить об определенных действиях в борьбе за мир, подчеркнуть их антивоенный характер. Поэтому в начало заметки, где обычно сосредоточена главная информация, часто выносится часть фразы, выражающая содержание события: «За безъядерную Европу, за безъядерные Балканы» — таков девиз проходящего на территории Болгарии Марша мира — 83, который организован по инициативе Комитета болгарских женщин» (Правда, 1983, 22 окт.); «Япония должна следовать по мирному пути, предначертанному основным законом страны, — говорится в резолюции XX съезда Народной лиги защиты конституции» (Известия, 1983, 3 ноября).

Содержание события, вынесенное в начало заметки, выступает в основном в форме лозунгов (в статьях о демонстрациях, митингах), то есть наиболее лаконичном варианте, позволяющем раскрыть содержание и цель события одновременно, а также в виде отдельного полного предложения, передающего главную информацию о событии (в статьях о конференциях, съездах). Для обеих форм характерны слова и сочетания слов, называющие общую тему статьи (мир; угроза войны): следовать по *мирному* пути; убедить планету от пожара *ядерной войны*; *безъядерный*. Ряд заметок может объединяться под одним заголовком, выражающим тему «борьба за мир»: «Предотвратить роковой шаг: протесты против планов размещения ракет США в Западной Европе» (Правда, 1983, 1 ноября); «Народы против милитаристов: широкий размах антивоенного движения» (Известия, 1983, 31 окт.).

Хроникальные сообщения, посвященные борьбе за мир, отличаются большей экспрессивностью по сравнению с другими жанрами газеты. Это проявляется в использовании прилагательных, обладающих выразительностью и характеризующих участников события и их действия. Средством экспрессивности в хронике являются также разные наименования события и его участников. В заметке обязательно присутствует наиболее точное их название, а повторные наименования, если не несут новой информации, служат для связи фраз между собой и одновременно являются экспрессивным средством (это обычно метафоры). Вот примеры экспрессивных прилагательных, характеризующих события, действия: участники *знаменитого* «лагеря мира», *ожесточенные* стычки (Правда, 1983, 31 окт.); *тревожное* сообщение (Правда, 1983, 1 ноября); *провокационная милитаристская* политика США (Известия, 1983, 31 окт.) и др. А это разные наименования участников события: *сторонники мира*, *борцы за мир*, *миролюбивые силы*; *милитаристы*, *американская военщина*. Данные названия имеют положительную или отрицательную окраску, полученную ими в процессе употребления.

Использование этих средств, как видим, соответствует общей тенденции хроники: они ярко оценочны и минимальны. Почему же мы говорим о большей экспрессивности статей, посвященных борьбе за мир, по сравнению с заметками на другие темы? Выразительность хроники создается приемом противопоставления, построенном на столкновении двух тематических линий: *войны и мира*. Этот прием в целом типичен при описании борьбы прогрессивных и реакционных сил (в статьях о национально-освободительном движении, агрессии и т. д.).

В хронике, посвященной борьбе за мир, противопостоят две возможности будущего человечества: ядерное разоружение (мир, безопасность) и угроза ядерной войны. Это противопоставление

отражено в системе лексических средств, различающихся по экспрессивной окраске и антонимичных по смыслу: *антиракетное движение, ядерное разоружение, обуздание гонки вооружений, замораживание ядерных арсеналов, ограничение ядерных вооружений, разрядка напряженности — ядерная катастрофа, размещение американских ядерных ракет, угроза атомной войны, международная напряженность, сползание мира в пучину ядерной войны*. Действия участников противопоставляются по отношению к двум противостоящим темам: *предотвратить — подталкивать* (угрозу ядерной катастрофы); *ослабить — усилить* (международную напряженность); *бороться за сохранение мира — угрожать миру*.

Такие ряды состоят из словосочетаний, часть которых имеет яркую экспрессивную окраску. Отмечается негативная оценка речевых средств, отражающих линию войны. Это метафоры, подчеркивающие опасность военных приготовлений: *катастрофа, угроза, пучина войны*. Им противопоставлены слова и сочетания слов, характеризующие линию мира. Параллельно функционируют нейтральные антонимичные пары речевых средств: *размещение американских ядерных ракет — борьба против размещения ядерного оружия (ракет); политика наращивания ядерных вооружений — ограничение ядерных вооружений; обострение международной напряженности — разрядка напряженности* и т. д.

Конечно, в тексте такое четкое распределение лексических средств не соблюдается. Нейтральное словосочетание может противопоставляться экспрессивно окрашенному: *обострение международной напряженности — мирные инициативы СССР, оздоровление международных отношений*; чаще всего в тексте присутствуют нейтральные и экспрессивно окрашенные средства обеих тематических линий. Использование средств представленных рядов определяется задачами и объемом заметки.

Количество экспрессивных словосочетаний увеличивается в текстах, которые освещают преимущественно отношение участников события к проблемам мира и войны: «Минчане заявили о своей солидарности со всеми, кто встал на решительную борьбу против ядерного безумия вашингтонской администрации. Они обратились к Генеральной Ассамблее ООН с призывом принять эффективные меры для обуздания гонки вооружений, оздоровления международных отношений» (Известия, 1983, 30 окт.).

Нейтральные словосочетания в большей степени употребляются при описании целей и задач в борьбе за мир: «В борьбу против размещения ядерного оружия, политики наращивания ядерных вооружений в целом должно включиться все человечество». — призывает „Мердека“» (Известия, 1983, 31 окт.).

Развертывание борьбы против угрозы ядерной войны, за сохранение мира широко освещается в советской прессе. Актуальность борьбы за мир, жизненность дилеммы «угроза войны — мир и безопасность» определяют в газете две главные темы, которые представлены противоположными по смыслу языковыми средствами.

П. В. ХАЗОВ

СРЕДИ КНИГ

О. Б. Сироткина.

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Эта небольшая книга, вышедшая в 1983 году в издательстве «Просвещение», призвана помочь учителям-словесникам в их работе по совершенствованию культуры речи школьников. В центре внимания автора — русская разговорная речь, понимаемая как «устная, диалогическая, непринужденная, персонально адресованная, неофициальная речь».

Разговорная речь стала предметом интенсивного изучения в нашей стране сравнительно недавно. Ученые до сих пор спорят о лингвистическом статусе этого явления. Однако существующие исследования показали, что устная разговорная речь не есть неправильная, искаженная письменная, а представляет собой разновидность литературного языка, имеющую свои нормы употребления и законы организации. Отсюда возникают проблемы культуры речи, главная из которых заключается в необходимости различения форм устных и письменных. Неразличение этих форм порождает речевые ошибки.

В первом разделе книги «Литературный язык и его функциональные разновидности» автор дает представление о стилях литературного языка, а также указывает на различия в лингвистической природе устной и письменной речи. Здесь же приводятся распространенные ошибки, вызванные влиянием устной речи на письменную.

Основная и самая большая по объему часть книги — «Разговорная речь и ее особенности». В ней показано своеобразие фонетических норм разговорной речи: нечеткость произношения (по сравнению с речью в официальной обстановке), особая ритмика, необычность интонационного рисунка. Автор называет два наиболее распространенных типа речевых ошибок: 1) стремление противопоставить свою речь официальной книжной (употребление грубых, жаргонных слов и выражений) и 2) злоупотребление книжной лексикой. Морфологические отличия разговорной речи, описанные в книге, являются следствием условий ее бытования. К их числу можно отнести употребление деепричастий, причастий, цепочек родительных падежей и т. д.

Особенно показательны синтаксические особенности разговорной речи: часто встречаются в речи вставки, само-

переблывы, предложения свободного соединения, необычный порядок слов, отличающийся от письменной речи и мн. др. В книге приведен богатый иллюстративный материал, представляющий нормативную детскую разговорную речь, а также нарушения учащимися норм разговорной речи, ошибки, возникающие в их письменных работах под влиянием разговорной стихии.

О. Б. Сиротинина подробно анализирует процессы воздействия разговорной речи на письменную и на монологические высказывания учащихся. Этому посвящен следующий раздел книги. Здесь дается подробная типология ошибок, которые встречаются в ученических сочинениях. Это и нарушения, отражающие порядок слов устной речи, и неправомерности, вызванные ассоциативным принципом построения текста, и недочеты в связи с излишним употреблением местоимений, и неполнота предложений, и замена книжных конструкций разговорными.

В этом же разделе говорится о влиянии разговорной речи на речь в официальной обстановке. Особое внимание обращено автором на формирование у школьников навыков публичной речи, которая отличается и от кодифицированной письменной, и от разговорной.

Заключительная глава — «Разговорные элементы в художественной речи» — показывает, насколько разнообразным может быть употребление разговорной речи в литературном творчестве, что обусловлено требованием верного отражения действительности.

К. Ф. СЕДОВ
Саратов

ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ.

Хрестоматия

«Высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и чутье родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием — самая лучшая опора, самое верное подспорье и самая надежная рекомендация для каждого человека в его общественной жизни и творческой деятельности», — писал в свое время выдающийся советский филолог В. В. Виноградов.

Сегодня культура речи — это не только умение правильно и красиво говорить, но и целая отрасль языковедения, имеющая целью изучение и совершенствование литературного языка как орудия культуры. Большой вклад в развитие этой науки внесли советские ученые Д. Н. Ушаков, В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, Г. О. Винокур, С. П. Обнорский, Р. И. Аванесов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, Ф. П. Филин, Р. А. Будагов и др. Их труды существенно помогли установлению современных литературных норм в области произношения и ударения, грамматики, стилистики и словоупотребления.

С. И. Ожегов, посвятивший свою жизнь проблемам становления и развития культуры речи как науки, мечтал о том времени, когда она станет специальным предметом в учебных программах высших и средних учебных заведений.

И это время наступило. Ныне в университетах страны введен специальный курс «Основы культуры речи». Созданы программа этого курса и

учебное пособие «Основы культуры речи» (Л., 1980). И вот вышла в свет изданная впервые хрестоматия «Основы культуры речи» (М.: Высшая школа, 1984). Составителем этого пособия является Л. И. Скворцов, автор известных книг: «Теоретические основы культуры речи» (1980), «Правильно ли мы говорим по-русски?» (1980) и многих других работ по данной тематике.

Хрестоматия объединяет теоретический материал по культуре речи, содержащийся в трудах выдающихся лингвистов, и дает довольно полное представление о развитии русского литературного языка от дореволюционного времени до наших дней, направлении изменений литературных норм в советскую эпоху.

Книга состоит из трех разделов. В первом из них — «Из истории нормализации русского языка» — помещены обширные выдержки из работы В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики», вышедшей в 1909 и в 1913 годах. Этот труд дает широкую картину лексико-семантических и стилистических норм русского литературного языка конца XIX — начала XX в. и представляет собой, по словам В. В. Виноградова, «замечательное явление в русской филологической литературе».

Во втором разделе («Общие проблемы культуры речи») читатель может познакомиться с научными взглядами на теоретические вопросы культуры речи таких ученых, как Г. О. Винокур, Л. В. Щерба, С. П. Обнорский, С. И. Ожегов, Ф. П. Филин. Их статьи охватывают широкий круг актуальных

проблем теории и практики культуры русской речи.

Третий раздел хрестоматии — «Специальные вопросы речевой культуры» — составляют работы А. М. Пешковско-го, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, Р. А. Будагова, Ф. П. Филина, в которых рассматриваются методические, лексикографические и другие специальные научные вопросы теории культуры речи.

Самостоятельную научную ценность представляет собой Введение, в котором очерчены актуальные теоретические проблемы культуры речи. Автор Введения Л. И. Скворцов освещает современный подход к проблемам культуры речи, научные принципы и теоретические направления в этой науке. При этом он отстаивает очень важную мысль о том, что развитие литературного языка есть становление, совершенствование и обновление его норм в связи с новыми потребностями общества на новых этапах его истории. Большую роль в этом процессе играет активное вмешательство «общественности» — писателей, журналистов, педагогов, широких кругов советской интеллигенции в вопросы языкового развития, повышения речевой культуры, совершенствования новых общественных функций русского языка как средства межнационального общения народов СССР и как мирового языка современности.

Хрестоматия «Основы культуры речи» может послужить богатым источником знаний в этой области науки для всех, кто любит русский язык.

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

Михаил
Александрович
МАКСИМОВИЧ
1804—1873

М. А. Максимович — выдающийся русский и украинский ученый: филолог, ботаник, историк и этнограф. Этот высокообразованный и разносторонний человек был также писателем и переводчиком. Помимо научных интересов, в его жизни важное место занимала педагогическая деятельность.

Михаил Александрович Максимович родился 3(15) сентября 1804 года на хуторе Тимковщина Золотоношского уезда Полтавской губернии (ныне Черкасской обл.) в небогатой дворянской семье. О своем крае он писал: «Я родился на той прекрасной полосе украинских степей, которая на восток от Днепра простирается от города Золотоноши через Згарь и Крапивну до текущей «серебряными струями» Сулы» (Автобиография М. А. Максимовича. — Киевская старина, 1904, т. 87).

Шестилетним мальчиком М. А. Максимович был отдан «на учение книжное» в Благовещенский монастырь. Первые сведения о науках он получил от своего дяди Ильи Федоровича Тимковского, профессора Харьковского университета (по матери М. А. Максимович является племянником известных в то время в ученом и литературном мире братьев Тимковских).

В 1812 году М. А. Максимович поступил в Новгород-Северскую гимназию. Еще будучи гимназистом он обнаружил большую любовь к природе, увлечение ботаникой. По окончании гимназии (1819) начал заниматься в Московском университете на словесном отделении философского факультета, однако никогда не бросал своего любимого дела — коллекционирования и изучения растений. В 1821 году М. А. Максимович перешел на физико-математический

факультет, окончил его со степенью кандидата физико-математических наук и был оставлен при Московском университете для подготовки в магистры.

М. А. Максимович с большой энергией занялся своей любимой с детства наукой: собирал растения и минералы Московской губернии, преподавал ботанику и садоводство в Земледельческой школе, затем в университетском благородном пансионе и в Коммерческой академии. В 1827 году молодой ученый защитил диссертацию «О системах растительного царства», получил степень магистра физико-математических наук и стал преподавать курс ботаники в Московском университете — сбылась его давнишняя мечта. Одновременно он был директором Ботанического сада Московского университета, а в 1833 году его утвердили профессором по кафедре ботаники университета.

Ученый-естествоиспытатель М. А. Максимович написал интересные исследования, способствовавшие развитию естественных наук в России. «Уроженец южной Киевской Руси, — как сам о себе писал Михаил Александрович, — где земля и небо моих предков, и преимущественно ей принадлежал и принадлежу доньше, посвящая преимущественно ей и мою умственную деятельность. Но с тем вместе, возмужавший в Москве, я также любил, изучал и северную Московскую Русь как родную сестру нашей Киевской Руси, как вторую половину одной и той же святой Владимирской Руси, чувствуя и сознавая, что как их бытие, так и уразумение их одна без другой недостаточны, односторонни» (см.: Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910).

Филологическая деятельность М. А. Максимовича была весьма разносторонней и плодотворной. Ученого интересовали вопросы происхождения восточнославянских языков и литературы, взаимосвязи славянских языков, памятники древней письменности, фольклор. Большой вклад внес М. А. Максимович в изучение украинского и русского языков.

В связи с открытием Киевского университета (1834) М. А. Максимович переезжает в Киев, становится ректором университета, деканом I отделения философского факультета, профессором на кафедре русской словесности. По состоянию здоровья Михаил Александрович вскоре оставил ректорскую должность, но продолжал быть преподавателем и вести научную работу, посвятив ее филологии. В связи с пятидесятилетием научной и педагогической деятельности М. А. Максимовича Киевский университет присудил ему степень доктора славяно-русской филологии, а Академия наук избрала членом-корреспондентом.

Последние 25 лет своей жизни М. А. Максимович находился в основном в своем хуторе Михайлова Гора (ныне Полтавской обл.),

занимаясь памятниками древнерусской литературы. Здесь им создано большое количество трудов по филологии, истории, археологии, из которых особенно интересны работы по истории русской литературы.

В России (в период научной деятельности М. А. Максимовича) проявлялось романтическое увлечение стариной и народностью, вызывавшее стремление к исследованию памятников древней письменности и живых народных говоров. Актуальными становятся проблемы сравнительно-исторического изучения русского языка. Научный интерес вызывают такие вопросы, как отношение старославянского (церковнославянского) языка к древнерусскому, взаимоотношение славянских языков, место русского языка среди славянских языков, этапы развития древнерусского литературного языка и другие.

Наиболее важные работы М. А. Максимовича посвящены классификации славянских языков, являющейся проблемной темой в языкознании и в наше время, происхождению восточнославянских языков и т. д. Книга «Начатки русской филологии. Кн. I. Об отношении русской речи к западнославянской» вызвала широкий интерес среди крупнейших славистов — Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Котляревского и других ученых. В этом труде дается определение «системы славянских наречий», рассматриваются языковые особенности, которые отличают русский язык от других славянских языков, с одной стороны, и выявляются общие черты, объединяющие восточнославянские языки (русский, украинский, белорусский), — с другой. В «Истории древней русской словесности» М. А. Максимович пишет о народном русском языке и его видоизменениях, о русском языке в отношении к западнославянским, о церковнославянском языке, о его функционировании в Древней Руси и о влиянии церковнославянского языка на русский.

Интересны «Филологические письма к М. П. Погодину» (известному историку, публицисту), в которых М. А. Максимович доказывает самобытность древнерусской народности и языка восточных славян. Со всей страстностью он убеждает своего старого друга в полной научной несостоятельности его взглядов относительно тождественности древнерусского и церковнославянского языков:

«Ныне ты, любезный академик, — пишет М. А. Максимович, — отождествляя великорусское наречие с церковнославянским, производишь разом два разрыва в естественном родстве славянских языков: во-первых, ты отрываешь церковнославянский язык от ближайших с ним языков задунайских или юго-западных; во-вторых, ты разрываешь ближайшее родство русских наречий, по которому малороссийское и великорусское наречия, или, говоря

полнее и точнее, южнорусский и севернорусский языки — родные братья, сыновья одной русской речи. Когда они обособились? Об этом, как видно, еще нет единогласия. Я и теперь полагаю, как объяснял уже в «Истории древней русской словесности» (гл. IV и V), что южнорусский язык образовался еще в древнее, дотатарское время, когда Киевская Русь была представительницей русского мира, как после татар стала Русь Московская» (Максимович М. А. Собр. соч. в 3-х томах. Киев, 1876—1880. Т. III).

Хотя М. А. Максимович и не мог лингвистически аргументировать свои взгляды на происхождение древнерусского языка и восточнославянских «наречий» (языков), поскольку наука в то время еще не располагала достаточными данными, но эти вопросы вызывали живой интерес среди научной общественности и в дальнейшем стали одними из важнейших в деятельности крупнейших русских и зарубежных языковедов.

Особенно значительными в то время были работы М. А. Максимовича по истории и современному состоянию украинского языка. «Горячий украинский патриот М. А. Максимович,— писал В. В. Виноградов,— отстаивал сложившуюся еще в дописьменный период старобытность и самобытность украинского (малорусского) языка и украинской культуры» (Ученые записки МГУ. Вып. 106. 1946).

Изучая украинский язык, М. А. Максимович много внимания уделял исследованию народных говоров. В развитие диалектологии, которая в тот период начала формироваться как наука, Михаил Александрович внес значительный вклад. Впервые в украинской филологической науке он подробно разработал классификацию говоров, подкрепив ее языковыми фактами, выявил наиболее характерные особенности диалектных групп. Многие его научные положения не потеряли значения и в настоящее время.

М. А. Максимович — один из первых историков литературы, много сделавший для изучения памятников древней письменности и народной словесности. С особым вниманием отнесся ученый к «Слову о полку Игореве», провел его обстоятельный анализ. Этот замечательный памятник Древней Руси конца XII века М. А. Максимович перевел на русский и украинский языки. Но особенно его деятельность оставила глубокий след в развитии народной словесности. Он собрал украинские песни и издал сборники «Малороссийские песни» и «Украинские народные песни». Важность этнографической работы ученый отметил в предисловии к сборнику «Малороссийские песни»: «Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену народности; начинает уже сбываться желание — да создастся поэзия истинно русская!.. В сем отношении большое вни-

мание заслуживают памятники, в коих полнее выражалась бы народность: это суть песни — где звучит душа, движимая чувством, и сказки — где отсвечивается фантазия народная» (Собр. соч., т. II).

Интерес к народному творчеству породил дружбу, полную взаимного понимания, между М. А. Максимовичем и Н. В. Гоголем, который в это время тоже собирал украинские народные песни и предания. В 1833 году Н. В. Гоголь писал М. А. Максимовичу: «Я порадовался, услышав от Вас о богатом присовокуплении песен... Как бы я желал теперь быть с Вами и пересмотреть их вместе... Моя радость, жизнь моя, песни! Как я Вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!.. Я сам теперь получил много новых, и какие есть между ними! Прелесть!.. Я Вам их спишу... не так скоро, потому что их очень много. Да, я Вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у Вас песни, включая печатные и сообщенные Вам мною».

М. А. Максимович не просто собирал песни, но, как ученый, систематизировал их. Так, «Украинские народные песни» он разделил на три части: украинские думы, песни казачьи былинные и песни бытовые; написал к ним предисловие, словарь, снабдил комментариями. М. А. Максимович познакомил русских читателей с красотой народной поэзии Украины, о которой до него можно было судить только по некоторым песням. Выход в свет «Малороссийских песен» был высоко оценен Пушкиным, Дельвигом, Гнедичем и др.

Журналистская деятельность М. А. Максимовича была широка: его статьи печатались более чем в 30-ти периодических изданиях. Он принимал деятельное участие в журнале «Московский телеграф», издаваемом Н. А. Полевым (здесь он сблизился с литературным кругом — Вяземским, Рылевым, Баратынским, Мицкевичем), в «Телескопе» Н. И. Надеждина, в «Москвитянине» и «Русской беседе». М. А. Максимович был одним из зачинателей украинской журналистики: издавал альманахи «Киевлянин» и «Украинец».

Научную деятельность М. А. Максимовича высоко ценили Герцен, Шевченко, Франко. Михаил Александрович беззаветно служил науке и своей Родине. Известный литературовед и этнограф академик А. Н. Пыпин (1833—1904) в «Истории русской этнографии» (т. III) писал: «...в свое время Максимович был самым деятельным работником в историко-этнографической области. Наконец, редко ученый старого века сохранял такую дружелюбную близость с молодыми поколениями, как Максимович». Ученый был избран членом разных обществ: Московского общества любителей российской

словесности, Комитета изыскания и сохранения древностей г. Киева, Одесского общества истории и древностей, Московского археологического общества, Московского общества испытателей природы, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и др. (см.: Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Т. 1. М., 1976).

Труды М. А. Максимовича, несмотря на более чем вековую давность, сохраняют свое обаяние и в настоящее время. Некоторые высказанные им положения устарели, но многими его трудами пользуются до сих пор.

Е. И. КЕДАЙТЕНЕ

Сергей Константинович БУЛИЧ 1859—1921

Известный русский лингвист, педагог и музыковед С. К. Булич родился в Петербурге в дворянской семье. Образование получил в Казани: после окончания гимназии поступил на историко-филологический факультет университета, отделение русско-славянской филологии. Его университетскими учителями были известный ученый-славист и публицист М. П. Петровский, лингвист широкого профиля И. А. Бодуэн де Куртене и его ученик Н. В. Крушевский.

Первая печатная работа С. К. Булича появилась в 1881 году на страницах варшавского «Русского филологического вестника», когда автор был еще студентом. Способный молодой человек был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языковедения и санскрита. Осенью 1885 года С. К. Булич в качестве приват-доцента начал преподавательскую деятельность в Петербургском университете, а также вел занятия по русскому языку в некоторых гимназиях Петербурга.

В 1887—1888 годах, находясь в научной командировке в Германии (Берлин, Лейпциг, Иена), С. К. Булич получил основательную подготовку по сравнительному языковедению. Вернувшись из-за границы, он продолжал вести преподавательскую работу в Петербургском университете, одновременно заведовал кафедрой русского и церковнославянского языка в Историко-филологическом институте. С 1910 года С. К. Булич был ректором Высших женских (Бестужевских) курсов. Педагогическая деятельность ученого была весьма плодотворна. Среди его университетских учеников — выдающий-

ся славист Г. А. Ильинский и крупный специалист по романским языкам В. Ф. Шишмарев.

Разнообразно творческое наследие С. К. Булича. Он одним из первых начал научное изучение заимствованных слов, и его лекция «Заимствованные слова и их значение для развития языка», прочитанная для получения звания приват-доцента 20 апреля 1885 года в Казанском университете (напечатана в журнале «Русский филологический вестник», т. XV, № 2, 1886), до сих пор сохраняет свое значение. Впоследствии проблематика этой статьи дала начало целому направлению в нашем языкознании, называемому контактологией, — изучению языковых контактов и языковых элементов иноязычного происхождения. Перу С. К. Булича принадлежит серия статей и заметок по историческому объяснению фактов фонетики и морфологии славянских языков, а также ряд изданий лекционных курсов по русскому языку и истории языкознания для студентов.

Большое внимание современников привлекла вышедшая в 1893 году в «Записках историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета» (ч. 32) капитальная работа «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, ч. 1». Исследование было посвящено памяти Н. В. Крушевского — одного из наставников молодого ученого. Здесь содержалась грамматика церковнославянского языка на базе старопечатных изданий. Разбор этого сочинения был сделан известными русскими языковедами А. И. Соболевским, В. А. Богородицким, Е. Ф. Будде, а в 1894 году оно было защищено в качестве магистерской диссертации.

Через десять лет была защищена как докторская диссертация другая работа С. К. Булича — «Очерк истории языкознания в России», которая и до сих пор является надежным справочником по истории русского языкознания с древнейших времен до 1825 года. Любопытна судьба данной книги. Она была задумана как послесловие к русскому переводу «Введения в изучение языка» немецкого языковеда Б. Дельбрюка. Обе книги составляют один очень толстый том «Записок историко-филологического факультета...», при этом объем «Введения» — 148 страниц, а «Очерка» — более 1000. Вот что писал сам С. К. Булич:

«Предлагаемая книга имеет свою довольно длинную историю, обусловившую некоторые ее особенности. Еще в 1897 г. несколько студентов-филологов старших семестров Петербургского университета, большею частью постоянные слушатели пишущего эти строки, желая прийти на помощь открывшейся около этого времени студенческой столовой обществу вспомоществования недостаточным студентам СПб. университета, задумали перевести и издать прекрас-

ную книгу знаменитого германского лингвиста, проф. Б. Дельбрюка „Einleitung in das Sprachstudium“. Чистая выручка от издания предназначалась переводчиками в пользу вышеупомянутого молодого и нуждавшегося в поддержке учреждения. С просьбой редактировать перевод, инициаторы его обратились к нижеподписавшемуся, на которого возложена была также обязанность осуществить издание. Достоинства книги, до сих пор еще не переведенной целиком на русский язык, и симпатичная цель предприятия, разумеется, могли встретить лишь полное сочувствие со стороны избранного переводчиками редактора».

С. К. Булич должен был приложить к переводу небольшой дополнительный «Очерк истории языкознания в России». Но работа над переводом затянулась, и он был закончен лишь к 1900 году. «Очерк истории языкознания в России» чрезвычайно разросся и продолжал расти во время печатания книги (1901—1904), хотя и был доведен только до 1825 года. В связи с этим характер издания изменился: «Очерк» превратился в самостоятельное научное исследование, а лаконичное «Введение в изучение языка» Б. Дельбрюка заняло место вступления к «Очерку».

С. К. Булич был не только преподавателем, он сотрудничал в различных научных учреждениях: в лингвистическом отделении Неофилологического общества в Петербурге, в отделении этнографии Русского географического общества. Интерес к лексике современного русского языка и его говоров вылился в работу по собиранию словарных материалов и привел к тому, что С. К. Булич принимал активное участие в подготовке большого академического «Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук», который не был завершен. В 1899 году по инициативе С. К. Булича был открыт Кабинет экспериментальной фонетики в Петербургском университете.

Ученый много внимания уделял популяризации языкознания: его перу принадлежит большое число статей в энциклопедических словарях. Занимаясь глубоко историей лингвистики, он рецензировал книги своих современников, с большим полемическим задором выступал на языковедческих диспутах того времени. С. К. Булич оставил ряд работ по теории и истории музыки, особенно русской. Интересны его рассуждения о значении музыки в жизни русских писателей.

Труды С. К. Булича, неустанного пропагандиста идей Казанской лингвистической школы в Петербурге, сохраняют свое значение в разной степени до наших дней, но «Очерк истории языкознания в России» остается незаменимым до сих пор и долго еще будет таковым.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

Слова *атмосфера*, *климат*, *погода*, употребляемые в переносном смысле, относятся к так называемой «строевой» лексике, создающей характерные обороты, газетно-публицистические клише, отличающиеся, как правило, высокой частотностью на газетной полосе.

Чтобы выяснить статус их общественно-политического значения, обратимся к толковым современным словарям.

Атмосфера — «газообразная оболочка, окружающая Землю и некоторые другие планеты»; *климат* — «метеорологические условия, свойственные данной местности» — эти терминологические значения приводятся в словарях на первом месте и, значит, являются главными в семантической структуре слов.

А у слова *погода* значение «состояние атмосферы в данном месте, в данное время» дается как единственное. Однако в широко известном выражении *политическая погода* слово выступает в качественно новом значении, которое в современных толковых словарях мы не находим. Дело в том, что жизнь слов в речи всегда опережает их фиксацию в словарях. Только устоявшись в новом значении и доказав тем самым право на самостоятельное существование, они включаются в словарь.

В семантической структуре слов *атмосфера* и *климат* общественно-политическое значе-

АТМОСФЕРА, КЛИМАТ, ПОГОДА на газетной ПОЛОСЕ

Русскоязычная пресса союзных и автономных республик является одной из важнейших форм распространения русского языка в качестве средства общения между нациями и народностями СССР. Пресса ориентируется на требования, предъявляемые культурой русской речи в целом, и выступает как проводник современной нормы. Осуществление этой важной функции служит в то же время характеристикой распространенности русского языка как средства межнационального общения.

ние имеет более устойчивый статус. Так, значения «окружающие условия, обстановка» у слова *атмосфера* и «обстановка, положение, условия существования чего-либо» у слова *климат* уже зафиксированы (с пометой «переносное») в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и в академическом «Словаре русского языка» в 4-х томах.

Обращение к словарям, отдаленным друг от друга во времени, позволяет проследить эволюцию новых значений в структуре слова: от переносного употребления в определенном контексте до фиксации его в словарной статье. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова слово *атмосфера* сопровождается пометами «переносное» и «книжное», а также грамматическими комментариями (указание на употребление только формы единственного числа). Этот факт свидетельствует об относительной долговечности использования слова *атмосфера* в политических текстах (переносное значение появилось у него еще в первой трети XIX века).

Что же касается слов *климат* и *погода*, то они как единицы общественно-политической лексики имеют ряд отличий. Переносное значение слова *климат*, впервые зафиксированное в Словаре Д. Н. Ушакова, приводится с пометой «разговорное», то есть подчеркивается стилистическая особенность такого употребления. В академическом «Словаре русского языка» в 4-х томах это значение дается уже без помет, а среди примеров встречается словосочетание *политический климат*.

*

Какие же обороты характерны для рассматриваемых слов? По нашим материалам — *дружеская атмосфера, сердечная атмосфера, атмосфера взаимопонимания, атмосфера взаимного доверия, атмосфера искренности*. Слово *климат* употребляется реже. Здесь обычны такие сочетания: *политический климат, моральный климат, общественный климат*. Наименьшей частотностью отличается слово *погода* в сочетании с определением *политический*. О достаточно давнем употреблении терминов *атмосфера* и *климат* (в отличие от слова *погода*) в устойчивых оборотах свидетельствует их более широкая шкала сочетаемости. Слова *атмосфера, климат* и *погода* относятся, как уже отмечалось, к «строевым» единицам газетной лексики, употребляясь здесь чаще всего не в своем терминологическом значении.

Сами по себе эти слова нейтральны, но формируемые при их помощи клише — оценочны. Например: «Беседа прошла в атмосфере дружбы, сердечности и полного взаимопонимания» (Советская Эстония, 1982, 17 ноября); «Рассчитывая оказать давление на

ход урегулирования нынешнего кризиса, израильские интервенты нагнетают атмосферу напряженности» (Советская Эстония, 1982, 10 ноября). Отметим, что оценочность, создаваемая при помощи строевого слова *атмосфера*, может быть как позитивной (первый пример), так и негативной (второй). Общественно-политическое значение этих слов реализуется только при сочетании с указанными определениями, согласованными и несогласованными. По сравнению с другими разрядами газетной лексики они в наибольшей степени зависят от контекста, вне которого воспринимаются как метеорологические термины.

*

Наблюдения показывают, что в эстонскоязычных газетах «Õhtuleht» («Вечерняя газета»), «Noorte Hää» («Голос молодежи»), «Rahva Hää» («Голос народа») рассматриваемые слова употребляются в тех же смысловых контекстах (Примеры приводим в переводе на русский язык с указанием в скобках конкретного слова на эстонском языке). Например: «Беседа прошла в *атмосфере* (*atmosfää*) доверия и взаимопонимания» (Голос молодежи, 1983, 4 июня); «Самое главное — это сохранить хороший *климат* (*klüma*) для работы в каждом рабочем коллективе» (Вечерняя газета, 1983, 10 февр.).

Следует отметить, что эстонский эквивалент слову «погода» — *ilm* в указанных эстонскоязычных газетах в политическом контексте не употребляется.

Как видим, формирование общественно-политического значения у слов *атмосфера*, *климат* и *погода* зависит не только от данной лексической единицы, но и от ее непосредственного окружения, а самое главное — от того определения, с которым данное слово вступает в непосредственный смысловой и грамматический контакт.

Сопоставление иллюстраций из русскоязычных и эстонскоязычных газет показывает, что влияние русского языка на тот или иной национальный язык (в данном случае эстонский) может иметь форму не только прямого заимствования: под влиянием русского языка проявляются ресурсы и потенциальные возможности другого языка. Это один из множества живых процессов в газетном публицистическом языке, которые наблюдаются в настоящее время в прессе Эстонской ССР.

Х. А. ЛААЗИ
Таллин

**В ЦЕЛЯХ УЛУЧШЕНИЯ
ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

В мае этого года в Москве состоялось IV Всесоюзное координационное совещание руководителей отделов (секторов, групп) русского языка лингвистических институтов Академий наук союзных республик, филиалов АН СССР и высших учебных заведений. На этом совещании был обсужден проспект нормативной грамматики для нерусских, заслушаны отчеты руководителей отделов, секторов, групп и координационных советов по изучению русского языка в союзных республиках, рассмотрены предварительные предложения по созданию целевой комплексной программы изучения русского языка в национальных республиках Советского Союза.

Практика изучения русского языка широкими слоями нерусского населения нашей страны поставила перед учеными-русистами задачу создания такого академического труда по русскому языку, который наилучшим образом отвечал бы и практическим потребностям многонационального советского общества, и теоретическому осмы-

слению русского языка как языка межнационального общения. Именно таким трудом и должна явиться «Нормативная грамматика русского языка для нерусских», проспект которой обсуждался на совещании. Этот проспект представляет собой обоснование и краткое изложение принципов построения и описания грамматического материала в академической грамматике нового типа.

Выступившие на обсуждении подчеркнули, что проспект выполнен убедительно, фундаментально, система русского языка в нем представлена так, как это необходимо для нерусских. Были также высказаны и замечания по данному проспекту, и предложения, касающиеся создания грамматики в целом.

В отчетах представителей союзных и автономных республик содержалась информация о проделанной работе за период, прошедший с последнего координационного совещания (Алма-Ата, 1982), о ходе реализации постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях союзных республик.

Во всех республиках в этом направлении ведется большая работа: готовятся и издаются словари, справочная литерату-

ра, различные учебные пособия, призванные оказать практическую помощь в изучении русского языка нерусскими. Укрепляются связи республиканских академических институтов с вузами и средними учебными заведениями. Такое сотрудничество — хорошая основа для выполнения намеченных планов в этой области.

Особое внимание на IV совещании было уделено проблеме создания целевой комплексной программы изучения русского языка в национальных республиках нашей страны.

Эта программа, рассчитанная на относительно длительный период времени, будет охватывать широкий круг социальных, идеологических, лингвистических, педагогических, психологических и иных аспектов. Ее конечной целью является формирование гармонического, совершенного вида национально-русского двуязычия у всех народов СССР, т. е. ставится практическая задача овладения всем нерусским населением страны русским языком как вторым родным.

Из тезисов, вынесенных на обсуждение, следует, что в центре данной программы стоят учащиеся средней школы. Именно в стенах школы развиваются и укрепляются зна-

ния русского языка, закладываются основы культуры письменной и устной русской речи.

Особое внимание в связи с этим программа должна уделить подготовке учителей русского языка в национальной школе. Поскольку от объема знаний учителя во многом зависит объем и качество знаний учеников, специальный раздел программы будет предусматривать разработку цикла лингвистических и педагогико-психологических дисциплин, необходимых для вузовской подготовки учителя русского языка в национальной школе.

Таким образом, разработка и дальнейшее осуществление целевой комплексной программы должны явиться результатом совместных усилий специалистов в разных областях знания, результатом целенаправленной деятельности различных научных и общественных учреждений и учебных заведений.

Создание программы, а затем и ее выполнение, без сомнения, явится серьезным стимулом в расширении и улучшении той важной работы, которая связана с распространением русского языка как средства межнационального общения народов СССР.

СУДЬБА ЛИЦЕВОГО СВОДА ИВАНА ГРОЗНОГО

Во второй половине
XVI века,
в царствование
Ивана Грозного,
русскими мастерами —
книгописцами
и художниками был
создан замечательный
памятник — Лицевой
(то есть
иллюстрированный)
летописный свод или
«Книга Царственная».
На 10 тысячах листах
лучшей
«александрийской»
бумаги, расцвеченных
более чем 16-ю
тысячами
красочных миниатюр,
перед нами предстают

В распоряжении исследователей сейчас имеется 10 томов, или частей, Лицевого свода. Хронологически первая часть, повествующая о древнейших событиях, была куплена в конце XIX века Историческим музеем и получила название Музейный сборник. Названия другим частям — Хронографический сборник, Лицевой хронограф, Голицынская, Лаптевская, две Остермановские, Шумиловская, Синодальная и Царственная — были даны в конце XVIII-го и в XIX столетиях, когда все они оказались в государственных архивохранилищах. Хронологическая последовательность расположения листов в частях и между томами (с рассказа о сотворении мира до царствования Ивана Грозного) довольно часто нарушается. Листы Свода явно кем-то перепутаны.

Все эти части находятся в разных Отделах рукописей: в Библиотеке Академии наук, Государственной публичной библиотеке (Ленинград) и Государственном Историческом музее (Москва). Они лишь постепенно выявлялись учеными, начиная со второй половины XVIII века. Не сразу была установлена и принадлежность названных частей одному памятнику — Лицевому своду.

В XVIII и XIX веках многие считали, что Лицевой свод был написан в XVII столетии, даже в конце его. Лишь тщательное изучение бумаги памятника, осуществленное в конце прошлого века известным палеографом Н. П. Лихачевым, окончательно убедило ученых, что Свод относится ко времени царствования Ивана Грозного или к началу царствования Федора Ивановича и написан в Москве или в Александровской слободе. Но и до сих пор историки

древние события всеобщей и отечественной истории, как их представляли себе авторы этой крупнейшей русской летописи. Недаром видный исследователь Лицевого свода А. Е. Пресняков назвал его «Московской исторической энциклопедией» XVI столетия: это в равной мере энциклопедический источник для филологов, историков и искусствоведов.

ведут серьезные споры о том, при каком правительстве, с какой целью и в чьих интересах создавалась «историческая энциклопедия».

Решению вопросов могли бы помочь сведения о судьбе памятника после его создания. Однако осветить темную историю Свода до того момента, как его части попали в центральные архивохранилища, было непросто.

Замечательный русский историк И. Е. Забелин обнаружил в документах XVII века из Архива Оружейной палаты (вобравшего в себя материалы дворцовых царских приказов) упоминание о том, что 1 мая 1639 года из Казенного приказа в Оружейную палату было передано «5 Книг Царственных... в лицах (то есть с миниатюрами), и в том числе первая часть, вторая, четвертая, шестая, седьмая», а в 1677 году туда же были отданы для раскраски листы «Книги Царственной» с 1072 миниатюрами.

Ученые сопоставили сведения, частично и не вполне точно опубликованные Забелиным, с надписями на полях одной из частей Свода — так называемой Царственной книги — и сделали вывод, что в обеих записях имеется в виду именно этот памятник — Лицевой свод. Предположение подтвердилось исследованиями, доказывающими, что нарисованные пером в XVI веке картинки другой части Свода — Синодальной — были раскрашены именно в конце XVII века. Картинки же Царственной части так и остались нераскрашенными.

Далее ученые отметили, что листы Свода, находящиеся ныне

в Синодальной и Царственной частях, послужили источником для написанной в середине XVII века рукописи, известной (в разрозненном виде) под названием Лебедевской и Александро-Невской летописей. Предположили, что в документе 1639 года имелись в виду еще Лаптевская и Голицынская части свода, также отраженные этими летописями, и что все четыре части составляли в то время одну кипу переплетенных и перепутанных между собой листов.

Новые известия о судьбе этих частей Свода относятся уже к гораздо более позднему времени. На Голицынской части есть запись 1728 года о продаже ее подьячим С. Ивановым купцу А. Ф. Коробейникову; в начале XIX века она была куплена в библиотеке Голицыных собирателем рукописей А. Ф. Толстым и позже с его собранием поступила в Публичную библиотеку.

Царственная часть была найдена историком М. М. Щербатовым в Синодальной библиотеке и издана им (1769). В первой половине XIX века в этой библиотеке была и Синодальная часть памятника.

Тогда же петербургским купцом И. П. Лаптевым часть свода с царственной записью была подарена Публичной библиотеке.

Подобная запись имеется еще в Шумиловской части, подаренной (1814) библиотеке томским купцом М. Шумиловым. Более ранних сведений о ней не было, как и о Лицевом хронографе, оказавшемся в этой библиотеке в XIX веке. В конце прошлого столетия в Синодальную библиотеку поступила начальная часть памятника — Музейный сборник, имеющая датированную концом XVII — началом XVIII века владельческую запись князя М. В. Мещерского.

Судьба Хронографического сборника исследователям известна лучше. На нем есть собственноручная запись патриарха Никона о вкладе рукописи в Воскресенский монастырь (1660—1661). Другая запись гласит, что в 1724 году эта часть Свода была подарена Петром I его дочери Наталье. Позже книга перешла к графу А. И. Остерману — об этом свидетельствует запись его библиотекаря. После опалы Остермана в числе конфискованных у него книг Хронографический сборник поступил в Библиотеку Академии наук, где хранится и теперь. Из сборника Остермана в 40-х годах XVIII века в эту библиотеку попали и последние (из 10-ти известных) части Свода — Остермановские 1-я и 2-я, не имеющие владельческих записей.

*

Как видим, из богатой истории Лицевого свода за время ее изучения удалось выяснить многое. Но этих сведений оказалось недостаточно, чтобы из отрывочных упоминаний сложилась сколь-

ко-нибудь ясная картина, отражающая судьбу памятника на протяжении веков. Можем ли мы ответить, где хранился Лицевой свод в XVII веке? Одни авторы, имея в виду документы 1639 и 1677 годов, приведенные Забелиным, пишут, что памятник находился в Казенном приказе. Сам Забелин думал, что Свод был во дворце и служил для обучения и развлечения царских детей. Другие исследователи, указывая на Хронографический сборник (запись Никона), Царственную и Синодальную части, утверждают, что еще в XVI веке памятник попал в библиотеку московских митрополитов (а затем патриархов). На основании столь противоречивых суждений невозможно было сделать убедительных выводов о том, с какой целью создавалась крупнейшая древнерусская лицевая рукопись, кто и зачем пользовался «Книгой Царственной».

Не менее важна и другая сторона проблемы. В настоящем виде листы Свода причудливо перепутаны как внутри каждой части, так и между ними. Отражает ли это хронологическое непоследовательное расположение листов работу самих составителей, может быть, читателей, или оно случайно? Кто и когда разделил Лицевой свод на части? Наконец, насколько полно имеющиеся в нашем распоряжении листы отражают первоначальный состав памятника?

Для аргументированного ответа на эти вопросы были нужны новые сведения, позволяющие собрать воедино мозаичные факты из истории памятника.

*

И поиски начались. Выявив подлинный документ из расходной книги ружной (то есть товаров и вещей) Казенного приказа, мы уточнили, что «пять Книг Царственных» были 1 мая 1639 года переданы не в Оружейную палату, а в Оружейный приказ, имевший штат писцов. Более того, исследователи не обратили внимания на фразу, что «Книги Царственные» были «знаменные в лицах», иными словами, имели нарисованные пером, но не раскрашенные рисунки. Значит, это были Синодальная и Царственная части, но без Лаптевской и Голицынской, рисунки которых были раскрашены в XVI веке. В Лебедевской и Александро-Невской летописях использованы все четыре части Свода, причем листы двух последних частей еще не были так перепутаны, как сейчас. Анализ показал, что в 1639 году Лаптевская и Голицынская части составляли одно целое, а Синодальная и Царственная не были до конца разделены и, очевидно, являлись царским имуществом, которым ведал Казенный приказ.

Когда же «знаменная» кипа листов была разобрана на Синодальную и Царственную части? Логично было бы отнести это к периоду работы царских книгописцев над копией, создававшейся

в 40-х годах XVII века в связи с попытками развития «романовского» официального летописания. Подтверждение этому находим в описи имущества Государева печатного двора, сделанной в 1649 году. Там, на задворках, в «шкафу без замка», находились уже использованные типографией рукописи, в том числе «Книга Царственная в лицах, писменная, неполна, в тетратех, перемешана и драна, писана в лист, связана в трех местах», то есть Царственная часть.

Для того, чтобы определить ее дальнейшую судьбу, мы должны были усомниться в справедливости имеющегося в специальной литературе мнения, будто переплетенные рукописи не вносились в XVII—XVIII веках в библиотечные описи. Несмотря на то, что Царственная часть была переплетена только Щербатовым, история ее отражена в описях очень хорошо. На Печатном дворе во время составления очередного описания его фонда в 1679 году рукописи уже не было. Но в 1695 году она отмечена в составе «домашней казны» (имущества) патриарха Адриана. Где же находилась Царственная часть между 1649 и 1695 годами? Отвечая на этот вопрос, А. В. Лаврентьев нашел доводы в пользу предположения о передаче ее патриарху Никону еще до 1659 года и о наличии Царственной части в патриаршей ризной библиотеке в 1686 году.

А. Е. Пресняков свидетельствовал, что части Лицевого свода не отражены в описаниях патриарших рукописей XVIII века. Проверив это утверждение, мы нашли записи о Царственной части в описях сначала «домашней библиотеки» (1701 и 1708), а затем, «поглотившей» ее Московской Синодальной. Рукопись «осматривалась» в 1735, 1749 и 1754 годах, а в 60-е годы была подробно описана в Каталоге Синодальной библиотеки, который раскрывает исследователям состав и расположение листов рукописи до того, как М. М. Щербатов часть из них (до сих пор не обнаруженную) изъял, а оставшиеся переплел. Описи книг, взятых по указу Екатерины для составления русской истории, сообщают, что Царственная часть попала к А. И. Мусину-Пушкину. После 1813 года она благополучно вернулась в Синодальную библиотеку (тогда как рукописи Мусина-Пушкина, в том числе и «Слово о полку Игореве», сгорели в его доме в 1812 году).

Узнав из библиотечных описей, что Царственная часть Свода «ушла» из ведения Казенного приказа до 1649 года, вернемся к дворцовым архивам и посмотрим, что стало с другими листами памятника. В свитках Оружейной палаты сохранилась запись о покупке «сафьяна (тонко выделанной кожи) красного турецкого по цене — рубль». По указу Алексея Михайловича мастер Прохор

Иванов оклеил им «логалища (то есть футляры) на Книгу Царственную, которая писана в лицах».

Не менее бережно, чем Алексей Михайлович, относился к Своду его сын, царь Федор (1676—1682). Нам удалось найти не только запись, использованную Забелиным (она находится в столбце Оружейной палаты и содержит текст «приказной верховой книги», в которой записывались работы в царских хоромах), но и новые документы. Запись свидетельствует, что в Оружейную палату от государя поступила непереpletенная «Книга Царьственная в лицах, писана на александрийской бумаге в десть» (то есть в развернутый лист). Большая часть ее миниатюр была раскрашена, однако «многие листы ознаменены (имели рисунки), а не выцвечены». 613 листов (и 1072 нераскрашенные в XVI веке миниатюры) составляют Синодальную часть Свода. «Станица» (бригада) иконописцев Филиппа Павлова взялась за их «расцвечивание» и выполнила работу очень быстро: с 4 по 12 мая 1677 года. В новом документе отмечено, что царь приказал также реставрировать ветхие листы «Книги Царственной». Действительно, в очередном столбце Оружейной палаты под 4 мая имеется запись о выдаче красок иконописцу Степану Данилову для поновления «Книги большой в десть Бытия Царственной». Это и есть начальная часть Свода, открывающаяся библейской «Книгой Бытия». Она находится теперь в Музейном сборнике и имеет множество миниатюр, реставрированных в конце XVII века.

Итак, Федор Алексеевич привел в порядок начальную, наиболее потрепанную, и конечную (Синодальную) части непереpletенного Лицевого свода, хранившегося у него во дворце. В Оружейной палате нам удалось найти документы, свидетельствующие, что государь не только внимательно читал Свод, но и высоко ценил его миниатюры: в 1679 и 1680 годах покои царя и «новые деревянные хоромы государынь царевен» были украшены «живописными притчами» (картинами) из Царственных книг. Работы выполнялись лучшими художниками: Карпом Золотаревым, Иваном Салтановым, Иваном Безминим и Питером Янглосом.

Тот факт, что в XVII веке Лицевой свод находился в хоромах русских царей, заставляет считать, что этот грандиозный летописный памятник создавался для личного пользования государей и должен был по окончании работ над его текстом и миниатюрами попасть в царскую библиотеку (подробнее об этом см: Пентковский А. М., Богданов А. П. Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в.— В кн.: Исследования по источникововедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1983).

Что же произошло с Лицевым сводом? Какой, по выражению Н. П. Лихачева, «страшный погром» «исхитил, сбил, разрознил и перемешал» его листы? Исследование приоткрывает завесу этой тайны. Документы свидетельствуют, что перед своей скоростной смертью Федор Алексеевич успел принять несколько необычное решение: все книги, находившиеся в царской «комнатно-книгохранительнице», были переданы в Мастерскую палату — казенное ведомство, обеспечивавшее материальные нужды царского двора. Учитывая политическую ситуацию начала 1680-х годов, нетрудно предположить, что царь, зная о готовившемся дворцовом перевороте в пользу Петра и опасаясь расхищения библиотеки родственниками малолетнего царевича, старался найти для книг более надежное убежище. Указ этот не успели исполнить, царь Федор был уже мертв, Петр посажен на престол.

Если мы верно представили себе мотивы поступка царя Федора, следует оценить его проницательность: оставшиеся во дворце книги царской библиотеки во множестве забирались из «книгохранительницы» на имя Петра Алексеевича и чаще всего «тайно» исчезали, пока, наконец, Софья Алексеевна не передала их в Мастерскую палату. По составленной там описи Лицевой свод зарегистрирован дважды: в одной статье описывалась основная часть его переплетенных листов, начиная с «Книги Бытия», в другой — переплетенный Никоном Хронографический сборник, который, к счастью, действительно попал к юному царю и хранился в его библиотеке до 1724 года. Далее его судьба уже хорошо известна. Основная же рукопись находилась в Мастерской палате до 1689 года.

Время и даже последовательность исчезновения из казны листов рукописи мы можем установить довольно точно. Чтобы заметить закономерность в формировании современных частей свода, представим себе, как хранилась рукопись в конце XVII века. Это была огромная стопа, сверху которой помещались листы, содержащие рассказ о древнейших событиях. Внизу находились те листы, которые в настоящее время входят в состав Синодальной части. Листы, находившиеся сверху стопы, естественно, были взяты первыми (сейчас они составляют Музейный сборник). На них и оставил свою владельческую запись стольник М. В. Мещерский.⁹ Это придворное звание он носил в конце XVII века, но к рукописи мог обратиться лишь с 1692 по 1696 год, когда состоял при особе царя Ивана и вел спокойную жизнь в Москве.

После того, как первые листы Свода оказались у Мещерского, верхними в стопе остались те, которые вошли в современный Лицевой хронограф. Внизу лежали, как нам известно, раскрашенные

при Федоре листы нынешней Синодальной части. Зная, что и первая, и вторая части Свода были уже в конце XVII века одинаково подреставрированы и переплетены, нетрудно догадаться, что они взяты одновременно одним и тем же человеком. Это подтверждается еще и тем, что при переплете первые листы Лицевого хронографа попали в начало Синодальной части, а последние — в конец ее. Определить личность «похитителя» помогает запись в бумагах Кариона Истомина, свидетельствующая, что в 1699 году он относил Лицевой хронограф к царевичу Алексею Петровичу (домашним учителем которого мечтал стать). Итак, второй человек, обратившийся к Лицевому своду, — выдающийся поэт и видный общественный деятель Карион Истомин.

Выяснить, куда потом делись взятые им части «исторической энциклопедии», оказалось не так просто. В реконструированную сотрудниками Библиотеки Академии наук СССР домашнюю библиотеку царевича Алексея они не попали. Памятуя о том, что в 1698—1701 годах Карион Истомин был директором Печатного двора, мы обратились к Типографской библиотеке. Действительно, Лицевой хронограф вернулся от Алексея Петровича на Печатный двор. Он отмечен там в описях (1727 и 1775), а затем, вместе с другими книгами, был передан в Синодальную библиотеку, откуда его извлек А. И. Мусин-Пушкин. После 1813 года Лицевой хронограф, как и Царственная часть, вернулся в Синодальную библиотеку. Однако на этом его «путешествие» еще не завершилось. Б. М. Клоссу удалось установить, что Лицевой хронограф был похищен греческим дворянином Зоем Зосимой и лишь в 1827 году подарен им Николаю I, который и передал рукопись в Публичную библиотеку. Дальнейшая судьба побывавшей в руках Истомина Синодальной части остается неизвестной, но в 1822 году она, как свидетельствует опись, поступила в Синодальную библиотеку из Московской конторы Синода, занимавшейся скупкой книг.

Остермановские 1 и 2-я части находились в середине стопы и могли быть изъяты еще до того, как к Своду обратились Мещерский и Истомин. Важно отметить, что они не содержат листов из других частей Свода и их листы не попали в другие его части. Вместе с тем, они составляли до переплета в XVIII веке одну рукопись: в ней утрачено несколько листов в начале 1-й и в конце 2-й части, то есть сверху и снизу. Еще более важен другой факт: листы Голицынской, Лаптевской и Шумиловской частей, из которых первые хронологически предшествовали, а последняя служила продолжением листов Остермановских частей, сильно перепутаны между собой. Это могло произойти лишь, при условии, если человек, взявший эти листы, обращался к Своду после исчезновения из стопы Остермановских частей. Вероятнее всего эту часть

листов похитил Семен Иванов, оставивший свою запись на Голицынском томе. Нам удалось выяснить, что до переезда в 1702 году в Петербург (где он работал в Провиантском приказе) Семен Иванов служил подьячим Посольского приказа (1689—1701 гг.). Как известно, Посольский приказ был крупным литературным и книгописным центром, а подьячие его получали дополнительный доход от продажи рукописей. Этим путем и попали к северным русским купцам все три части рукописи, добытой Ивановым в Мастерской палате.

*

Если судить по имеющимся сейчас частям Свода, в Мастерской палате после похищения известных нам листов ничего не осталось. Но это маловероятно — ведь рукопись была отмечена в охранной описи 1683 года, хотя и без указания количества листов. Действительно, в описях казны Мастерской палаты 1720 и 1727 годов упоминается неизвестная нам часть Свода, насчитывавшая 1452 листа. Содержание ее мы можем установить, хотя в описях оно и не раскрыто: рассматривая источники памятника, Б. М. Кюссе показал, что между существующими сегодня листами отсутствует около 700 листов, содержавших окончание древнерусского Хронографа, и 750 листов, вероятно, продолжавшей его «Повести временных лет». Совпадение количества листов поразительное! Согласно найденным нами документам, эта часть Свода 8 июня 1723 года по приказанию Петра I запрашивалась в Сенат, но 4 июля вернулась назад. В 1732 году по указу Анны Иоанновны она была вновь послана в Петербург и 2 ноября исключена из имущества Мастерской палаты. Была ли бесценная рукопись присвоена Бироном и его собратьями, затерялась ли она в бесконечных гардеробах императрицы — неизвестно. Она бесследно исчезла из сокровищницы русской культуры. Для исследования Свода, однако, важны уже сами сведения о ее существовании.

Итак, в архивах оказалось достаточно материалов, чтобы пролить свет на историю хранения и рассредоточения одной из ценнейших рукописей библиотеки московских царей. Этот итог, замечательный сам по себе, укрепляет нашу уверенность в возможности реконструкции и самой библиотеки, в течение XVII и XVIII веков рассеивавшейся по разным собраниям и расхищавшейся частными лицами, особенно после передачи ее остатков в Мастерскую палату. Реализация этой возможности зависит в основном от настойчивости научного поиска, подкрепленного современными знаниями и несовместимого с мифотворчеством.

*А. П. БОГДАНОВ,
А. М. ПЕНТКОВСКИЙ
Рисунок С. Гавриловой*

Скоморохи, гудошники, бахари и другие странствующие певцы и музыканты составляли многочисленную корпорацию в древней Руси. Они не только веселили народ и распространяли устно-поэтическое творчество. Между ними были сочинители, поднимавшие хлесткий бич классовой сатиры. Русский скоморох был другом, носителем и исполнителем особого искусства — непримиримого, активного, борющегося за народную правду.

«Всяк скажет, да не как скоморох», — гласит народная пословица. Не случайно поэтому скоморохи подвергались гонениям и преследованиям со стороны светских и духовных властей. В 1657 году митрополит ростовский и ярославский Иона предписывал в Устюжском и Усольском уездах, а также в Соль-Вычегоде на посаде «учинить закон крепкой, чтобы отнюдь скоморохов и медвежьих поводчиков не было и в гусли бы и в домры и в сурны и в волынки и во всякия бесовские игры не играли, и песней сатанинских не пели, и мирских людей не соблажняли...» (Русское народно-поэтическое творчество против церкви и религии. М.—Л., 1961).

Боевое скоморошье искусство находило живой отклик в народе и оказывало сильное воздействие на письменную сатирическую литературу. Такие произведения, как «Повесть о Ерше Ершовиче», «Сказание о куре и лисице», «Повесть о Шемякинском суде», «Роспись о приданом», «Лечебник на иноземцев» и другие нераз-

рывно связаны с тем особым стилем изложения, который характеризует скоморошья небылицы, прибаутки, юмористические и сатирические сказки.

Отличительные особенности этого стиля — склонность к рифмованной прибауточной прозе, игра собственными именами, использование шутовых сказочных концовок с обязательной рифмой.

Былины-пародии были очень популярны в скоморошьем репертуаре и предназначались для увеселения слушателей. Путаница качеств, комическая нелепость, противоречие между тоном и содержанием, доведение изображаемого до абсурда — таковы основные свойства этих скоморошьях пародий-небылиц. С течением времени они теряли свою актуальность и переходили в детские игры с песенными приговорами. Некоторые из них встречаются в фольклорных записях XIX века, например: «Шильце, мыльце, белое белильце. Грош да денежку, красную девушку. Сорок анбаров сухих тараканов, Сорок кадушек соленых лягушек».

Аналогичные выражения встречаем в украинском фольклоре. Украинские юмористы, среди которых были народные певцы-кобляри, как и русские скоморохи, пародируя думы, песни, часто прибегали к небылице. В таком стиле выдержаны «Дума про тещу», «Дума про Михія», «Кисіль» и другие юмористические и сатирические произведения. Они несколько напоминают отрывки из «Росписи о приданом». Сравним: «Убив синицю На бужаницю (буженину)... Убив воробья, навішав полтів, Начинив ковбас»; «На сей банкет комара з мурашкою вбили, Штири полті солонини із ню, паробили» (Давній український гумор і сатира, К., 1959); «... в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей тараканьих да 8 стягов комарьих, 4 пуда каменного масла» (Роспись о приданом).

В стиле скоморошьях небылиц выполнена вся «Роспись о приданом». Она пародирует форму так называемых «рядных» или «сговорных» записей, образцы которых часто встречаются в письменности XVII века и представляют собой детальный перечень приданого невесты. Сравним материал «сговорной» записи с текстом повести «Роспись о приданом»: «Выслуженную вотчину, в Рязанском уезде, деревня Панины Пруды, а в ней крестьянских 40 дворов ... да Московский двор» — «Вначале 8 дворов крестьянских промеж Лебедяни на Старой Резани, где пьяных вязали, меж неба и земли... третий московской двор загородной...»

Повесть высмеивает бытовавшую в дворянских семьях практику вносить в сговорные записи несуществующие предметы, чтобы не выглядеть беднее других. Часто серьезное перемежается в небылицах с шуточными прибаутками: «Праздничной убор, в котором лязят кур красть через забор»; «Сундук один с бельем,

а другой с бельмом»; «Серешки двойчатки из чортовой матки».

Такие рифмованные прибаутки встречаются и в других повестях: «И садится Рак, печатной дьяк, на ременчат стул, чтобы чорт не здул», «Сом с большим усом» (Повесть о Ерше Ершовиче).

«Роспись о приданом» содержит также острый социальный элемент. В разделе, где обычно перечисляются вотчины и поместья, предназначенные для приданого, читаем: «Да 8 дворов бобыльских, в них полтора человека с четвертью, Три человека деловых людей, четыре человека в бегах, два человека в бедах, один в тюрьме, а другой в воде». И дальше: «В той деревне по преписи крестьяня: Ванка безпятый да Еремка проклятой, Дворовой человек Викула так богат, что не имеет ни пула. Сенка Сумач да брат его подщипаной грач. Дворовой же человек Силуян, не однажды кнутом дран, ибо з глупости много согрешает, з дураков кафтаны здирает».

В этих отрывках мало небыличного. Перед нами реалистическая зарисовка феодальной деревни и положения ее жителей, бесправных и нищих.

Прибауточные концовки в рассматриваемой повести — пародии на юридические документы XVII века — не что иное, как скомошьи небылицы: «А у записи сидели: сват Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да поп Тимошка, да сторож Филимошка»; «А запись писали в серую субботу, в рябой четвертак, в соловую пятницу».

Сравним их с концовкой подлинного документа: «У сей записи сидели: стольник Никита Иванович Шереметев, Семен Васильевич Ларионов, Парфеней Павлович Сомов, запись писал Ивановской площади подъячей Мелешка Иванов. Лета 7178, сентября в 19 день».

В сатирической литературе XVII века шуточные рифмующиеся концовки были, очевидно, распространенным явлением. В. П. Адрианова-Перетц указывает на существовавшее в то время стремление сокращать иногда текст в части его бытовых подробностей, но вместе с тем усиливать его занимательность добавлением прибауточных рифмованных выражений. В качестве примеров она приводит варианты таких концовок, стилизующих подписи в челобитных XVII века: «Подана сия челобитная лета утряса, месяца китовраса, в шестопятый день в серой четверток, в соловую пятницу, а читателю предражайшему за работу великой огурец и сей челобитный конец». Или: «...а писал сию челобитную сьяк и так Исак, пометил дьяк — морской рак, месяца осеннего, а числа последнего, нынешнего года. Вторая концовка напоминает заключение «Повести о Ерше Ершовиче»: «И судной список писал вину Ершову подъячей, а печатал грамоту дьяк Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерпеть с носом,

а подъячий у записки в печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремный сторож — Жук Дудин».

В стиле небылиц, которые идут от скоморошских пародийных челобитных, оформлялись иногда зачины к сатирическим произведениям. Так, например, «Служба кабаку» начинается следующим образом: «Месяца китовраса в нелепый день...». Такое обыгрывание хронологии принадлежало к популярным приемам древней сатиры и юмора. К нему часто прибегали также украинские и польские сатирики того времени. Например, широко известное «письмо» запорожцев турецкому султану имеет такую дату: «числа не знаем, бо календаря не маем, місяць у небі, год у книзі, а день такий у нас, як у вас». К такому же «датированию» прибегает украинский писатель XVIII века Иван Некрашевич: «Місяця небесного, сього ж таки року. А числа, що у книжці написано в строку» (Давній український гумор і сатира, К., 1959).

Особенно много элементов скоморошьего творчества в повести «Служба кабаку»: «З голодом звонят, с босоюю припевают»; «ожерелье в три молоты стегано и перстен бурмитской на обе руки»; «соломянные венцы»; «кропивные венцы»; «глухие, потешно слушайте, нагие веселитесь». Эти и подобные выражения не цитируются, а органически сливаются с текстом «повести», придавая произведению динамичность, живость, образность, сатирическую остроту.

Повесть-пародия «Лечебник на иноземцев» прекрасно подражает форме подлинных лечебников и травников, по которым врачевались в то время русские люди. В ней сохраняются характерные заглавия рецептов. В пародии они звучат следующим образом: «Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба...»

Порядок расположения материала тот же, что и в подлинных лечебниках, но содержание его полностью отвечает народным сказкам-небылицам. Для достижения комического эффекта предлагаются в состав рецептов самые невероятные рекомендации: «Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вешняго топу 13 золотников, светлаго тележного скрипу 16 золотников...». Или: «...взять девичья молока 3 капли, густово медвежья рыку 16 золотников, толстого орлового летанья 4 аршина, крупного кошечья ворчанья 6 золотников, курочья високаго гласу пол фунта...» и т. п.

Способы приготовления лекарств и правила их приема тоже выполнены в манере скоморошских небылиц: «...и смешать все вместе в соломяном копченом пиве, на одно утро после полден, в одиннадцатом часу ночи, а потом 3 дня не етчи, в четвертый деню ввечеру, на заре до свету, покушав во здравие от 3 калачей, что промеж рожек, потом взять москворецкой воды на оловянном или на серебрянном блюде, укрошить в два ноже и выпить» и т. п.

Некоторые «рецепты» в «Лечебнике на иноземцев» написаны в форме народных заговоров и оберегов: «А буде который иноземец заскорбит рукою, повертеть здоровую руку буравом, вынять мозгу и помазать болная рука, и будет здрав без обеих рук». Как видим, «советы» сродни скоморошьим шуткам, но злым, направленным против социального неустройства.

По стилю к «Лечебнику на иноземцев» несколько приближается украинская сатира «Лікарство на болящих немощію пьянства». Ее автор, подражая форме лечебников, предлагает простой «рецепт» — традиционную «березовую кашу»: «Помазать його маслом, тим, що з березьев, Так, щоб помазаний ні всидів, ні вляжав! Буді ж в ком приклучиться та болізн вдруге, То сим образом врачувать у недугі...»

Отдельные небыличные элементы можно обнаружить и в «Повести о Фоме и Ереме», которая в свое время во множестве стихотворных и прозаических вариантов разошлась чуть не по всей России. Как шуточная песня, она была хорошо известна и на Украине и создавалась, очевидно, под влиянием русского образца, о чем свидетельствует наличие в ее языке специфически русских слов и не свойственных украинскому языку суффиксов. Припев, по-видимому, тоже заимствован из какого-то русского варианта песни: «Яремушка, брат рідной, Тільки матки не одной».

Элементы небыличности в «Повести о Фоме и Ереме» варьируются, однако всегда являются средством усиления сатиры в рассказах о братьях-неудачниках, ничего не умеющих делать.

Как прием сатирического изображения используются небылицы и в других произведениях демократической литературы XVII века. Обращение к устно-поэтическому творчеству, склонность к рифмованной речи, к стилю скоморошьих небылиц обусловлены стремлением демократически настроенных писателей осудить, представить в смешном, неприглядном виде то или иное порочное явление, высказать свое непримиримое отношение к злу.

Антифеодальная демократическая сатира XVII века положила начало прогрессивному направлению в русской литературе, которое столь успешно развивали лучшие писатели-классики XVIII — XIX веков — Фонвизин, Новиков, Крылов, Салтыков-Щедрин и другие.

Произведения демократической сатиры отразили характерный для XVII века процесс влияния языка народной словесности на формирующийся литературный язык и явились значительным фактором в его становлении и развитии.

Г. П. ВИШНЕВСКАЯ

Киев

Рисунок В. Комарова

Тверское княжество было одним из наиболее сильных, богатых и влиятельных в древней Руси. Впервые в летописи Тверь упоминается в 1208 году.

Однако найденная недавно в Калининe берестяная грамота, а также другие косвенные свидетельства говорят

о ее существовании уже в 60-х годах XII века

(см.: Янин В., Мясникова Н. Тверь: Грамота № 1.— Правда, 1983, 10 окт.).

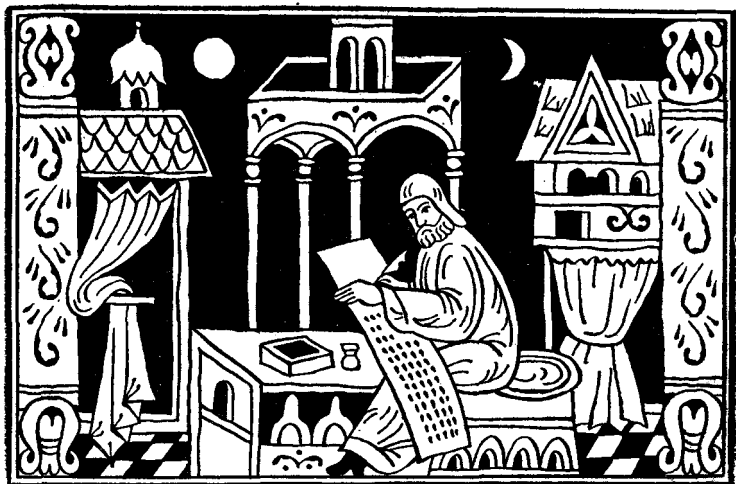
К концу XIII века тверские князья получают великое княжение. Удобное расположение княжества, через территорию которого проходили главные торговые пути, тесные контакты с Великим Новгородом и Литовскими землями обусловили не только экономическое, но и высокое культурное развитие Твери.

Много раз горевшая Тверь не сохранила до наших дней столь богатого рукописного наследия, как Новгород, однако и по имеющемуся материалу мы можем судить о высоком уровне развития ее книжной культуры.

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ТВЕРИ XIV—XV ВЕКОВ

Уже в конце XIII — начале XIV веков в Твери создается лицевой список Хроники Георгия Амартола, насчитывающий 127 миниатюр. Миниатюры выдержаны в традициях домонгольского Киевского искусства. На одной из них изображены заказчики рукописи — великий князь Михаил Ярославич и его мать княгиня Ксения. Известно, что именно мать обучала в детстве великого князя книжной премудрости: «Его же святая то премудроа мати воспита в страсе господни и научи святым книгам и всякой премудрости.» — говорится в его житии.

По-видимому из той же книжной мастерской вышла еще одна замечательная лицевая рукопись — древнейший Троицкий список Мерила Праведного. Миниатюры рукописи выполнены в той же манере, что и миниатюры Хроники Георгия Амартола. Палеографическое исследование рукописи показало, что в

процессе ее написания проходило обучение каллиграфическому мастерству шестерых молодых писцов. Образцы письма опытных каллиграфов чередуются с «уроками», выполняемыми учениками. По мнению Г. И. Вздорнова, заказчиком рукописи был епископ Феодор Добрый. Следует заметить, что тверские епископы были людьми широко образованными, чьи размышления над религиозно-философскими вопросами порой граничили с «вольнодумными мудрствованиями».

*

80-е годы XIV века были для Твери переломными. В 1375 году московский князь Дмитрий Иванович, собрав под свои стяги войска чуть ли не всех русских княжеств, совершил победоносный поход на Тверь, поставив ее в прямую зависимость от Москвы. Однако в 1383 году Михаил Александрович Тверской вновь едет в Орду за ярлыком, и Тверь не только возрождается, но и переживает новый культурный подъем. В этом немалая заслуга князя, человека высокообразованного, который, по свидетельству летописей, любил и ценил книжное слово.

Культура Руси рубежа XIV—XV веков ориентируется на традиции Киевского периода. Обращение к культурному наследию Киевской Руси — единого независимого государства — было особенно актуально в эпоху объединения русских земель вокруг Москвы, утверждения идеи централизации. Не случайно в этот период оформляется Киевский цикл былин, тверские, московские, ростов-

ские летописи ведут начало с «Повести временных лет», общий пафос которой — призыв к единению в борьбе с врагами — созвучен идеологическим устремлениям конца XIV — начала XV веков. К «Слову о полку Игореве» обращается автор «Задонщины», киевские и владимирские традиции развиваются в архитектуре и живописи XV века как Москвы, так и Твери, ибо борьба за киевское наследие имела и конкретно-политический аспект — она была самым непосредственным образом связана с соперничеством Москвы и Твери.

Носителем южнорусских культурно-просветительских традиций в Твери был епископ Арсений, бывший архидиакон и доверенное лицо митрополита Киприана. Выходец из Киево-Печерской лавры, Арсений обращается к истории русского монастыря и составляет особую редакцию Киево-Печерского патерика, названную в дальнейшем «Арсеньевской». Именно в Арсеньевской редакции отразилось стремление превратить памятник из истории одного монастыря в произведение общерусского значения. С этим связаны основные особенности редакции: утрата эпистолярной части Посланий Симона и Поликарпа, отсутствие наиболее тенденциозного фрагмента, противопоставляющего Печерский монастырь всем прочим и другие (см. подробнее: Конявская Е. Л. Арсеньевская редакция Киево-Печерского патерика. — Вестник Московского университета, сер. Филология, 1983, с. 3—11).

Незадолго до этого по инициативе Арсения переписывается Лествица со списка, составленного Киприаном во время пребывания его в Константинополе. Под руководством Арсения составляется и один из наиболее полных тверских летописных сводов, фрагменты которого сохранились в Рогожеком летописце и Никоновской летописи.

*

Последнее свое возвышение Тверь переживает в середине XV века, в период княжения Бориса Александровича. О высокой образованности этого князя говорит инок Фома в своем «Слове похвальном о благоверном и великом князе Борисе Александровиче»: «Но еще же чрес пределы и книгами горазд, и х кому же хочет, к тому беседует, и никто же отвецати ему может, но всеми владеет». В дальнейшем инок Фома сравнивает Бориса Александровича с великими правителями — болгарским царем Симеоном и египетским царем Птолемеем, прославившими себя покровительством книжной культуре и просвещению.

Высоко образован и сам инок Фома, придворный летописец

князя Бориса Александровича, для которого: «сотове медвени сло-реса добраа, и сласть же их — исцеление души».

С настойчивостью просветителя призывает он к книжному учению: «Аще ли человек ища разума, той должен есть навькну-ти слову». Вслед за Златоустом считает он «паче бесловесного ско-та» человека, который «слова не желает».

Показателем высокого уровня развития и почитания в Твери словесного искусства может служить пример того, как инок Фома осознает свой труд. Литературная работа является единственной «службой» Фомы, который, сокрушаясь, что жизнь Бориса Алек-сандровича до сих пор не стала предметом описания и прослав-ления, приводит этому не традиционное для древнерусского книж-ника оправдание: «Но в том не творю вас виноватых, ни укоряю вас, и иже вы не писасте. Но понеже бо коиждо вас жену имат, а ин дети питает, и ин о дому печеться, а инии в воинстве ходят, но и коиждо вас на поручную службу отходит. Но и о сем не хул-ны есте, но хвалими. Но понеже бо мы не детей имеем, ни домов, ни полат, но то есть наше дело, иже писати честь государя наше-го великаго князя Бориса Александровича...». Об этой своеобраз-ной службе князю — службе словом — Фома пишет неоднократно «Потому и в чести ходим у него, что печемся о слове». Это свиде-тельствует о формировании авторского сознания писателя-профес-сионала, для которого не переписка или компиляция, настоящая литературная работа становится основной деятельностью.

В 1485 году Тверь теряет свою политическую самостоятель-ность. А в 90-х годах XV века тверской купец Афанасий Никитин пишет свои записки, которые, по словам академика Б. А. Рыбако-ва, от других описаний путешествий и хождений отличаются «наибольшей подробностью, широтой кругозора и точностью наблюде-ний», а по богатству материала превосходят «краткие записки Вас-ко да Гама» (Рыбаков Б. А. Просвещение.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. Т. II.— М., 1969, с. 200).

Появление на свет «Хожения за три моря» было подготовлено высоким уровнем развития культуры и просвещения в Тверской земле. Само же «Хожение» как по уникальной значимости его в качестве исторического источника, так и по осознанию автора себя гражданином всей Русской земли, уже выходит за пределы явлений тверской культуры и становится достоянием культуры об-щерусской.

Е. Л. КОНЯВСКАЯ
Рисунок В. Леонова

В последние годы в периодической печати публикуются материалы о так называемой Влесовой книге — источнике по истории славян, составленном в Восточной Европе до 880 г. н. э. О существовании в прошлом такой книги якобы свидетельствуют деревянные дощечки с письменами, найденные во время гражданской войны под Орлом.

Текст книги изобличает автора, который желал писать на древнем языке, не зная его. Соответствующие примеры приведены в статье Л. П. Жуковской и Ф. П. Филина «„Влесова книга“... Почему же не Велесова? (об одной подделке)» (Русская речь, 1980, № 4). Еще в 1959 году академик В. В. Виноградов (как отмечалось в «Неделе» — 1976, № 18) и в 1960 году Л. П. Жуковская в статье «Поддельная докириллическая рукопись (к вопросу о методе определения подделок)» (Вопросы языкознания, 1960, № 2) охарактеризовали Влесову книгу как фальсификацию. В 1977 году историк В. И. Буганов, языковед Л. П. Жуковская, историк и археолог Б. А. Рыбаков опубликовали статью «Мнимая древнейшая летопись» (Вопросы истории, 1977, № 6). В этой работе повторялись прежние выводы лингвистической экспертизы и отвергалась версия Влесовой книги о центральноазиатском происхождении славян, якобы бывших за 1000 лет до н. э. кочевниками. Таким образом, подлинность так называемой Влесовой книги, дающей «историю» славян между 650 г. до н. э. и 880 г. н. э., категорически

опровергается историческими, археологическими и лингвистическими данными.

Тем не менее до сих пор появляются публикации, утверждающие подлинность Влесовой книги. Последняя из них — статья Н. Дико и А. Сучкова «Расшифрована тайна бога света?» (Московские новости, 1984, № 6). В ней рассказывается о предпринятой московским физиком Л. Сотниковой расшифровке текста мифической Влесовой книги. Как отмечают Н. Дико и А. Сучков, «Л. Сотникова в основу прочтения текста древней книги положила принцип точности». Она ссылается на одно из положений «древнего знания, в котором смысл понятий непосредственно связывался со звуковым составом слова, выраженным при алфавитном письме буквами алфавита, а им издревле соответствовали определенные числа — их числовые значения» (чтобы понять это, вспомним, что, например, с IX века в славянской азбуке кириллице букве В соответствует цифра 2; букве Н — 10; в глаголице букве Б — 2, букве В — 3).

Авторы статьи пишут: «Путем суммирования числовых значений букв получались числовые значения слов, и из них делались заключения о смысле слова». Делая переход от «древних знаний» к своим собственным заключениям, Л. Сотникова предположила, «что азбуке русского языка свойственен триединый строй, т. е. каждой букве соответствует не одно число, а три числовые меры, и их сумма — их единство». С помощью предполагаемого буквенно-числового соответствия Л. Сотникова утверждает «систему смысловой взаимосвязи слов русского языка», выражением которой должна быть взаимосвязь «числовых мер» отдельных слов. Наряду с «триединым строем» русской азбуки эти «идеи» и были предложены для расшифровки Влесовой дощечки.

В единственной сохранившейся фотографии бумажной копии с дощечки Влесовой книги, по мнению Л. Сотниковой, рассказывается о том, как Джбог (т. е. Дажьд-бог), олицетворяющий «свет», «открыл благочестивому мужу Ивану строй древней русской азбуки». В одной из строк она вычитывает слова СЕ БО ЯСНА и полагает, что «это бог света, бог Ясна, бог смысла, мысли». Далее в публикации «Московских новостей» сообщается, что славяне назывались внуками Джбога, а древнее название славян — словене — связано с понятием «слово». И делается вывод: «Влесова книга — памятник русской грамоты, в котором в поэтической форме от имени Джбога, как бога света, смысла и мысли, повествуется о законе строя и гармонии, определяющем порядок букв и их числовых мер в древней русской азбуке».

По сообщению авторов публикации в «Московских новостях», Л. Сотникова пришла к расшифровке Влесовой книги и понима-

нию «порядка и гармонии» в алфавите, пачав с изучения «закономерности среди эмпирических данных, свидетельствующих о порядке и гармонии в области сначала атомов-изотопов,.. затем в планетной системе Солнца, в числах натурального ряда...»

Посмотрим, что бы это могло означать?

Электромагнитное излучение («свет») атомов вещества, действительно, прямым образом связано со строением атома, с его структурой. Но буквы — это не атомы. Они не имеют излучения, которое может свидетельствовать о «порядке и гармонии» в алфавите. Изобретение алфавита, его построение вовсе не является отражением «порядка и гармонии» в природе. Конечно, мы привыкли к тому, что буквы в русском алфавите расположены в определенной последовательности — от А до Я. Но это не закон природы, а старая традиция, восходящая к последовательности греческого алфавита. В принципе буквы можно располагать как угодно. Никакого «триединого строя», связанного с порядком букв в алфавите, в природе не существует.

Нет никаких оснований придавать буквенному обозначению чисел какой-то особый смысл. В истории письменности был период, когда числа обозначались не отдельными буквами, а словами. О какой гармонии можно говорить, если в кириллице буква фита стоит на 42-м месте, а обозначает число 9? Все это не более, чем условность. Поэтому увязывать традиционно-условное место буквы в алфавите с обозначаемым ею числом совершенно не основательно. И по существу Л. Сотникова не «расшифровала», а «истолковала» по-своему сомнительный текст, который его приверженцы называли Влесовой книгой.

На самом деле (вопреки Л. Сотниковой) нельзя вычитать в дощечке ни единого слова ни о «строе», ни о самой русской азбуке. Как и «перевод» первой дощечки Влесовой книги, опубликованный ранее (Неделя, 1976, № 18), так и совсем иное толкование ее Л. Сотниковой не имеют научной ценности. Буквенно-цифровая система смысловой взаимосвязи слов Л. Сотниковой не является объективной, а сводится к собственному толкованию.

Утверждению о том, что для понимания смысла текста необходима абсолютная точность его буквенного состава, противоречит наличие в русском языке многочисленных синонимов. Например, смысл слов *солнце* и *светило* одинаков, а буквенный и звуковой состав различен. Мало того, слово *солнце* еще в X веке писалось так — *съльньце*, а *светило* — через *ѣ* (ять), и сумма числовых значений букв, входящих в эти слова, менялась с развитием самого языка. В слове *съльньце* древний краткий гласный звук *ъ* затем изменился в *о*, а краткий гласный *ь* исчез вообще. Но ведь *солнце*

и *светило* связаны с вопросами миропонимания, в которых (как считает Л. Сотникова) нужна абсолютная точность.

Строго говоря, смысл слова точно соответствует звуковому составу только в словах звукоподражательных. Кроме того, звуки и буквы в словах могут совпадать полностью, а смысл этих слов может быть различен. Это, например, слова *сестра* (термин родства) и *Сестра* (гидроним). По этому поводу известный топонимист В. А. Никонов писал (Вопросы географии. М., 1962, сб. 58), что «название в форме Сестра не имеет ничего общего со словом „сестра“, кроме совпадения звуков, и родня ей не брат, а Истра».

Таким образом, тот «принцип точности», который Л. Сотникова положила в основу своего прочтения так называемой Влесовой книги, никак не связан с русским языком и его историей.

Следует также сказать о «благочестивом муже Иваѣе», имя которого Л. Сотникова увидела во Влесовой книге. Языческий Дажьд-бог никак не мог «общаться» с человеком по имени Иван. *Иван* — христианское имя, христианство на Руси с 988 года, а Влесова книга, по утверждению ее сторонников, составлена языческими жрецами до 880 года. К тому же в течение X—XIII веков указанное имя засвидетельствовано в форме *Юаннь Иоанн* и изменилось в разговорное *Иван* очень нескоро. «Появление» Ивана в «расшифрованном» тексте вызвано применением Л. Сотниковой «системы смысловой взаимосвязи слов» и является домыслом.

Субъективное толкование Влесовой книги никак не связано с общепринятой научной методологией. В «построениях» Л. Сотниковой нет ничего нового. Ее предпосылки напоминают античное учение о «гармонии сфер», которое служило «доказательством» сокровенной числовой природы мира: пифагорейцы считали всю Вселенную «гармонией и числом». Упомянув имя бога света Дажьд-бога (который «открыл» азбуку «Ивану»), Л. Сотникова указывает на свет как на гармонизирующее начало в природе, отождествляя его с просвещением, разумом. Здесь она вплотную подходит к так называемой «метафизике света», к характерному для античной и средневековой философии комплексу представлений о свете, как субстанции всего сущего, как принципе познания. Но «метафизика света» и «гармония сфер» изжили себя и стали только достоянием истории науки уже с начала XVII века.

Статья в газете «Московские новости» сенсационно сообщает, что «с помощью древней русской азбуки, обнаруженной на стене Софийского собора в Киеве, произведена расшифровка текста доски древнерусской книги — Влесовой книги». Эта азбука — вариант славянской кириллицы; а по утверждению сторонников подлинности Влесовой книги — она докириллическая рукопись, написанная «греческо-готскими» буквами (Неделя, 1976, № 18).

Влесова книга — не памятник русской грамоты, а фальсификация, что видно из нее самой.

Например, Влесова книга упоминает о Рюрике, Аскольде, Дире (IX в. н. э.). Вместе с тем Влесова книга помнит о «праотце» славян Богумире и его жене Славуне, живших якобы в конце II тысячелетия до н. э. Их дети: дочери Древа, Скрева, Полева и сыновья Сева и Рус были родоначальниками восточнославянских племен — древлян, кривичей, полян, северян, русов. Это сообщение Влесовой книги настолько противоречиво, что содержит элементы самоопровержения.

1. Влесова книга сообщает, что часть восточнославянских племен происходит от дочерей, часть от сыновей. Но если племя происходит от женщины, то это указывает на признак матриархата в племенных отношениях. Если от мужчины — то на признак патриархата. Книга же смешивает воедино патриархат с матриархатом, хотя в истории родственных племен одному и тому же периоду мог соответствовать или матриархат, или (после него) патриархат, но не оба одновременно.

2. Следуя собственной логике, Влесова книга должна была бы указать еще на многих детей «праотца» Богумира, так как славянских племен много. Если даже ограничиться восточнославянскими племенами, то должны были быть: Дулеба (или Дулеб) — родоначальница (родоначальник) дулебов, Дрега или Дрег — родоначальница (родоначальник) дреговичей и т. д. Но о них во Влесовой книге ничего не говорится.

3. Поляне — это жители поля, древляне — лесов (ср.: дерево, древо). В «Повести временных лет» летописец Нестор говорит: «полянами прозвались потому, что сидели в поле», «древлянами, потому, что сели в лесах». Таким образом, название *поляне*, *древляне*, *дреговичи* (ср. белорус. *дрегва* — болото) географические, они не связаны с мифическими детьми Богумира. По Лаврентьевской летописи, племя северян являлось частью кривичей и поэтому «не нуждалось» в особом родоначальнике Севе.

4. Среди славянства имена Древа, Скрева, Полева, Сева, Рус не известны и выдуманы самим фальсификатором.

5. Согласно Влесовой книге, основатели Киева Кий, Щек и Хорив не три родных брата, а вожди братских племен: русов, чехов, хорватов, что противоречит «Повести временных лет», называющей их братьями. У Нестора сказано: «И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек, и третий — Хорив, а сестра их Лыбедь».

6. Влесова книга не согласуется с опубликованной Богухвалом в XVIII веке легендой XIII века о происхождении чехов, поляков, русских от братьев Чеха, Леха, Руса — сыновей Пана

(см.: Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М., 1973). Но не может же Рус быть братом Чеха, Леха и сыном Пана (в одной легенде) и одновременно братом Севы и сыном Богумира (в другой «легенде»). Но это не все.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» (СПб., 1816, т. I) привел «сказку» о том, что родоначальниками славяно-русов были праправнуки библейского Иафета — Словен и Рус, сыновья Скифа (другие сыновья Скифа — Болгар, Коман, Истер). Словен основал город Словенск (на территории современного Новгорода), Рус — город Русу. Произошло это якобы в 3100-х годах от «сотворения мира» (за 2400 лет до н. э.).

Как видим, у Руса появился еще один отец — Скиф и фантастические братья — Болгар и пр. При этом время жизни Руса отнесено к 2400 г. до н. э.

«И многие верили сим нелепостям!» — восклицает Н. М. Карамзин, отвергая вымысел и относя его к XVII веку. Таким образом, Влесова книга противоречит даже давно известным легендам и сказкам. Конечно, противоречие со сказкой не есть доказательство. Однако становится ясным, что нелепый вымысел Влесовой книги сродни нелепому вымыслу XVII века, развенчанному Н. М. Карамзиным.

Следовательно, ничем не доказано существование человека по имени Рус, якобы основателя племени русов. Сообщение Влесовой книги о существовании славянского племени русь еще в I тысячелетии до н. э. вызывает сомнение. В современной науке в период до второй половины I тысячелетия н. э. «...гипотетичной представляется мысль об особом славянском племени русь... Летопись нигде не говорит о таком племени...» (Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970).

7. Во Влесовой книге встречаются слова, вошедшие в употребление после 880 г. н. э., то есть уже после предельной даты «написания» книги. Это относится, например, к слову *руга*, имеющему в данном случае значение «жалованье, довольствие». По тексту Влесовой книги: «ругу особую дают нищу и питье» (см.: Техника — молодежи, 1979, № 12). В то же время известно, что слово *руга* заимствовано из среднегреческого языка (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка) и вошло в употребление на Руси после принятия христианства (988 год), так как его применение связано с церковной деятельностью (Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова).

8. Из графики дощечки, «воспроизведенной» в современном русском алфавите, следует имя «праотца» славян — Богумир. Оно подобно имени Владимир. Но современному Владимиру соответствуют древнерусские Володимеръ, Володимѣрь. *Мѣрь* родственно

готскому *mīrs* — «великий». Вторая часть имени — *мир* появилась вместо *mьръ* под влиянием *мир* «вселенная, спокойствие, тишина» (Преображенский А. Этимологический словарь русского языка; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). Таким образом, на основании этой аналогии следовало бы ожидать *Богумир*, а не *Богумир*. Форма *Богумир* — новообразование. Ее применение также доказывает фальсификацию.

Список несоответствий, опровергающий древнее происхождение Влесовой книги, можно было бы продолжить. По-видимому, Влесова книга была написана не ранее XIX в. — после опубликования памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (в 1800 году) и первого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (в 1816 году). Ведь текст изложенной Н. М. Карамзиным «нелепой сказки» между прочим сообщает: «Во времена Александра Македонского управляли Словенами и Русами князья», которым Александр дал свою жалованную царскую грамоту. «Словено-Русские князья... повесили оную в своем капище с правой стороны идола Велеса...». Упоминание о древних славяно-русах и идоле Велесе и могло «вдохновить» фальсификатора на написание дощечки, в которой упоминается имя Велеса.

Поводом же для создания книги на дощечках могло послужить следующее место из «Слова о полку Игореве»: «Бояи бо вещей аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу...» И так, «мыслию по древу»! Стронники подлинности Влесовой книги В. Скурлатов и Н. Николаев так прямо и заявляют в статье «Таинственная летопись»: «...в это выражение вкладывается, видимо, прямой смысл — изложение мысли письмена на дощечке» (Неделя, 1976, № 18).

Но известные толкователи «Слова» (Е. Барсов, А. Югов) давно уже пришли к выводу, что это место первоначально читалось так: «Боян... растекашется мыслию *мысию* (т. е. белкою) по древу...», причем слово *мысию* при переписках текста выпало. Выпало потому, что *мысь* вышло из широкого употребления. А выражение *мыслию мысию* показалось переписчикам повторением одного и того же слова (См.: Слово о полку Игореве. М., 1975, пояснения к переводу А. Югова). Таким образом, слова *растекашется мыслию мысию* (т. е. белкою) *по древу* не дают повода предполагать существование письма на дощечках. Фальсификатор же написал потому, что имел неправильный, испорченный переписчиками текст. К тому же, что касается Бояна, то он не писал, а пел.

Следует также отметить, что в древней Руси на дощечках не писали, деревянные книги здесь не известны. Единственный древесный материал, использовавшийся на Руси для письма, — береста.

Ничего этого фальсификатор не знал и тем самым выдал себя. Остается сказать, что в первой половине XIX века действительно жил человек, занимавшийся подделками древнерусских рукописей и, следовательно, способный изготовить так называемую Влесову книгу. Его имя известно в истории подделок (см.: Русская речь, 1980, № 4, ук. ст. Л. П. Жуковской и Ф. П. Филина).

Итак, многочисленные факты указывают на то, что так называемая Влесова книга — фальсификация.

В. Н. МИРОТВОРЦЕВ

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В каком случае следует употреблять слово *фортепиано* и в каком *фортепьяно*?»

М. А. Сотникова, Ленинград

Вариант *фортепиано* является книжной формой, а *фортепьяно* — нейтральной, употребляемой в любом стиле речи.

■
«Как правильно сказать: *садить* или *сажать* цветы?»

Л. И. Куприянов, Ставрополь

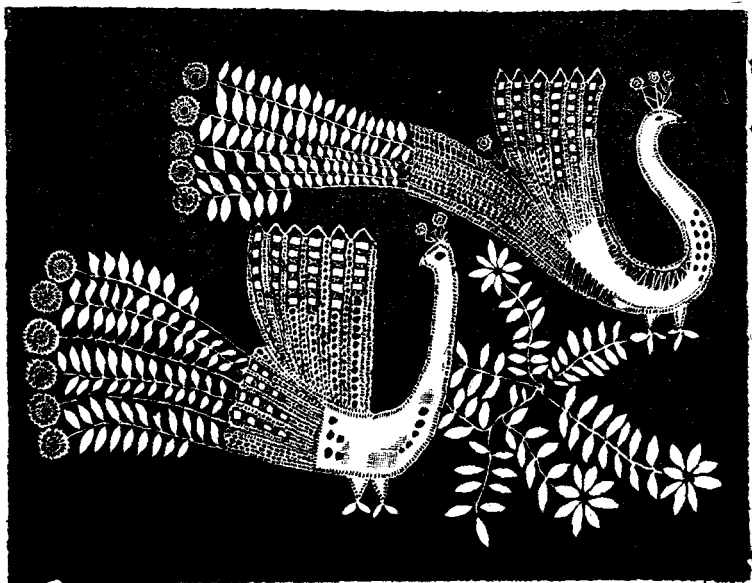
Многозначному стилистически нейтральному глаголу *сажать* (цветы, птиц в клетки, гостей за стол) синонимичен в большинстве значений просторечный (в форме несовершенного вида) глагол *садить*. Употребление этого глагола может быть оправданно в художественной литературе, в печати — лишь при особых художественных задачах: создании речевой характеристики героя, стилизации речи и т. д.

Вне таких условий употребление просторечного слова *садить* вместо *сажать* недопустимо.

■
«Что означает слово *кляссер*?»

И. К. Бабулин, Минск

В русский язык это слово пришло из латинского — [classis — разряд, класс]. Обозначает оно альбом специального изготовления, с карманчиками для хранения марок. Например: «И через некоторое время лучшие марки оказываются в кляссерах — книжечках типа бумажника»... (Веч. Ленинград, 16 авг. 1966).

НАРЕЧИЕ

Судьба русских грамматических терминов складывалась поразному. Одни, просуществовав некоторое время, вовсе исчезали со страниц грамматических сочинений или заменялись другими. Так, сейчас совершенно забыт созданный Мелетием Смотрицким термин *причастодетие*; *делательный залог* (грамматика Лаврентия Зизания, XVI в.) именуется теперь *действительным*, а *строптивные глаголы* («Адельфотис», грамматика XVI в.) — *неправильными*. Некоторые термины приобретали современный облик, постепенно изменяя свою словообразовательную структуру. Например, термин *местоимение* первоначально возник в форме *место имени* (XIV в.), затем был переделан на *местоимя* (XVI в.) и лишь в грамматике Мелетия Смотрицкого появился в знакомой нам форме *местоимение*.

Существуют, однако, и такие термины, которые, возникнув много столетий назад, не претерпели никаких внешних изменений и во многом сохранили тот первоначальный смысл, который был вложен в них грамматистами прошлого. Таков термин *наречие*.

Значение его известно всем еще из курса школьной грамматики: наречие — это неизменяемая часть речи, называющая признак действия или признак качества. А вот форма термина *наречие* давно уже потеряла свою этимологическую «прозрачность»: несмотря на то, что это слово состоит из непосредственно понятных русских морфем, с точки зрения современного русского языка остается неясным, почему этот разряд слов получил именно такое название.

Обратимся к истории лингвистики и лингвистической терминологии и напомним, что русская языковедческая традиция тесным образом связана с античной грамматикой. Основные грамматические термины возникли как слепки (кальки) с греческих или латинских: славянский переводчик как бы разделял слово чужого языка на части и к каждой части подбирал соответствие на родном языке (такой перевод называется поморфемным). Знакомые всем термины *существительное*, *подлежащее*, *предлог*, *местоимение* — кальки соответствующих терминов античной грамматики.

Наречие — тоже калька. В античной грамматике данный термин имеет свою историю. По свидетельствам самих греков, наречие как особую часть речи впервые выделил грамматист II века до н. э. Антипатр Тарсский, обозначив словом *mesotês*, что значит «середина». Такое название наречие получило, очевидно, потому, что находится как бы между именем и глаголом: по своей синтаксической функции наречие ближе к глаголу, а с морфологической стороны ближе к имени (История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980).

Иное толкование эта часть речи получила у известного александрийского грамматика Дионисия Фракийского: «Наречие — это несклоняемая часть речи, которая характеризует глагол или добавляет что-либо к нему». Новое понимание основных функций наречия повлекло за собой изменение термина: наречие у Дионисия Фракийского обозначено словом *epihêma* (*epi* — *за*, *posle* + *ghêma* — *глагол*, буквально то, что сопровождает глагол). И вот этот термин, составом своих морфем призванный отразить только «приглагольность» наречия (хотя в действительности функции этой части речи шире), был унаследован латинской и славянской грамматической традицией.

Римскими и славянскими грамматистами был избран одинаковый путь заимствования греческого термина — перевод по часлям. Но если в латинском наименовании этой части речи (*adverbium*) явно присутствует указание на особое отношение ее к другой части речи — глаголу (*verbum*), то для русского языка эта терминологическая связь оказалась утраченной. Она существ-

вовала лишь до тех пор, пока глагол обозначался словом *речь*. Такую терминологическую пару *рѣчь — нарѣчїе* мы находим в сочинении XIV века «О осмих частех слова». Во всех последующих грамматиках, начиная с «Адельфотиса» (1591 г.), прочно утверждается термин *глагол*, и «прозрачность» наименования *нарѣчїе* исчезает.

Говоря об устойчивости названия интересующей нас части речи, нельзя не упомянуть об одном любопытном факте. На славянской почве термин *нарѣчїе* не подвергался изменениям в тех случаях, когда воспроизводившие его сочинения восходили к греческим источникам, то есть античным и византийским грамматическим трактатам. Однако в истории отечественной лингвистики известны случаи, когда в качестве источников использовались латинские грамматические сочинения. В 1522 году Дмитрий Герасимов, известный толмач, ездивший с посольствами в Швецию, Данию, Пруссию, Вену и Рим и хорошо знавший немецкий и латинский языки, перевел латинскую грамматику Доната Элия (IV в. н. э.). В переводе Дмитрия Герасимова интересующая нас часть речи получила иное наименование — *предлог слова*. Этот составной термин будет поштен, если учесть, что в данном сочинении глагол обозначается термином *слово* (лат. *verbum* означает и глагол, и слово). Первая часть этого термина — *предлог* — признана, по-видимому, передать значение латинской приставки *ad-* в термине *adverbium*, то есть значение близости к чему-либо, в данном случае — к глаголу, или, по терминологии Герасимова, *слову*. При помощи такого составного наименования автор этой грамматики попытался передать внутреннюю форму переводимого им латинского термина.

«Донат» Дмитрия Герасимова — единственное из грамматических сочинений XVI—XVII веков, где наречие имеет другое наименование. И в упомянутом уже «Адельфотисе» — «елинославенской» грамматике 1591 года, и в сочинениях Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого мы встречаем знакомый нам термин. И это несмотря на то, что из текстов грамматик исчез термин *речь*, уступив (в этом значении) место термину *глагол*.

Попытку восстановить утраченную терминологическую связь наречия (буквально приглаголия, надглаголия) и глагола мы находим уже в XVIII веке в грамматике Федора Максимова (1723 г.). Он вводит термин *надглаголие* со ссылкой на львовскую грамматику 1591 года, где сказано, что наречие «есть часть слова (т. е. часть речи) несклоняема, на глагол глаголема, или надглаголема».

О термине «надглаголие» помнили лишь в XVIII веке. В трудах отечественных лингвистов этого времени теория частей речи

получила глубокое и разностороннее освещение. Исследуя синтаксические функции наречия, А. А. Барсов отмечал, что оно может относиться не только к глаголу, но и к другим частям речи. Приведем отрывок из его «Российской грамматики» (часть «Словосочинение», т. е. синтаксис), посвященный природе наречия: «Наречия в некоторых славенских грамматиках ближе к обыкновенному знаменованию своему названы были надглаголия; поелику употребление их особливо приметно при глаголе; но известно, что они прилагаются еще не только к причастиям и деепричастиям и проч. как изменениям глагола, но также и к самим именам прилагательным, еще и к существительным, и напоследок и сами между собою одно к другому., например, *прилежно читает*, также *прилежно читающий, читавший, читанный, читая, читавши* и пр.; *подлинно честный человек, прямо герой, весьма рано, даже доныне*».

Так что этимологический смысл термина *наречие* оказался гораздо уже терминологического. Однако это обстоятельство несколько не повредило самому термину, который со временем получил более глубокое и точное определение. Также и появление в XIX веке у наречия как обозначения части речи омонима *наречие* в значении «совокупность говоров, диалект» не вызвало никаких попыток со стороны лингвистов изменить его внешний облик. Более того, даже такие «терминологические новаторы», каким был известный славист Р. Ф. Брандт, удостоивали *наречие* всяческих похвал и рекомендовали к дальнейшему использованию в сложившейся форме.

Устойчивость термина *наречие* можно отнести к языковым загадкам, разгадки которых кроются, очевидно, в особой роли терминологической традиции и предшествующего терминологического опыта.

И. В. ВАСИЛЬЕВА

НОВЫЕ КНИГИ

М. В. Горбаневский,
В. Ю. Дукельский.

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ «ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА»

Мы часто говорим о сокровищах материальной культуры, о произведениях искусства —

живом воплощении национальной истории. Но часто ли задумываемся над тем, каким кладезем историко-культурной информации служат имена рек, городов, деревень, голос какой глубокой старины они, как эхо, доносят до нас?

Топонимику (отрасль языкознания, занимающаяся изучением истории образования ча-

сти имен собственных — географических названий) иногда поэтически называют *языком земли*.

Книга М. В. Горбаневского и В. Ю. Дукельского «По городам и весям «Золотого кольца» (М., 1983) посвящена, как видно из ее заглавия, описанию географических названий центрального, одного из наиболее исторически значимых районов нашей Родины. С «Золотым кольцом» связаны славные страницы далекого и не столь далекого прошлого нашей страны.

Появление этой книги на прилавках книжных магазинов обрадовало многих читателей, будь то лингвисты, историки или просто люди, уважающие и любящие историю родного края.

Систематическое описание топонимов в книге М. В. Горбаневского и В. Ю. Дукельского проведено в соответствии с туристским маршрутом «Золотое кольцо России». Такой принцип расположения материала позволяет обращаться к ней как к конкретному и хорошо продуманному справочному пособию, учитывающему специфику объекта топонимических исследований, где важна не только этимологическая типология, но и ареальная характеристика. Вместе с тем эта книга является источником информации, позволяющим дать ответ на вопросы о том, откуда взялись и что значат те или иные названия места, реки, отдельной постройки. При этом важно, что такой ответ оказывается научным, то есть четко аргументированным, содержащим иногда несколько равноценных версий, отражающих современный этап топонимических изысканий по данному

вопросу (см. например, главы, посвященные происхождению названий *Москва, Кострома, Суздаль* и др.).

Чрезвычайно ценно и то, что сведения лингвистического и исторического характера в книге объединены в одно целое, в единый увлекательный рассказ (таковы, например, «новеллы», посвященные городам Загорску, Плесу и др.). Это позволяет на деле показать, как топонимика порой становится источником ценных в чисто историческом контексте сведений (ср. названия, связанные с балтийскими корнями — *Руза, Нара, Истра, Горетва*, а также с угро-финскими — *Икша, Колокша*).

Для широкого читателя книга является ярким и увлекательным «проводником», который сообщает ясность непонятным до того названиям, связывает имя собственное с объектом не только условно, но делает ощутимой и мотивированной «внутреннюю форму» имени, наполняет ее смыслом.

Так, авторы обращают внимание на типовые способы образования географических названий, например ойконимов (названий населенных пунктов): от имеющих уже географических названий, от названий праздников, заводов и фабрик и т. д. (река Волга — город *Волжский*, фабрика «Пролетарий» — поселок *Пролетарский*); от имен нарицательных (или апеллятивов), которые переосмысливаются как имена собственные (например, от *мыто* «место, где берут пошлину» — город *Мытищи*).

Язык земли сохранил для нас сведения о природе, быте, исторических событиях далекого прошлого: в окрестностях

Ростова, например, ряд населенных пунктов имеет такие названия — *Варицкая слобода* (место, где традиционно занимались солеварением), *Поречье-Рыбное* (известные богатые рыбные промыслы), в окрестностях Ярославля, на гербе которого изображен медведь, встречаем массу топонимов, связанных с именем этого зверя (*Медвежий угол, Медведица или Медведицкий овраг*), такое обилие однокоренных топонимов объясняется наличием в мифологии славян культа медведя.

С течением времени меняется и переосмысливается часть названий, одни уходят, другие остаются, старые названия смешиваются с новыми и служат связующей нитью между прошлым и настоящим. К топонимам нужно относиться, как к памятникам культуры — вот важный вывод, который можно сделать по прочтении книги М. В. Горбаневского и В. Ю. Дукельского.

Необдуманное и необоснованное уничтожение старых

топонимов и замена их новыми, отмеченными печатью безликости, обедняет нас как носителей национальной культуры.

Не случайно авторы книги «По городам и весям «Золотого кольца» подчеркивают воспитательное значение популяризации топонимических изысканий: «Мы глубоко уверены в том, что воспитание чувства любви и уважения к этим названиям, рассказ об их происхождении, значении, об исторических фактах, с ними связанных, может сыграть свою роль в развитии чувства патриотизма у молодого гражданина Страны Советов».

Книгу М. В. Горбаневского и В. Ю. Дукельского, рождающуюся на страницах журнала «Русская речь», можно считать одной из наиболее удачных в ряду подобных ей книг, дающих систематический очерк географических названий районов нашей Родины, представляющих значительный историко-культурный интерес.

С. Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Где правильно поставить ударение в слове *донельзя*?»

Г. Мартынов, Кисловодск

Ударение ставится на втором слоге — *донéльзя*.

■

«Где правильно поставить ударение в слове *петля*?»

О. Н. Кулябичева, Москва

В слове *петля* ставится ударение на первом слоге — *пéтля*, но допустимо и на последнем — *петлѧ*.

В предыдущей статье о регионально-групповых прозвищах (см.: А. Ф. Журавлев. Этнография в прозвищах. — «Русская речь», 1984. № 3) говорилось о том, что в них отражаются условия жизни населения тех или иных местностей, многочисленные и нередко ускользающие от внимания исследователей особенности быта,

Областные прозвища

Пестрота и богатство диалектной картины русского языка — явление слишком значительное, слишком заметное, чтобы быть обойденным вниманием самих носителей языка. На Брянщине говорят совсем не так, как на берегах Белого моря, а под Рязанью — иначе, чем на Валдае, и это прекрасно известно самим жителям этих мест. Но различия между говорами Брянщины и беломорского побережья настолько велики, что не только бросаются «в уши», но могут иной раз привести жителей этих мест к взаимному непониманию. Слышать такие различия — дело нехитрое. Однако всякий, кому доводилось бывать в диалектологических и фольклорных экспедициях, да и попросту много ездить и разговаривать с жителями сельских районов в различных в диалектном отношении местностях, хорошо знает, что они чрезвычайно чутки даже к мельчайшим отличиям от их речи в говоре жителей соседних деревень, хотя уху не слишком искушенного диалектолога-собираателя эти два говора могут казаться совершенно идентичными.

Само собой разумеется, что такой удобный повод для насмешек, как диалектные особенности речи жителей определенных мест, не может быть упущен острословами. Широко известны многочисленные дразнилки, высмеивающие диалектные манеры, характерные для тех или иных территорий: *В Рязани грибы с глазами — их ядять, они глядят*; *Вячки (вятские) — робята хвачьки: семеро одново не боячья, а один на один, так и котомочки отдадим*; *Ли-кэ, зайчи-те на рёлки, как толкунчи толкучья* («Гляди-

хозяйствования, духовной культуры, этнической психологии и что, таким образом, подобные прозвища — «микроэтнонимы» могут служить своеобразным источником сведений по этнографии и определенным подспорьем для этнографа в установлении состава и границ локальных этнических групп русского населения. Думается, что известный интерес

регионально-групповые прозвища могут представить и для лингвиста, в особенности для специалиста по диалектологии русского языка. В прозвищах — «микроэтнонимах» содержится немало информации о языковом самосознании жителей различных территорий, и нужно научиться эту информацию извлекать и должным образом использовать.

ко, зайцы-то на опушке как комары толкутся», — так дразнят жителей Котельничского р-на Кировской обл.); *Шамá шамáрка* (т. е. «самарка», жительница Самары) — *шарафáн ш обóркóй* (так дразнят сызранцев)... Народные «наблюдения» над диалектными различиями кристаллизуются, в конечном счете, в прозвищах: «словарь» русских неофициальных микроэтнонимов изобилует «обываниями», намекающими на отличительные черты говоров.

В подобных «металингвистических» регионально-групповых прозвищах отражаются диалектные явления, относящиеся прежде всего к фонетике и лексике, несколько реже — к другим языковым уровням.

Во многих русских говорах известно фонетическое явление, называемое цоканьем; оно представляет собою неразличение звуков *ц* и *ч*. По этой черте жители Мещерской стороны, к северу от Оки, в бывшей Рязанской губернии, получили насмешливое название *цóбки*, жители села Скрипино Владимирской области — *цырепóшки*, а жители бывшего Себежского уезда Витебской губернии (сейчас — в Псковской области) — *цвикуны́*. «Цокальщики» называют в некоторых местах также *цукáнами* (этим же прозвищем определяют и часть населения бывших Орловской, Курской, Воронежской и Саратовской губерний, которой свойственны замены *с* на *ц* в некоторых фонетических позициях).

Цоканье можно рассматривать как частный случай неразличения (и взаимных замен) шипящих и свистящих вообще. Говору саянов, жителей бывшего Курского, Фатежского, Львовского

уездов Курской губернии, свойственны подобные замены: *жа ним* (за ним), *шарока* (сорока), *доззык* (дожжик, дождик) и т. п. Предполагают, что свое прозвище *сайны* получили именно по этой черте. Впрочем, крупнейший этимолог-русист М. Фасмер оспаривал это мнение, полагая, что прозвищем они обязаны своей одежде, *сайну* — особого покроя сарафану, и ссылаясь на то, что *сайны* с и ц, в отличие от цуканов, различают.

Части русских говоров свойственно дзеканье — произношение мягкого *д* (например, в слове *дядя*) со свистящим призвуком (*дзядзя*). За эту особенность говора жителей некоторых деревень в бывшем Ардатовском уезде Нижегородской губернии дразнят *дзёканами*.

Для говора села Лазарево Владимирской области характерно *рырыканье* — особое произношение звука *р*. Соседи зовут их за это *лазарскими ерушками* (ср. в словаре В. И. Даля глагол *ерыкать* — «картавить на букву р»).

Жителей Вятки (теперь г. Киров) дразнили *ошшóками* по особому произношению пми частицы *еще*. Жители города Сарапула называли вятчан *щёкалами*, так как те слово *что* произносят как *щё*. Та же особенность в произношении местоимения *что* отличает и воронежцев, за что им дали насмешливое прозвище *щекунь*.

*

Во многих говорах русского языка отмечено явление, называемое в русской диалектологии прогрессивным ассимилятивным смягчением задненебных согласных. Состоит оно в том, что под влиянием предшествующего мягкого согласного задненебные звуки *к, г, х* также приобретают мягкость в своей артикуляции: *Вáнькя, Ольгя, навёрхъó* и т. п. Жителей села Бутурлино Юхновского уезда Смоленской губернии (сейчас — в Калужской обл.) за свойственное их говору подобное смягчение звука *к* прозвали *курльками*. Примечательно, что Юхновский уезд (район) находится на самой окраине большой юго-восточной русской диалектной зоны, в которой распространено явление ассимилятивного прогрессивного смягчения задненебных. Прозвище *курльки* дано бутурлинцам, без сомнения, их соседями, живущими севернее и западнее указанных мест и не знающими в своей речи такого «курлыкканья».

С фонетикой тесно связаны некоторые явления в области морфологии. Для литературного языка и легших в его основу московских говоров характерно произношение звука *в* в формах родительного падежа местоимений *он, кто, что* (т. е. *ево, ково,*

чево) и в окончаниях прилагательных (*длинново* и *под.*). Некоторые же русские диалекты сохраняют более старое, отраженное в письме, произношение в этих позициях звука *g* (в южнорусском наречии — фрикативного звука *ɣ* или *h*, характерного также для украинского и белорусского языков). Жителей бывших Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской губерний, а также белорусов, которые говорят *яго* вместо *его* (*ево*), дразнили *ягунáми*. Так же называют жителей Кочубеевщины — местности в Горьковской области, среди которых, как предполагают, были переселенцы из Белоруссии. Жителей Щучанского р-на Курганской области по той же причине называют *игольниками*. Воронежцы, курыане, орловцы, сохраняющие *g* (*ɣ*) в местоименной форме *кого*, носят прозвища *когáи*, *когóки*, *когóкалы*, *когуáки*, *когунь* и др. Воронежцев дразнят также *чагóками*, *чигóками* (по произношению *чего*), а донских казаков — собирательным прозвищем *чигá*.

В речи старочеркасских казаков часто встречаются формы глагола *быть*, отличающиеся от литературных и напоминающие соответствующие украинские глагольные формы: *бул*, *були*. Этой особенности они обязаны своим прозвищем *булочники*.

В говоре жителей села Осинки Владимирской области отмечается особая глагольная конструкция с формой *бый*: *Я бый тебя севодня не видел*. Исследовательница этого говора В. И. Тагунова пишет: «Сочетание типа „бый видел“ напоминает остатки старого „давнопрошедшего“ времени (*жил-был*), где в форме *был* на месте конечного согласного *л* звучит неслоговой звук *й*». Жителей Осинок ввиду этой яркой морфолого-синтаксической особенности их диалекта называют *быи*.

Своеобразие лексики тех или иных говоров также нередко, как было сказано, получает отражение в регионально-групповых прозвищах. Южных великорусов, особенно калужан, дразнят *ажóками* — за частое употребление слова *áжно* — «аж, даже». Тульские переселенцы в бывший Белебейский уезд Уфимской губернии от местных старообрядцев получили прозвище *надьáзы* — за употребление наречия *надьáсь* — «недавно» (*надьáсь* — из местоименного наречия *оногдъ* с частицей *си* или *се*). Жители Вятки (Жирова), сибирские переселенцы в Бузулукском уезде Самарской губернии, переселенцы из Троицкого уезда Оренбургской губернии, жители отдельных селений Октябрьского района Челябинской области (потомки выходцев из Самарской губ.) и другие были известны под прозвищем *колдъáккй* — от заметного в их речи местоимения *колдъ* — «когда». За частое употребление частицы *же* жители некоторых сел в Дмитриевском уезде Курской губернии назывались *жéки*, а крестьяне-однодворцы в Льговском уезде той же губернии — *жéкалы*. В том же Дмитриевском уезде

в говорах некоторых селений частица *же* звучит как *зе* (ср. упоминавшееся неразличение шипящих и свистящих согласных), а жителей этих селений, в речи которых она часто встречается, насмешливо дразнят *зекунами*. Жители сел Черниченка и Ляхи во Владимирской области известны в округе под прозвищем *бáты*, которое получили за пристрастие к вводному слову *бат* (от *бáять* — «говорить»): «Он, бат, придет скоро». Своей любовью к тому же вводному словечку жители Бакальских рудников Саткинского района Челябинской области заслужили прозвище *баты*.

Нетрудно заметить, что в «металингвистических» регионально-групповых прозвищах отражаются, как правило, слова, относящиеся к весьма определенным грамматическим классам: частицы, местоимения, местоименные наречия, вводные слова, обращения и т. п., то есть занимающие явно периферийное положение в лексической системе языка или диалекта как слова неполнозначные, служебные. На это как будто бы можно возразить, что в прозвищах — «микроразноимях» отражается и полнозначная лексика, и сослаться на приведенные в предыдущей нашей статье прозвища типа *канёжники*, *рокана*, *качемазники*, и под. Однако следует отметить, что прозвища типа *качемазники* или *айрянчики* отталкиваются прежде всего от этнографических особенностей, не имеющих аналогов среди реалий, характерных для других мест. Упор в них делается в первую очередь на материально-культурное явление, а уж попутно привлекается и его словесное обозначение. А в «металингвистических» прозвищах мы наблюдаем отталкивание исключительно от языкового явления, и при этом такого, которое имеет полные смысловые и структурные соответствия в иных диалектных системах. Такими явлениями в первую очередь могут быть слова, относящиеся к периферийной, служебной лексике.

*

Чем же интересны для исследователя регионально-групповые прозвища, отражающие специфические диалектные черты? Здесь можно указать по меньшей мере на два важных момента. Во-первых, диалекты русского языка, в особенности в настоящее время, испытывают сильную нивелировку, многие диалектные признаки исчезают, стираются. Но даже если какое-либо диалектное явление и не исчезает, границы его распространения со временем могут изменяться, иной раз значительно. Сохраненные в памяти населения каких-либо мест или в записях собирателей прозвища, указывающие на лингвистические особенности говора, служат тем самым истории, могут быть одним из источников, пусть по

самым существенным, для реконструкции прошлых состояний языка. Во-вторых, при разработке вопроса о классификации говоров и диалектном членении языка исследователь-диалектолог может столкнуться с трудной проблемой выбора конкретных диалектных черт, на базе которых будет строиться его классификация. Каким признакам отдать предпочтение, какие черты являются более важными, а какие — менее значимыми? Некоторой подсказкой в поисках ответа на этот вопрос могут иной раз, по-видимому, оказаться и диалектологические «наблюдения» самих носителей народных говоров, отраженные в регионально-групповых прозвищах.

Иногда, как видим, и такой забавный, на первый взгляд пустяковый языковой материал, как неофициальные прозвища и дразнилки, может представлять достаточно серьезный объект для изучения, заслуживающий внимания специалиста.

А. Ф. ЖУРАВЛЕВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно говорить: *кура* или *курица*, *кур* или *куриц*?»

М. Н. Алешин, Ростов

В современной русской разговорной речи наблюдаются случаи употребления слова *кура* вместо *курица*, особенно часто в профессиональном просторечии торговых работников. Возможно, что подобное употребление развилось под влиянием южнорусского (и украинского) словоупотребления, где существует слово *кура* в значении «курица». Может быть, сыграло свою роль также и давление форм множественного числа, в которых отсутствует суффикс *-иц-* (*кур*, *курам*, *курами*, *курах*). В литературной речи употребление слова *кура* вместо *курица* недопустимо. Правильно говорить: «Взвесьте мне, пожалуйста, вон ту *курицу*». Нельзя также употреблять во множественном числе формы с суффиксом *-иц-* (*курицы*, *курицам*, *куриц*). Правильно сказать: *куры*, *курам*, *кур* и т. д.

«В газете „Труд“ (31 марта, 1984) прочитала интересную статью, посвященную бескорыстию, доброте, отзывчивости советских людей. Она называлась „Спешите делать добро“. Чувствуется, что это не совсем простое название. Откуда эти слова?» — спрашивает москвичка Л. А. Кондратова.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к одному полузабытому эпизоду культурной истории Москвы. Без малого полвека трудился в Москве удивительный врач Федор Петрович Гааз (1780—1853), уж очень отличавшийся от своих собратьев по профессии. Влияние и связи он употреблял на то, чтобы вдвое уменьшить вес кандалных цепей русских арестантов, а жалование в гонорары тратил на лечение бедняков, лекарства, расширение больницы, различные пособия для арестантов и их семей. Именно за эту черту, его человечность современники называли Гааза святым доктором. Гааз умер фактически нищим. Его гроб 20-тысячная процессия москвичей на руках пронесла от дома до Введенского кладбища. В последнее время затронул забытые факты биографии замечательного москвича доктора Гааза Булат Окуджава («У Гааза нет отказа» — Наука и жизнь, 1980, № 12).

В энциклопедии «Москва» (М., 1980) читаем: «В 1909 во дворе бывшей „Гаазовской больницы“ (в прошлом Казенный переулок,

ныне Мечникова переулок, 5.— М. М.) установлен бюст Гааза, переданный скульптором Н. А. Андреевым в дар Москве; на пьедестале девиз Гааза — „Спешите делать добро“».

Под девизом человека принято понимать некий принцип, им открыто, убежденно и с примерным постоянством провозглашаемый. Но в творении добра Гааз не провозглашал девизов, предпочитая неизвестность, он был очень скромн.

Истинно ли Гаазу принадлежат слова «Спешите делать добро»? Откуда эти сведения? Источником называют седьмую главу по-смертно изданной брошюры Гааза «Призыв к женщинам», где как будто имеется это изречение. Так утверждают авторы последней биографии Гааза (А. Hamm, G. Teschke. Ein deutscher Arzt als «Heiliger» in Moskau. Berlin — Bonn, 1983). В действительности все обстоит не совсем так.

Первое русское издание брошюры вышло в Москве и имеет цензурное разрешение 6 июня 1897 г. На титульном листе обозначено, что это «перевод с французского Л. П. Никифорова», а первая страница отведена весьма необычному предисловию:

«Оригинал прилагаемой книжки представляет библиографическую редкость, и я мог достать его только благодаря любезности А. Ф. Кони, которому и приношу мою глубокую благодарность. Переводчик».

Здесь все правильно: этой книги не имеют Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, Научная библиотека Московского государственного университета, сеть академических библиотек Москвы, Историческая библиотека Москвы, парижская Национальная библиотека, Британский музей, библиотека Конгресса США. Но в настольном руководстве наших библиографов, «Справочном словаре о русских писателях и ученых» Г. Геннади, книга Гааза значится: *Appel aux femmes. Moscou, 1864. 8°*.

Разве это не увлекательная задача для самых искусных из московских библиофилов — найти московскую книгу, которая вряд ли уничтожена до последнего экземпляра, и передать ее в собственность нашей главной государственной библиотеки — библиотеки имени В. И. Ленина!

Что же касается русского перевода Л. П. Никифорова, то в нем интересующая нас фраза построена совсем не так, как мы бы ожидали, здесь это не прямая речь, не нравственный императив, а спокойное, констатирующее повествование о тех, кто живет как должно: «Они никогда не будут откладывать на завтра то, что могут сделать сегодня. Они будут торопиться делать добро». Разница, как видим, существенная. Как же это могло получиться?

Когда по почину А. Ф. Кони в 1890-х годах русская интеллигенция заговорила о забытом Гаазе и его жизненном подвиге, пуб-

лидисты и ораторы оперировали фактическим материалом так, как это диктовалось контекстом и синтаксисом их собственных выступлений. Это вполне естественно и неизбежно. Когда художник слова создает произведение об исторической личности, он вкладывает в ее уста прямую речь в том виде, в каком это нужно ему, писателю, и законы художественной правды этим не нарушаются. Каждому понятно, что из неопровержимо документированных слов исторической личности ее правдивый образ с помощью клея и ножниц не построить, нужен домысел — осторожный, тщательно стилизованный, не выходящий за пределы того, что, по мнению автора, «мог бы» сказать в данной ситуации его герой. Между автором и согласными с ним читателями существует молчаливая договоренность о том, что слова его персонажа — «истинны», но на включение в собрание творений этого персонажа претендовать не могут и от его имени цитироваться не должны.

Обычно эту договоренность соблюдают, но в случае с Гаазом ее забыли. Изречение *Спешите делать добро*, принадлежащее, видимо, публицистам, утвердилось как собственные слова Гааза, затем был сделан их обратный перевод на французский язык: «*Hâtez-vous de faire le bien!*» (M. Reader. *Un surhomme moscovite*. Lausanne, 1923), а поскольку родным языком Гааза был немецкий (Гааз был выходцем из Германии), то появилось и *Beeilt euch, das Gute zu tun*, даже с объяснением, что это навеяно Новым заветом: *Bonum autem facientes non deficiamus* «Делая добро, да не унываем» (Послание к Галатам), хотя такое филологическое объяснение, предложенное авторами упоминавшейся выше биографии Гааза, является большой натяжкой.

*

Но воздадим должное безвестному автору изречения, начертанного на памятнике Гаазу. Слова эти истинны и прекрасны. Чем старше становишься, тем обостреннее понимаешь, что спешить делать добро надо. А то ведь можно и опоздать: надеявшихся на тебя уже нет, ты — один.

М. Ф. МУРЬЯНОВ

Рисунок В. Комарова

Окончание. Начало в № 4, 1984

При разделе пахотной земли, сенокосных угодий использовалась мера *кол*. Название связано с тем, что раздел земли и покосов производился колом определенной длины. В большинстве областей эта единица измерения была равна двум саженим. Но в некоторых говорах (например, в тверских) *колом* называли меру земли, близкую к сажени.

В современном русском литературном языке существует поговорка *Ни кола ни двора* в значении «совсем ничего нет (о крайней бедности кого-либо)», например: «— ...У нас с тобой, Артем, ни кола, ни двора, горб да рука, как говорится, вековая пролетария...» (Островский. Как закалялась сталь).

Слово *кол* в составе этой поговорки — лингвистическая загадка, окончательно не решенная до сих пор. В XIX веке наиболее распространенной была точка зрения, согласно которой слово *кол* означало здесь «полоса пахотной земли шириной в две сажени». И, следовательно, первоначальный смысл поговорки был такой: «пи клочка земли, ни двора». Эту этимологию принимают и современные языковеды (см., например, Шанский Н. М. В мире слов. М., 1974). Но В. М. Мокшенок предложил новое объяснение: слово *кол* в составе фразеологизма *Ни кола ни двора* следует понимать в прямом значении «кол для постройки забора»: «Не иметь ни кола для постройки забора, ни двора в крестьянском хозяйстве значило не иметь никаких средств к существованию» (см.: Мокшенок В. М. Ни кола ни двора.— Русская речь, 1976, № 2). Автор на материале

восточнославянских языков и русских говоров весьма убедительно обосновывает свою точку зрения.

Совершенно справедливо замечание В. М. Мокиенко о том, что *кол* во многих фразеологизмах выступает символом бедности и нищеты. Следует добавить, что дальнейшее развитие этого символа связано с расширением его значения: слово *кол* формирует устойчивые словосочетания со значением крайнего предела чего-либо. Словарь русского языка XI—XVII вв. приводит фразеологизмы *И кола нет (не было)* в значении «ничего нет (не было)» и *до кола* в значении «дотла», например: «Та пустошь была пуста вся и кола на ней не было»; «Бысть в Пскове пожар лют.. и погоре всего града Застенья и до кола».

С XVII века официальной мерой в Московском государстве стала сажень, равная трем аршинам и узаконенная Уложением 1649 г.: «сажень, чем мерить земля, или иное что, делать в три аршина, а больше или меньше трех аршин сажени не делать». Эту официальную сажень называли также *указной, царской, государевой, печатной*.

При строительстве городов, укреплений использовали сажень *городовую* и *мостовую*. Земельные владения измерялись *земляной, писцовой* и *таможенной* саженьями.

В народной метрологии использовалась так называемая *косая сажень*, равная расстоянию от носка левой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки. Эта мера дала жизнь поговорке *Косая сажень в плечах* и ее варианту *Плечи — косая сажень* в значении «очень широкоплечий, могучего сложения человек», например: «Рассуждения о климате и переутомлении дюжего, косая сажень в плечах, парня показались Ване неубедительными» (Мильчаков. Таких шадить нельзя); «Сын ли мой не был удал?.. Росту большого, рука что железная, Плечи — косая сажень; Умер, Касьяновна, умер, болезная, — Вот уж тринадцатый день!» (Некрасов. В деревне). В значении «очень высокого роста» употребляется фразеологизм *роста (ростом) в косую сажень*: «...при самом въезде в околицу встретил нас староста (сын бурмистра), дюжий и рыжий мужик в косую сажень ростом...» (Тургенев. Бурмистр).

Сажень как мера длины противопоставляется в поговорках пяди, пядени, чему способствует рифмующаяся форма этих названий: *Ты от жены на пядень, а я уж она на сажень*. Интересна народная загадка: *Попутру с сажень, в полдень с пядень, а к вечеру через поле хватает (тень)*.

Самая крупная старорусская мера длины — верста. Ею измеряли не предметы, а путь, дорогу. Отсюда и ее название — *путьевая мера*.

Противопоставление большой меры — *версты* и малой — *вершка*, а также области применения этих мер отмечены в поговорке *Дорога меряется верстами, а бархат вершками*.

Версту использовали в поговорках о больших отрезках пути: *Семь верст киселя хлебать; Семь верст не околица*. Слово *верста* входит в состав шутливой поговорки *Семь верст до небес, и всё лесом*.

По происхождению слово *верста* связано с глаголом *вертеть* и первоначально означало «оборот плуга», а затем «длина борозды, которую пахарь проходит без остановки в одну сторону до поворота».

Эта мера была неопределенной и непостоянной. Так, в разное время использовались версты в 500, 700, 1000 саженей. С XVIII века наибольшее применение получает верста в 500 саженей, то есть в 1066 метров.

Слово *верста* употребляется также в переносном значении «верстовой столб». Помните у А. С. Пушкина?

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Зимняя дорога

Столбы эти, понятно, стояли на дороге не густо, что подтверждает поговорка *Один, как верста придорожная*.

Слово *верста* в значении «верстовой столб» использовано в поговорках, отмеченных в новгородских и ярославских говорах: *Верстой стоять* в значении «стоять на ногах» и *На версту поставить*, что значит «поставить на ноги».

В значении «разбивать дорогу на версты» употреблялся глагол *верстать*, приобретший позднее переносное значение «равнять, сравнивать, ставить в один ряд». В. И. Даль приводит такие примеры: «Нельзя верстать бедного с богатым», «Не верстайте (т. е. не равняйте) вашего быта с нашим».

Если глагол *верстать* обязан жизнью слову *верста* в значении меры длины, то он, в свою очередь, дал жизнь слову *верста*, но уже в другом смысле: «ровня, пара кому-либо». В. И. Даль в Толковом словаре иллюстрирует это значение таким примером: «*Я тебе не верста дался, не ровня*». Это слово известно также в сочетаниях *не в версту, под версту* в значении «не под стать». Словарь русских народных говоров приводит такие примеры употребления этих сочетаний в народных песнях: *Досталась я ровнюшке под версту; Стар добре, да не ровня мне, не под версту*. С этим же значением слова *верста* связаны областные слова *верстник, верстница, вер-*

стак, верстачка в значениях «ровесник (ровесница)», «сверстник (сверстница)». Кстати, все они родственники современного литературного слова *сверстник*, восходящего к древнерусскому прилагательному *сверстьный* в значении «одинаковый по возрасту».

На крутом берегу Москвы-реки привольно раскинулось подмосковное село Коломенское — бывшая великокняжеская и царская усадьба. Название его легло в основу фразеологизма *коломенская верста*: царь Алексей Михайлович приказал между Москвой и Коломенским (где находилась его летняя резиденция) расставить высокие верстовые столбы, которые были значительно выше роста человека. Отсюда понятен смысл фразеологизма *коломенская верста* — «человек очень высокого роста; верзила», например: «— Могу проводить тебя на первый раз, для безопасности,— предложил Борейко.— Нет, нет! — решительно возразила Ольга Семеновна.— Во-первых, на такую коломенскую версту, как ты, все будут обращать внимание, а во-вторых, некому детей нянчить» (Степанов. Семья Звонаревых).

История этого фразеологизма — редкий случай, который дает в руки исследователя не только бесспорную этимологию, но и довольно точную датировку его появления в языке: 60-е — начало 70-х годов XVII века.

Старые русские меры длины ушли в прошлое. Но названия этих мер оставили след в языке, породив целый ряд поговорок, употребляемых как в народных говорах, так и в современном русском литературном языке.

В. Н. ВАКУРОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно говорить *галоша* или *калоша*?»

И. И. Сомова, Кустанай

В обиходно-разговорной речи оба варианта — *галоша* и *калоша* — считаются равноправными. Однако в научной и профессиональной речи, в официальной и торговой документации единственной формой выражения признается *галоша*. Автоматизм речевых навыков приводит к тому, что вариант *галоша* становится нормативным и во фразеологизме: *сесть в калошу* и *сесть в галошу*.

В ноябре 1983 года по Центральному телевидению демонстрировался многосерийный фильм по роману Достоевского «Подросток». Наверное, многим запомнилась история самоубийства соседки Аркадия Оли, один из наиболее трагических эпизодов экранизации. Судя по всему, весть о случившемся глубоко потрясла Версилова, и в присутствии Аркадия он упрекает себя за излишнюю раскованность по отношению к несчастной девушке, за то, что он дал ей повод принять себя за «странствующего селадона».

Прозвучавшее с телеэкрана слово *селадон* довольно часто встречается в русской литературе XIX века. В наши же дни оно вышло из употребления. Между тем далеко не во всех переизданиях классики этому слову сопутствует исчерпывающий комментарий.

Первоначально *Селадон* — имя главного героя пасторального романа О. д'Юрфе «Астрея», издававшегося во Франции с 1607 по 1628 год. «Астрея» принадлежит к числу наиболее популярных в XVII веке книг (и не только во Франции, но и за ее пределами: до конца столетия пятитомный роман был переведен на шесть европейских языков).

Селадон — пастух, предки которого, люди знатные, добровольно оставили город, бывший для них воплощением корыстолюбия и испорченности нравов, и обосновались на берегах реки Линьон. Аристократическое происхождение отчасти объясняет изящество манер и изысканность речей Селадона. История его любви к пастушке Астрее и составляет главную сюжетную линию романа.

Для читателей XVII века возвышенное и бескорыстное чувство, галантное и смиренное ухаживание персонифицировались в

образе Селадона. И словом *селадон* вскоре стали называть верно го, утонченного и одновременно пылкого возлюбленного. Полагают, что первым употребил это имя как нарицательное писатель и философ Б. Фонтенель в одном из писем, относящихся к 1686 году. В XVIII веке оно встречается у П. Мариво, Э. Парни, Шамфора, аббата Шолье.

Нужно сказать, что имя *Селадон* не было изобретением д'Юрфе. Как и многие другие герои романа (Астрея, Диана, Галатея, Гилас, Парис, Адраст), Селадон носит имя одного из персонажей античной мифологии. Нетрудно выяснить этимологию слова *селадон* (в греческом языке оно означает «громкий, звучный»). Гораздо сложнее отыскать героя с таким именем в изложениях мифов. Только очень внимательное чтение поэмы «Метаморфозы» римского поэта Овидия позволяет обнаружить «Келадона, что из Мендеса», одного из сторонников первого жениха Андромеды Финей (Келадон погибает в схватке на свадьбе Персея). Интересно, что вслед за Келадонем Овидий упоминает о некоем «палестинской матери сыне Астрее, чей был неизвестен родитель». Уж не случайное ли соседство этих двух имен заставило д'Юрфе сделать главными героями своего романа Астрею и Селадона?

Вернемся, однако, к судьбе слова *селадон* и рассмотрим вопрос о его появлении в русском языке. По всей видимости, оно приходит в Россию вместе с волной галломании в середине XVIII века. Пропитируем парижские впечатления Н. М. Карамзина, рассказывающего о судьбе пустынноика, презрительно относившегося к женщинам: «Купидон, раздраженный таким дерзким *эротохулением*, решил отмстить анахорету, прострелил его насквозь своею кипарисною стрелою и показал ему вдали сельскую красавицу, которая на берегу Сены рвала фиалки. Пустынноик воспламенился, забыл свое учение, свою густую бороду и сделался *селадоном*» (Письма русского путешественника).

Итак, можно с уверенностью утверждать, что к 1790 году (к этому времени относится посещение Парижа Карамзиным) слово *селадон* уже вошло в русский язык. Еще один любопытный факт. В 1789 году в Москве выходит перевод сокращенной версии романа д'Юрфе — «Новой Астреи» (переработка, выполненная в 1713 году и приписываемая аббату Шуази). Переводчик В. Раевский довольно близко следует за французским текстом, но заменяет имя главного героя. Селадон в русском переводе назван Альцеєм — такое имя в оригинале носит отец Астреи. Думается, есть только одно объяснение столь неожиданной замене: к моменту опубликования «Новой Астреи» в России слово *селадон* уже определенно воспринималось как нарицательное.

Как бы то ни было, первым из отечественных словарей приводит это слово «Новый словотолкователь» Н. Яновского (СПб., ч. 3, 1806). *Селадон* или *целадон*, по Яновскому, «в иносказательном смысле употребляется, говоря о человеке весьма нежном и учтивом, особливо в отношении к женщинам». Это определение в общем близко к тому, что приводит «Словарь Французской Академии» (1694): «о человеке изящных чувств и преуспевшем в галантности говорится, что это — селадон». Но далее у Яновского читаем: «Он поставляется примером непостоянных любовников».

Итак, вместо навеки преданного одной Астрее Селадона — обходительный донжуан, превративший ухаживание за женщинами в своего рода игру. Именно в таком, ироническом, плане используется слово *селадон* у многих русских писателей XIX века. Вот как, например, характеризует А. А. Бестужев-Марлинский в повести «Испытание» (1830) взаимоотношения своей героини с кавалерами: «Едва кто-нибудь из них переступал границу шутки, едва произносил одну влюбленную ноту, не только слово,— мильный дождь нравоучения и град насмешек раздражались над головой селадона».

В письмах В. Г. Белинского мы встречаем целый «букет» образований от слова *селадон*: *селадонский*, *селадонство* и *селадонствовать*, опять-таки с явным ироническим оттенком (Собрание сочинений в 9 томах, т. 9, М., 1982). Наконец, тургеневский Базаров, которого Павел Петрович застал в неподходящий момент с Фенечкой, «иронически поздравил себя „с формальным поступлением в селадоны“ и отправился к себе в комнату» (Отцы и дети).

Если заглянуть в наиболее употребительный из наших толковых словарей — Словарь русского языка С. И. Ожегова, мы найдем там следующее определение интересующего нас слова: «(устар.) Человек, обычно пожилой, к-рый любит ухаживать за женщинами, волокита». И действительно, для многих авторов *селадон* — не по годам разошедшийся старец (еще одна ступень иронического снижения смысла слова). *Плешивым селадон*ом называет своего поклонника, старого князя, героиня герценовской повести «Сорокаворовка». И уж совсем отталкивающий образ дает Гончаров в «Обломове»: «...скверный старый селадон, с масляными глазами и красным носом...». Поистине, между героем д'Юрфе и гончаровским бароном фон Лангвагеном — «дистанция огромного размера»!

Однако на этом история слова *селадон* не заканчивается. Как ни странно, для современников автора «Астреи» это слово ассоциировалось в первую очередь не с галантным кавалером, а с определенным оттенком зеленого цвета. Одно из первых упоминаний слова *селадон* в этом значении встречается в романе Агриппы д'Обинье «Приключения барона Фенеста». Роман вышел в свет в

1617 году, однако «цвет Селадон» появляется только в третьем издании, относящемся к 1630 году. «Цвет подвязок Селадона» фигурирует и в «Правдивом комическом жизнеописании Франсиона» Ш. Сореля (1623), а один из документов 1630 года гласит, что на отделку платья герцога Карла IV пошло «пол-локтя прочной кармазинной ткани из Тура селадонového цвета».

Вопрос о том, почему бледно-зеленый цвет получил имя героя «Астреи», до сих пор остается открытым. Весьма распространенное мнение, согласно которому на костюме Селадона были зеленые ленты, не подкрепляется текстом романа. Скорее всего, прав французский лексикограф прошлого столетия Эмиль Литтре, утверждавший, что «придворные дамы потому назвали этот цвет именем Селадона, что характер у Селадона был нежный и не очень обозначенный».

Это значение слова *селадон* было усвоено и русским языком, однако широкого распространения не получило. Мы встречаем его и у Н. Яновского, и в книге В. Левшина «Красильщик, или обстоятельное наставление в искусстве крашения...» (М., 1819). В. Левшин подробно описывает технологию получения тканей тех или иных оттенков и пишет, в частности, следующее: «Сукно и шерстяные материи можно, подобно шелку, окрашивать в цвета: селадонový, яблочный, морской воды и другие светло-зеленые тени...»

К концу XVIII века *селадонový* стал именоваться китайский фарфор светло-зеленых тонов. Вазы и блюда, производимые главным образом в китайском округе Лунцюань, пришлись по вкусу французской аристократии. Популярность зеленой посуды была во многом связана с тем, что на Востоке зеленому цвету приписывались магические свойства. Считалось, например, что в зеленом блюде отравленные яства становятся безвредными. Поначалу селадонový фарфор был очень редок и преподносился в подарок королям; для лучшей сохранности блюда вставляли в бронзовые оправы.

Примечательно, что слово *селадон*, означающее бледно-зеленый цвет, до сих пор живет и во французском, и в русском языках (см., например, книгу Н. А. Виноградовой и Н. С. Николаевой «Искусство стран Дальнего Востока». М., 1979; монографию Э. Х. Вестфален и М. Н. Кречетовой «Китайский фарфор». Л., 1947).

И наконец, *селадонový* цвет дал название минералу *селадониту*. Такова поистине удивительная судьба имени пастуха Селадона.

К. А. ЧЕКАЛОВ

Рисунок В. Леонова

Уходят старые ремесла и занятия, но прочно оседают в языке связанные с ними слова и выражения.

В народной речи, а отчасти и в писательском употреблении фиксируется выражение *лыка вязать*; ср. в повести В. Смирнова «Открытие мира»: «Пьян Кирюха, а *лыка вяжет* крепко, слова-то верные выговаривает...». Нужно учесть, что вязание лыка — это прежде всего плетение лаптей, *лаптевяз* — тот, кто плетет лапти, в некоторых севернорусских говорах глагол *вязать* используется в значении «плести» и *плести* — в значении «вязать»: *плести кофту, вязать сети, вязать плетень*. Выражение *плести лапти* со значением «болтать, путать в деле и разговоре» достаточно распространено в современном русском языке.

Лыка не вяжет — распространенная характеристика человека, который очень пьян и не может связно говорить. Впрочем, это значение не единственное; так, в новгородских говорах выражение *лыка не вяжет* может употребляться в смысле «очень устал»: *С покосу идешь — лык не вяжешь*. В просторечии выражение может служить и характеристикой чрезмерно испуганного человека — ср. в песне В. Высоцкого «Две судьбы»: «Я кричу — не слышу крика, *не вяжу от страха лыка...*»

Объясняя происхождение этого выражения, лингвисты возводят его к начальному сочетанию *язык лыка не вяжет* и мотивируют современный облик фразеологизма явлением сжатия — два слова вместо трех [такую версию предлагает В. М. Мокиенко в книге «Славянская фразеология» (М., 1980)]. Это предположение основывается на том, что умение складно говорить в русском языке часто характеризуется соотношением с какими-либо занятиями, откуда берут начало такие характеристики болтливости, как *языком кру-*

жево плетет, языком масло сбивает, языком мелет и даже языком боронит. Ср. также в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»: «— Да что ты тарантишь, старая?...— с сердцем молвила, становясь перед ней, Манефа.— *Вертит языком, что веретеном... понять невозможно*».

Эти и подобные выражения содержат в себе унодобление процесса речи каким-либо действиям, в результате чего скрытно проводится пропическое сопоставление — слова вместо дела. Явление сжатия отмечается и здесь; мы часто говорим — *болтать, плести, молоть*, «забывая» добавить: *языком*. Наиболее охотно используются аналогии с теми ремеслами, где имеет место плетение, закручивание, загибание; *болтать* — это и *вить веревка*, и *плести косоплетки (сплетки)*, и *плести коклюшки*, и *вязь вязать* (данные Словаря русских народных говоров и других диалектных словарей).

В. Н. Вакуров (см. его статью «Лапти плесть — лыко драть» — Русская речь, 1980, № 4) отмечает, что для выражения *лыка не вязать* существенна ассоциация — быть неспособным к выполнению достаточно простой работы, поскольку *вязать лыко* — значит «заниматься плетением из лыка лаптей, рогож, коробов и так далее». «Лычные» работы не требовали особого умения, что отражено в пословицах *Дом вести, не лапти плести, Домом жить — не лукошко шить* (домом нужно руководить с умом). Известна и поговорка *Живет — как лапти плетет*, то есть живет просто, легко, безопасно.

Устаревший вариант выражения *лыком не вязать* (с использованием так называемого орудийного творительного падежа вместо объектного родительного) находим в произведении В. И. Даля «Степнячок»: «Уж мы оба, что называется, *лыком не вяжем*: товарищ просто глазами не видит, а я словно голову отсидел...». Это видоизменение фразеологизма позволяет предположить существование для выражения *лыка не вязать* еще одного «прочтения». *Вязать лыком* здесь — уже не мастерить из лыка, а соединять, скреплять лыком, предусмотрительно подвязывать — ср. пословицы типа *Лычком не увяжешь — так и гвоздем не прибьешь (ремешком не подвяжешь)*, то есть если самую малость проглядишь, это может обернуться большими неприятностями.

В этой же связи нельзя не вспомнить, что в старину такое вязание лыка, как плетение лаптей, тоже связывалось с предусмотрительностью в делах, о чем свидетельствуют записанные в ряде севернорусских говоров выражения типа *лапти плести* «собираться в дальнюю дорогу» и даже — «готовиться к смерти» (ср. пермское *В эку даль ехать... Нечего и лапти плести...; Все остарел сосед-от; и лапти сплел, скоро, видно, умрет...*). В первом случае значение достаточно прозрачно; *плести лапти* — примерно то же,

что готовить вещи в дорогу (поскольку лапти быстро изнашивались, в дорогу их брали с запасом). Во втором случае, очевидно, отразилось представление о лаптях как о похоронной обуви. Можно предположить, что существовало обязательное, чуть ли не ритуальное плетение лаптей как одно из приготовлений к смерти. Только бытованием такого обряда можно объяснить пословицу *Как умирать — так и лапти ковырять* (все нужно делать к сроку), а также выражение *с кочедыком* (особым крючком для плетения лаптей) *в руках* «о предельно старом».

Фразеологическое обыгрывание слова *лыко*, очевидно, этим не ограничивается. Так, существование поговорки *Лыком вязан, в лыках ходит, под лыком спит* «о бедном», где *лыко* — еще и название пояска из коры дерева, может отчасти доказывать наличие мотивировки — настолько пьян, что не замечает неопорядка в одежде. Наличие в новгородских говорах выражения *лыка не волочить* «о походке усталого», в иркутских *лыка лыку не несет* «о сильном опьянении» [в связи с метонимическим обозначением *лапти* — *лыко* — *нога (ступня)*] и в костромских *лыка не вязить* «о пьяном» может отнести выражение к фразеологизмам, связанным с описанием движений, в частности, походки человека. *Вязать* в этом случае — перебирать, поднимать и опускать, причем с большими усилиями, а также — соединять вместе.

Существенны и другие моменты. Поскольку непрочность *лыка* вошла в пословицы (*Лыко с ремешком не вяжись — порвется*), у слова *лыко* развилось символическое значение «нечто ненадежное, слабое» [очевидное в выражениях типа *рад бы сердцем, да живот* (то есть сила, здоровье), *что лыко*]. Позднее формируется и значение «ничтожно малое»: ср. в пословицах типа *Борода велика, а ума ни на лыко*; *Милость велика, да не стоит и лыка*; *Взял лычко, а отдай ремешок*. Эта «количественная» семантика в какой-то степени могла проявиться и в выражении *лыка не вязать* «не делать и самого малого».

Трудно сказать, какая из отмеченных ассоциаций была первой при формировании сочетания *лыка не вязать*. Но очевидно, что долгую жизнь выражению, его выразительную силу обеспечила многозначность слов *лыко* и *вязать*, а также способность лежащего в основе фразеологизма образа вызывать самые различные ассоциации — от ремесленных до бытовых и обрядовых.

И. А. ПОДЮКОВ
Пермь

Рисунок В. Толстоногова

Всем нам с детства хорошо знаком фольклорный образ серого волка — злого, кровожадного, порой глупого, иногда и доброго (например, в сказке «Иван-царевич и серый волк»), но всегда *серого*.

А в общеизвестном, удивительно лиричном начале поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» мы встречаемся с другим волком — *бурым*. Каждый из нас не раз читал это вступление («У лукоморья дуб зеленый; Златая цепь на дубе том...»), многие хорошо знают его наизусть, но, наверное, не все обращали внимание на масть волка. И если задать вопрос о том, какого цвета волк служит царевне в начале пушкинской поэмы, то далеко не каждый человек, знающий бессмертные строки поэта наизусть, ответит правильно. Особенно при условии, когда ответить нужно сразу, без обдумывания. Чаще в таких случаях называют волка *серым*, хотя затем, при цитировании, многие исправляют свою ошибку:

...В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит...

При ответе первые ассоциации соотносятся с образом традиционного фольклорного *серого* волка, героя многих русских сказок («Иван-царевич и серый волк», «Лисичка-сестричка и серый волк» и др.), и подготавливают логически объяснимый ответ. А у поэта волк оказывается *бурым*.

В 17-томном Словаре современного русского литературного языка слово *бурый* объясняется как «Темно-коричневый с сероватым или красноватым оттенком». В 4-томном Словаре русского языка это слово толкуется так: «Серовато-коричневатый... // Темно-коричневый с красноватым отливом (о масти лошади)...». Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова объясняет слово *бурый* и так: «Серовато-коричневый. // Черный с красноватым отливом (о масти лошади, о цвете шерсти)». В толковых словарях русского языка отмечены *бурые* медведь, лисица, корова (*буренка*), лошадь (*бурка*), а вот *бурого* волка, к сожалению, нет. В Словаре Даля отмечается, что слово *бурый* может обозначать также цвет собаки, которую обычно называют *Бурка(о)*.

Почему же волк у поэта такой необычной масти? Что это, авторская неточность? Нет, возможность неточности или ошибки здесь полностью исключается. Поэт хорошо знал русский фольклор, любил и высоко ценил его. Причина необычной окраски волка в данном случае совершенно иная.

Во-первых, пушкинское слово всегда отличается точностью. Ведь в действительности волк не просто серый, а серовато-коричневый с подпалинами. У него так называемый *волчий окрас*. Вот что говорит об этом специальная литература: «Общий тон окраски шерсти волка разнообразен. Он может быть однотонно-бурым, серым, рыжим или с пятнами и крапинами разной густоты» (Млекопитающие. Под ред. Г. А. Успенского, Кишинев, 1979). Причем окраска волка зависит от некоторых факторов. Например, «сразу после рождения волчата покрыты черной шерстью» (там же). Со временем они приобретают свой обычный *волчий окрас*. Таким образом, окраска шерсти волка зависит от возраста животного. Очевидно, А. С. Пушкин знал об этом. И, называя в своих стихах волка *бурым*, поэт подчеркивает мысль о том, что царевне служит не какой-то там волчишка, а опытный, матёрый волк, для которого любое задание по силам. Это, собственно, в какой-то степени и облегчает горькую участь героини. Кроме того, цвет волка зависит и от окружающей среды. Вот что говорится об этом в Большой Советской Энциклопедии (3-е изд.): у волка «Окраска серая; тундровые в. более светлой окраски, пустынные — серовато-рыжеватые». В целом же, как отмечается в двухтомнике «Спортивная охота в СССР» (т. I, М., 1975), «Общая окраска туловища (волка) серовато-бурая...»

Во-вторых, масть пушкинского волка объясняется одной из особенностей звуковой организации стихов поэта. Как известно, музыкальность, напевность стихотворной речи придают прежде всего гласные звуки. В стихах поэта нередко очередная строка начинается теми же гласными звуками (и в той же последова-

тельности), которыми закончилась предыдущая. Особенно ярко это представлено в некоторых рифмующихся стихах (в частности, в тех, где говорится о волке), когда начало и конец рифмующихся строк как бы спаваются:

...В темнице та́м ца́рэвна ту́жит,   и́й ы́а аэ́ ау́ ы
А бу́рый во́лк ей ве́рно слу́жит...   а́у ы́о ээ́ ау́ ы

Такой повтор гласных звуков (речь идет здесь о звуках, а не о буквах) способствует возрождению звуковой волны, не дает ей окончательно угаснуть. При этом звуковая волна не имеет резких перепадов. Она приятна для слуха, либо гармонична и музыкальна. Слово *бурый* явилось той «нотой», которая необходима была для музыки пушкинского стиха.

Таким образом, стремление к точности в передаче цвета, к стройной музыкальной организации стихотворной речи является причиной того, что вместо традиционного *серого волка* у поэта появляется *бурый волк*, необычную масть которого не замечает порой очарованный музыкой стихов слушатель (или читатель).

В. А. ФИЛАТОВ

Рисунок С. Газриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Каково значение слова *океанариум*?»

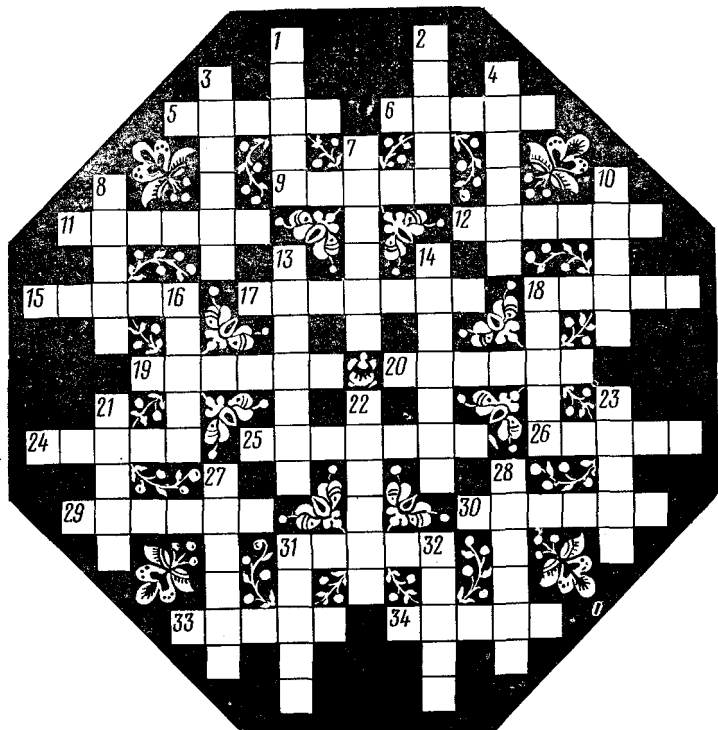
С. Бугрова, Бугульма

Океанариум или *океанарий* — это специально выделенный прибрежный участок моря или океана или обширный бассейн с морской водой, в котором содержатся, разводятся, изучаются и демонстрируются морские животные (рыбы, дельфины, тюлени, моржи и т. п.).

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Сын Полония в пьесе В. Шекспира «Гамлет». 6. Имя одного из героев повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 9. Стихотворение А. Бло-

на. 11. Строфа в три строки. 12. Еженедельная политическая и литературная газета. 15. Территория распространения определенных языковых явлений. 17. Стихо-

творный размер. 18. Персонаж романа Сервантеса «Дон-Кихот». 19. Имя героя романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок». 20. Пьеса М. Горького. 24. Французский писатель, автор остросюжетных исторических романов. 25. Советский поэт. 26. Рассказ А. П. Чехова. 29. Великий американский поэт, автор сборника «Листья травы». 30. Автор слов

Пусть гнал нас временный
ущерб
В тьму, в стужу, в поражение,
в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром,— Серп
и Молот!

31. Героиня рассказа А. И. Куприна «Гранатовый браслет». 33. Роман Ю. Бондарева. 34. Стихотворение А. С. Пушкина. По вертикали: 1. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 2. Рассказ И. А. Бунина. 3. Имя героя повести С. П. Антонова «Дело

было в Пенькове». 4. Советский писатель, автор романа «Разгром». 7. Художественный прием уменьшения, используемый для усиления выразительности речи. 8. Рассказ Л. Сейфуллиной. 10. Разговорный вариант профессиональной речи. 13. Советский писатель. 14. Русский поэт, критик, ставший, после смерти А. С. Пушкина, издателем и редактором «Современника». 16.

Смеялся.., их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

А. С. Пушкин. Граф Нулин

18. Английский писатель — сатирик. 21. Герой пьесы И. С. Тургенева «Провинциалка». 22. Васня И. А. Крылова. 23. Один из древнейших городов России. 27. Старинное оружие, топор с лезвием в виде полумесяца. 28. Пьеса Е. Шварца. 31. Повесть А. Гайдара. 32. Опера С. Рахманинова, написанная по поэме А. С. Пушкина.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Среди многочисленных писем, полученных от читателей за время публикаций отрывков из «Словаря русских фамилий», особенно ценные те, которые прислал замечательный архангельский краевед М. С. Медведев.

Макарий Семенович Медведев — лесовод, отлично знающий природу родного края, где прошла вся его жизнь. С 1947 года болезнь приковала его к постели, но не сломила духовно. Он нашел для ума и сердца новое увлечение, которое помогло ему в борьбе с недугом и принесло ощутимую пользу обществу.

Чутко вслушиваясь в родную речь, он собрал огромное богатство слов, которых нет ни в Словаре В. И. Даля, ни в последующих и современных словарях северных говоров, и сделал интересные наблюдения, проливающие свет на этимологию многих русских фамилий.

Конечно, не все, предлагаемое им, бесспорно. Ему, не лингвисту, важно в слове только значение, а не форма. Это обстоятельство иногда приводит его к неверным выводам.

Однако М. С. Медведев, безусловно, прав, опровергая этимологии многих фамилий, в основе которых названия птиц, растений, животных и т. п.

Очень интересна история происхождения фамилии Твердохлебов, которую до сих пор не могли объяснить ни этимологи, ни диалектологи. Предполагали, что фамилия связана с выражением *твердый хлеб*, то есть *черствый хлеб*. М. С. Медведев, оказывается, не раз слышал прозвище *твердохлёб* (на письме буква *ё* утрачивала свое истинное значение, мы и воспринимали её как *е* — Твердохлебов), так на Севере называли пьющего человека — «пьющий, не пьянея».

Приведем наиболее интересные этимологии из писем М. С. Медведева.

В. А. НИКОНОВ

ИЗ СЕВЕРНЫХ ФАМИЛИЙ

Бобыкин. Из *бобыка* — «зайка».

Бубнов. Из *бубнить* — быстро, много, неразборчиво говорить.

Галанин. В архангельских говорах *галаня* — «шутник, насмешник» или «шумливый»; из *галанить* — в этих же значениях.

Гладышев. Архангельское и вологодское слово *гладыш* означало тучного, толстого, холеного, крепкого человека.

Горохов. От местного значения слова *горох* — «смеющийся раскатисто, от всей души, до слез», о таком говорили: «пу, рассыпался горох».

Доильницын. Отчество от прозвища человека с острым, длинным носом — за сходство с доильницей, «остроносим» ведром для разлива надоенного молока.

Дробышев. У слова *дробыш* два значения: «искусный плясун» — из *дробить* — «мелко, часто, ритмично выстукивать ногами» и «дробкий» — от робкий, стеснительный.

Дятлов. Сын Дятла. У нас *дятлом* называли человека, повторяющего постоянно одно и то же, особенно нравоучения: «ну, долбит и долбит, как дятел».

Житников. Съемщик жилья, квартирант.

Замятин, Замятнин. От *замята*, *замятня* из глагола *заминаться* — «затрудняться выразить мысль, запинаться в разговоре».

Занозин. Из *заноза* — «задристый, едкий, язвительный».

Зарудин. Архангельское *заруда* — стеснительный, краснеющий от смущения (*рудный* — «красный» из древнерусского *руда* — кровь).

Золотилев. Из *золотило* — «подхалим».

Кадыков. От *кадык* — «крикун, горлопан» (*кадык* — острый выступ в горле, утолщение щитовидного хряща).

Клевакин, Кловев. Для северной фамилии неприемлемы этимологии В. А. Никонова и Ю. А. Федосюка, в наших говорах *клевака*, *клюй* — совиный, в разговорах часто роняющий голову — «клюющий носом».

Князев. «Князем» в архангельских и вятских говорах называли богача, правящего единолично всеми сельскими делами.

Козлов. От местного значения слова *козёл* — «упрямый».

Кольцов. Как *Ванцов* от *Иван* (*Ваня*), *Сенцов* от *Семен* (*Сеня*), так и *Кольцов* от *Николай* (*Коля*); вероятно, в покающих говорах.

Корепанов. Из *корепан* — «рябой, изрытый следами ослы» (архангельское), или «безобразник» (вологодское *корепань* — «коверкать, безобразить»).

Коровин. Из прозвища *кэрва* — «все время жующий».

Костычев. Отчество «второй степени» — из отчества же Костыч — сын Константина, то есть первый Костычев — внук Константина.

Краснов. Местное значение слова в его старинной форме *красной* — «крепкий, сильный»; у нас услышишь: «вот красён! ему за 70, а два мешка на плечах прёт».

Крутиков. Архангельское *крутик* — «вспыльчивый», вятское, кроме того, и «быстрый».

Крысанов. Местное *крысан* — «резкий, грубый»; от *крыситься* — огрызаться.

Куроптев. Наше *куропоть* — «седой».

Лягин. Из *ляга* — «непокойный, суетливый» и «спеси-

вый» (сравн. *лягаться*, *лягнуть* — «брыкаться»).

Налимов. Из *налим* в значении «скользкий, увертливый».

Огурцов. Не от «овощи», а от *огурь* — «ленивый, упрямый, тунеядец, бездельник», *огурять* — «отлынивать от дела».

Падерин. Не прямо от *падера* — «непогода, вьюга», указанного В. А. Никоновым, а от производного значения — «вспыльчивый, гневный».

Пекишев. Из *пекиш* — человек, которого лечили знахари, помещая в русскую печку, где «пекли» — прогревали до костей.

Пышкин. Из *пышка* от *пышать* — «трудно дышать», то есть — страдающий одышкой.

Репин. От *репа* не в значении «растение», а в переносном — «крепкий, плотный, здоровый».

Рылеев. От *рылэй* — имеющий острый подбородок» (насмешливо — *рыть подбородком*).

Рюмин. Не имеет никакого отношения к рюмке. Из *рюма* — «плакса; вечно хныкающий».

Ряхин. Из *ряха* (противоположно *черяха*), кроме значения «чистоплотный, аккуратный», также и «широколицый, полнощечий».

Скрозников. От *скрозник* — «ненасытный», на Севере говорят про обжору: «у его все скрозь без притыка проходит».

Скурлыгин. От *скурлыга* — о вечно ворчащем, *скурлычить* — «скрипеть», ворчать, ни с чем не соглашаться; скряга.

Твердохлёбов. Не от *хлеб*, а от *хлебатъ* из прозвища *твердохлёб* — «пьющий, не пьюнея».

Трескин. От *трэскаць* — есть жадно, «с треском».

Шаньгин. Не прямо от *шаньга* — «лепешка с творогом и сметаной», а из *шаньга* — «плосколицый».

М. С. МЕДВЕДЕВ
Архангельск

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно сказать — *мыться в ванной* или *мыться в ванне*?»

Д. К. Лыскова, Воронеж

Ванна — это большой продолговатый сосуд для купания, *мытья*. А помещение в квартире, где находится ванна, называется *ванная комната* или *ванная*. Говорят: *мыться в ванне*, *принимать ванну*, но закрыть дверь *ванной*, выйти из *ванной*. Нельзя говорить *находиться в ванне*, *дверь в ванну*, *пойти в ванну*, если имеется в виду *ванная комната*. Правильный вариант: *находиться в ванной*, *дверь в ванную*, *пойти в ванную*.

Есть такие случаи, когда от употребления слов *ванна* или *ванная* меняется смысл сказанного, например: *мыться*, *стирать в ванне* (а не в тазу), *мыться*, *стирать в ванной* (а не в кухне).

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ЗНАК УДАРЕНИЯ В ТЕКСТЕ

Читатель Касаткин Н. А. (Покров) просит рассказать о постановке знака ударения в словах.

Несмотря на трудности русского ударения (свобода расположения в слове и подвижность), подавляющее большинство слов усваивается сразу с правильным ударением. Поэтому в печатных текстах (книгах, газетах, журналах) нет необходимости в каждом слове обозначать ударный слог. Знаки ударения ставятся лишь в словарях и в специальных изданиях для представителей нерусских национальностей. Но иногда и в обычных печатных текстах возникает необходимость графически выделить ударение в слове.

В русском языке немало слов, которые пишутся одинаково, а произносятся по-разному. Их называют омонимами (*мука* — *му́ка*, *насыпал* — *насыпа́л*). Чтобы сразу правильно прочитать такое слово, в нем иногда ставится знак ударения: «Город был похож на театральный макет, где с домов осыпалась позолота» (Паустовский. Черное море); «— Я не могу понять, — говорила она, — как люди ухитряются из жизни делать му́ку» (Новиков. К возрождению); «А безвинный виновный труси́л покорной рысцой за его спиною...» (Тургенев. Конец Чертопханова); «Хлеба́ и тра́вы в нынешнем году чудесные» (Бунин. Веселый двор).

Знак ударения ставится для логического выделения слова, чаще относительного местоимения в придаточных предложениях: «Вслед за ним вышел папа и вошел в гостиную. — Знаешь, что́ я сейчас решил? — сказал он веселым голосом, положив руку на плечо татапа» (Л. Толстой. Детство); «Елена Андреевна: Я умираю от скуки, не знаю, что́ мне делать» (Чехов. Дядя Ваня).

Знаком ударения подчеркивается архаическое произношение слова:

«Кто чувствовал, того тревожит Призра́к невозвратимых дней» (Пушкин. Евгений Онегин); или у А. С. Грибоедова: «Век с англичанами, вся а́нглийская складка...»;

В России, под великим страхом,
Нам каждого признать велят
Историком и географом.

Устаревшее произношение слова может стать речевой характеристикой героя произведения. Так, об одном из персонажей романа «Кузнецкий мост» С. Дангулов пишет: «Ее возраст был и в произношении, она говорила „библио́теки“».

Знаком ударения может быть отмечено слово литературного языка, употребленное в профессиональной речи в другом значении: «—Хочу предупредить, что наше собеседование будет записано на пленку. В случае, если вы намерены пригласить адвоката я готов назначить вам новый термíн, но не позже четырнадцати часов завтрашнего дня» (Семенов. Пресс-центр. Анатомия политического преступления).

При передаче средствами русской графики нерусских слов исконное произношение отмечается знаком ударения: «—Молодец, герой! — одушевленно вскрикнула княжна.— Эвв́ива» (Данилевский. Княжна Тараканова); «Офицер встал, прошелся задумчиво взад и вперед по комнате и спросил: — А по-русски-то он совсем ничего не понимает?— Понимает, ваше благородие. Он даже говорить может. Эй! Харандаш, корáли минга́,— обратился он опять к Байгузину и заговорил по-татарски что-то длинное...» (Куприн. Дознание); «Когда же Гусев закурил, солдаты в величайшем страхе попятились от него, зашептали голосами: — Шóхо тáо тáвра шóхоом» (А. Н. Толстой. Аэлита).

Знаком ударения может быть подчеркнут искаженный характер произнесения русских слов нерусскими: «Мой голюбушка?— вдруг вопросительно сказал Антонио, смеясь сам над своим произношением и продевая руку под локоть Арбузова. — Карапо, будьте здоровы, самовар, извочíк,— скороговоркой добавил он, видя, что атлет улыбнулся» (Куприн. В цирке).

Говоря на русском языке, нерусский человек может сохранять особенности произношения родного языка, например украинского: «Но Терентий, видимо, сразу прочитал его мысли,— Да нет, тут не в грóшах дело,— сказал он» (Катаев. Хуторок в степи); «Кто-то полузадушенным тягучим голосом рассказывал сказку: — Во-от посылает той самый черт до того солдата самого сво-

зо главного волшебника. Вот приходит той волшебник и говорит: „Солдат, а солдат, я тебя зъем!“» (Куприн. Поединок).

Для речевой характеристики героев могут быть использованы жаргонные и диалектные слова, произношение которых также иногда подчеркивается знаком ударения: «— А скажи, пожалуй, Павлуша,— начал Федя,— что, у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное?» (Тургенев. Бежица луг). Автор пишет в примечании: «так мужики называют у нас солнечное затмение». «Дедушка!— крикнула она в тревоге и ужасе.— Ай пожар?» — «До шпенту все слетит сейчас!— тоже криком, заглушаемым горячим ветром, отозвался карлик.— Туча идет несказанная! И думать не моги замуж собираться!» (Бунин. Суходол).

Отмечаются знаком ударения диалектные слова и в авторской речи: «Возле небольшой сажалки, наполненной красноватой и слизистой водой, виднелся колодезь, окруженный лужицами» (Тургенев. Мой сосед Радилон); «А чтоб навоз хорошо прогрелся, она его, который посуше, подожгла снизу паяльной лампой, а сверху навалила что посурей и оставила шаять на ночь. Он шаял, шаял, высох и загорелся огнем» (Шукшин. Суд).

В тексте могут быть отмечены особенности местного произношения отдельных слов: «Приезжал на своих „Жигулях“ заместитель председателя, главный рыбовод Саша Борисов. То есть просто Борисов, если по-русски, но в Семикаракорях своя манера произносить самые обыкновенные фамилии: Куликов, Борисов» (Солюхин. Рыбий бог).

Знаком ударения подчеркивается просторечное произношение слова, а также искаженное произношение в детской речи: «— Не интересуюсь,— говорит.— Это книги политические, а я читаю только романы Александра Дюма» (Пантелеев. Портрет); «— Сумасшедшая,— убежденно повторил старик.— Раньше с ней сын жил, так она сама его, слепого, в ополчение погнала, а у него двоюродный семь... С тех пор, как похоронную получила, совсем из ума выжила. Дверь вчера настежь оставила и на кухне краны не закрывает. Сколько ни говори ей— все равно краны не закрывает» (Симонов. Солдатами не рождаются); «И, отчаявшись сговориться со мной, отказывается от дальнейших попыток:— Я не могу сказать» (Пантелеев. Наша Маша).

Ставятся знаки ударения в стихотворных текстах, где иногда произношение слова искажается в угоду рифме:

Позабывши снег и вьюгу,
Я помчалась прямо к югу.
Здесь ужасно холодно,
Целый день мы топим печки,

Глядим с Буниным в окно
И гуляем, как овечки.

Это шуточные стихи И. Бунина, которыми начинает свое письмо из Ялты 28 декабря 1900 года М. П. Чехова (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову).

И. А. Елисеева

■ РАДИОТЕЛЕГРАФНЫЙ СИГНАЛ БЕДСТВИЯ «SOS»

Читатель А. М. Алексеев (Сочи) просит рассказать об истории образования сигнала SOS.

Если над морем сегодня звучат призывные три точки, три тире, три точки (SOS) — это значит, что кто-то уже потерял надежду своими силами одолеть навалившуюся на судно беду и нуждается в помощи. И тогда, повинувшись закону моря, все суда, способные оказать ее, изменяют курс и спешат на выручку терпящих бедствие людей.

Когда-то о гибели судна могли рассказать лишь свидетели или спасшиеся члены экипажа. Но если никому из экипажа не удавалось спастись и не было очевидцев катастрофы, весть о гибели судна могли донести до берега лишь записки, вложенные в закупоренные бутылки. Но «бутылочная почта» была ненадежной. Бутылка могла затеряться и, в лучшем случае, попасть в руки людей спустя годы, а то и столетия. Лишь изобретение радио навсегда избавило моряков от такого неудобства.

Что же представляет собой сигнал SOS? В книге писателя-моряка Д. А. Лухманова «Соленый ветер» читаем: «И если в момент гибели корабля случайно никто не откликнется на его призыв SOS — „спасите наши души“ — и его экипаж вынужден будет спасаться на шлюпках, то он может продолжать свой призыв о помощи до тех пор, пока его не услышит какое-нибудь судно»; «Неписанные законы хорошей морской практики требуют, чтобы при возникновении опасности для жизни людей без промедления подавался сигнал SOS» (Эйдельман. SOS. Рассказы о кораблекрушениях). Многие, даже моряки, часто были уверены в том, что данный сигнал не что иное, как сочетание заглавных букв английских слов «Save Our Souls» — *Спасите наши души*. Но это неверно. Дело в том, что в международном языке моряков можно встретить и другие значения этого сигнала: Save Our Ship — *Спасите наше судно*; Swim or Sink — *Плыть или тонуть*; Send Our Succour — *Пошлите нам помощь*; Saving of Souls — *Спасение души*. Появилось подобное выражение и в русском морском языке: «Спасите от смерти».

Наличие нескольких значений могло бы натолкнуть на мысль о том, что буквосочетание SOS не имеет определенного значения. Но более детальное рассмотрение вопроса приводит к несколько неожиданному результату — рассматриваемое нами буквосочетание вообще не имеет никакого значения. Каким же образом появились эти выражения?

Впервые радиотелеграфный сигнал бедствия был послан в эфир в 1898 году. Но международное регулирование радиообмена на море ведется с 1903 года, когда была созвана первая Радиотелеграфная конференция в Германии. В составе русской делегации был изобретатель радио А. С. Попов. На конференции была сделана попытка принять международный радиотелеграфный сигнал для судов, терпящих бедствие в море. В качестве такого сигнала предлагалось буквосочетание SSSDDD. Однако Англия и Италия воспротивились этому. Они предложили в качестве такого сигнала буквосочетание CQD. Сочетание первых двух букв CQ было общим вызовом всех станций. А буква D — первая буква английского слова danger — «опасный».

Конференция не пришла к единому мнению. Часть стран приняли в качестве сигнала бедствия буквосочетание SSSDDD. Но Англия и Италия все же ввели на своих судах сигнал бедствия CQD и пользовались им в течение нескольких лет. К этому буквосочетанию была подобрана моряками фраза «Come Quick, Danger» — *Идите быстрее, опасность*. Так появилось первое выражение в морском языке, которое было создано искусственно из слов, в какой-то степени соответствующих смыслу сигнала. Но международного значения и это буквосочетание не приобрело.

Вторая конференция состоялась в Германии в 1906 году. На ней упорно продолжали искать простой и удобный сигнал. Было предложено заменить буквосочетание CQD более четким, ритмичным сигналом. Америка предложила буквосочетание NC — международный флажный сигнал: «Терплю бедствие, нужна немедленная помощь». Германия отстаивала буквосочетание SOE — позывной сигнал судов, оборудованных радиоаппаратурой немецкой фирмы. По их мнению, он был более удобен, чем все остальные. В конце концов с ними, вероятно, согласились, но было решено заменить в буквосочетании SOE букву E на S. Конференция пришла к выводу, что образовавшееся при этом буквосочетание SOS является наиболее приемлемым, и после консультаций с разными специалистами остановилась на этом сигнале. Но окончательно он был принят в качестве международного в 1908 году.

Итак, SOS — короткий, ритмичный радиотелеграфный сигнал и ничего более. Его можно быстро передавать и легко принимать,

если даже передавать слитно, то есть не делая пауз между буквами.

По примеру первого сигнала бедствия CQD, сразу же получившего искусственную словесную оболочку, то же происходит и с новым, уже международным сигналом. При этом буквосочетание SOS оказалось очень удобным для этого. К нему легко были подобраны сразу несколько словосочетаний, вполне отвечающих смыслу сигнала. Правдоподобность словесных оболочек не вызывала сомнений, и они быстро распространились в морской среде, а затем и в народе. Не зная сути их возникновения, моряки всего мира твердо были уверены, что радиотелеграфный сигнал бедствия SOS представляет собой не что иное, как первые буквы названных выражений. Это заблуждение стало рассеиваться лишь тогда, когда документы первой и второй Радиотелеграфных конференций стали проникать в печать.

В 1968 году были утверждены и введены в действие «Правила радиосвязи морской подвижной службы Союза ССР». В этом документе при описании международного радиотелеграфного сигнала бедствия приводится не обычное его буквосочетание SOS, а его русское звуковое соответствие *СОС*. Таким образом, попав в официальный морской язык, русское буквосочетание *СОС* и получило искусственное словесное оформление.

4-томный «Словарь русского языка» дает следующее значение этого буквосочетания: «СОС — сигнал бедствия, передаваемый по радио (судном или самолетом). [SOS — непрерывное повторение трех коротких и трех длинных сигналов по азбуке Морзе]». Например: «С тех пор прошло более полувека, и все имели возможность убедиться в значимости международного сигнала SOS. Благодаря ему спасены многие корабли и тысячи людей, потерпевших кораблекрушение» (Эйдельман. SOS).

О. П. Наумов

■ ЗАВТРА — НАЗАВТРА

Читателя А. И. Сергеева из Кизляра интересуют сходство и различия в употреблении наречий *завтра* и *назавтра*.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» наречие *назавтра* дается с пометой «разговорное», однако сфера употребления этого слова несколько шире: оно встречается и в газетных публикациях, и в авторской речи художественных произведений. Например: «*Назавтра* работники обкома разъехались в районы — почин шатровцев нуждался в скорейшем распро-

странении» (Комсомольская правда, 1983, 2 окт.); «А *назавтра* в казенной машине, тряско прыгавшей по мерзлым колдобинам степной дороги, Александр Иванович отвез Верочку в районный центр» (Грекова, Хозяйка гостиницы).

В *Назавтра*, в отличие от *завтра*, представляет время наступления события, его место и значение в цепи происходящего. Например: «Но что случилось и когда — Мюллер не знал... Поэтому-то он и поручил Холтоффу поехать к Штирлицу и провести спектакль: если Штирлиц *назавтра* пришел бы к нему и рассказал о поведении Холтоффа, он мог бы спокойно положить дело в сейф, считая его законченным» (Семенов. Семнадцать мгновений весны).

По значению *завтра* более статично, чем *назавтра*, оно указывает только на то, что осуществление чего-либо произойдет в течение следующего дня, нередко — именно потому, что того требует заранее установленный порядок, долг, привычка и т. п. При этом, в отличие от *назавтра*, *завтра*, называя время осуществления чего-либо, обычно не включает в себе характеристики развития событий. Ср.: «Все надежды рушились: она не будет его видеть *завтра*, может быть, никогда» (Писемский. Боярщина); «Вам до зари осталось отдохнуть, А *завтра* — старый караванный путь На те далекие колодцы и посты» (Луговской. Большевикам пустыни и весны); «И оттого, что *завтра* он уже не пойдет — когда ж идти, если сумку укладывать надо, — его пропняло тоскливым ощущением близкого исхода: рвались последние ниточки, привязывавшие к деревне, к привычным делам» (Носов. Усыятские шлемоносцы).

Более того, какое-либо событие и время его осуществления, поясняемые наречием *завтра*, могут представляться говорящему необусловленными — находящимися вне цепи событий и сопровождающей их временной динамики, а потому и оцениваться по сути негативно, с оттенком некоторого сожаления. Например: «Дóма-то, дóма у меня, я чай, ждут, сердешные, не дождутся; не наболится у родимых сердечушко... Правда, напался человек добрый, сулил покупщика хорошего, да это когда еще, *завтра!*» (Григорович. Антон-горемыка).

В силу той же особенности — «статичности» значения — наречие *завтра* обнаруживает способность выступать в функции существительного, чего нет у наречия *назавтра*. Сравните: «[Обломов] решил, что до получения положительных известий из деревни он будет видаться с Ольгой только в воскресенье, при свидетелях. Поэтому, когда пришло *завтра*, он не подумал с утра начать готовиться ехать к Ольге» (Гончаров. Обломов).

Интересно, что к такому, уже субстантивированному, *завтра* как бы вновь присоединяется предлог *на*, который к тому же постепенно начинает писаться с ним слитно, формируя таким образом будто бы всего лишь новое значение наречия *назавтра* (выявляемое с помощью вопросов «на когда?», «на какой день?»), а на самом деле — слово-омоним (с *на* — предлогом) к наречию *назавтра*, в составе которого *на* является приставкой. Сравните примеры: «Председатель военсовета цветным карандашом намечал расположение войск для боя *на завтра*» (А. Толстой. Хмурое утро); «Омманывать, говорит, не омманывай — это дело худое, любой девке уваженье требуется. А и *назавтра* не оставляй» (Белов. Плотничьи рассказы).

Динамический смысл наречие *завтра* получает тогда, когда употребляется переносно — для обозначения приблизительного, но ближайшего по отношению к настоящему описываемой ситуации срока осуществления действия. Сравните: «Нынче познакомившись с Заикиным, *завтра* [т. е. довольно скоро] просит у него денег, берет их и раз и два и т. д.» (Белинский. Письмо В. П. Боткину от 18—20 февраля 1840 г.); «Щитовой домик. Сегодня поставили, *завтра* [т. е. через довольно непродолжительное время] снимаем — транспортный строитель постоянно переезжает» (Юность, 1976, № 3).

Семантические различия между *завтра* и *назавтра* проявляются в особенностях их лексической сочетаемости. *Назавтра* употребляется обычно при глаголах в прошедшем времени, *завтра* — в сочетании с глаголами настоящего и будущего времени: «*Назавтра* я сидел у него в кабинете, оглушенный открывшимися перспективами, погребенный под грудой посулов, и чувствовал себя как тщеславный пионер, неожиданно избранный председателем отряда» (Афанасьев. Командировка); «...*назавтра* после беседы с Парилли он [Вайбель] *пригласил* на обед Аллена Даллеса и его помощника Геверница» (Семенов. Семнадцать мгновений весны); «Скучно, грустно... *Завтра*, Нина, *Завтра*, к милой возвращаться, *Я забудусь* у камина, *Загляжусь* не наглядясь» (Пушкин. Зимняя дорога); «*Завтра* древний старик *открывает* ворота, И ему на рассвете ответит синица» (Луговской. Остролистник).

Тогда же, когда *завтра* как более употребительное по сравнению с *назавтра* слово попадает в контекст с глаголом в форме прошедшего времени, оно выступает в качестве синонима к *назавтра* и почти всегда свободно может быть заменено им. Сравним: «Она и была отличницей. Как-то, вспоминает мама, получила четверку за контурную карту, да еще с минусом. И села за их большой стол, и просидела всю ночь, и *завтра* [ср. *назавтра*] *принесла* пятерку. С плюсом» (Комсомольская правда, 1983, 28 авг.).

Таким образом, в современной речи сферы употребления наречий *завтра* и *назавтра* не только различаются, но и частично совпадают, что можно объяснить их смысловым и словообразовательным родством, с одной стороны, а с другой — различием семантики и морфологического строения.

И. А. Луценко

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Пневмо-. Использование в технике воздушной струи, которая выполняет роль движущей силы, порождает различного рода системы, механизмы — новые виды пневмотранспорта. И вслед за новыми устройствами приходят и их новые названия. Так появился *пневмовоз*. Это образование, стоящее в ряду таких словообразований, как *паровоз*, *электровоз*, *тепловоз*, — сложный со второй частью *-воз*.

В новом названии первый компонент *пневмо* — от греч. *пнеума*, что означает «дуновение, ветер». Например: «...по трубам большого диаметра со скоростью 40—50 километров в час движется состав из нескольких цилиндрических вагонов-контейнеров, „толкаемых“ потоком воздуха. Роль локомотива выполняют здесь так называемые пневмовозы — те же контейнеры, только опоясанные резиновыми манжетами и капроновыми щетками. Они превращают состав в поршень: нагнетаемый в трубу воздух давит на него, и состав движется, как под парусами» (Веч. Москва, 1983, 29 июня).

А вот и другие сложные об-

разования с первой частью *пневмо-*, значения которых раскрываются в контексте: «В одном из новых районов Москвы — Чертаново-Северное — воплощается идея транспортировки бытовых отходов по трубам. На окраине жилого массива сооружена небольшая станция *пневмоудаления*. От жилых домов к ней потянутся трубы с подключенными к ним компрессорами, которые „тянут“ отходы на сборники станции. Здесь мусор прессуется и в твердом виде сжигается», «Еще одна сфера применения — *пневмоконтейнер* для библиотек» (там же).

И, наконец, перед специалистами поставлена задача — создать принципиально новый тип поездов метрополитена, у которых движущей силой является воздушная струя. На стадии разработки такой вид городского транспорта получил название *пневмометро*: «Пневмометро — это будущее наших городов. Причем не такое далекое. Уже существует проект пассажирской пневмотранспортной системы, которая свяжет город Зеленоград со столицей (Веч. Москва, 1983, 29 июня).

Г. М.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В газете встретил слово *аншлаг*. Что оно обозначает?»

И. В. Зарайский, Киев

Слово *аншлаг* пришло в русский литературный язык из немецкого (*Anschlag*). В общелитературном языке оно закрепилось в значении «объявление у кассы театра, цирка, кинотеатра и т. п. о том, что все билеты проданы».

В профессиональной речи газетчиков, журналистов это слово употребляется в значении «крупный заголовок в газете, шапка».

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 5. Лазрт.
6. Остап. 9. «Скифы». 11. Тердет.
12. «Неделя». 15. Ареал. 17. Дак-
тиль. 18. Санчо. 19. Едигей. 20.
«Старик». 24. Дрюон. 25. Щипа-
чев. 26. «Тоска». 29. Уитмен. 30.
Брюсов. 31. Шеина. 33. «Выбор»,
34. «Герой».

По вертикали: 1. «Парус».
2. «Косцы». 3. Матвей. 4. Фадеев.
7. Литота. 8. «Певец». 10. Сленг.
13. Каверин. 14. Плетнев. 16. Ли-
дин. 18. Свифт. 21. Любин. 22.
«Ларчик». 23. Псков. 27. Бердыш.
28. «Дракон». 31. «Школа». 32.
«Алеко».

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ,
П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВА-
НОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. глав-
ного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И.
СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Н. И. ТОЛСТОЙ

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев, М. Б. Рыбина*

Сдано в набор 12.06.84	Подписано к печати 07.08.84	Т-13330
Формат бумаги 84×108 ^{1/32}	Печать высокая.	Усл. печ. л. 8,4
Усл. кр.-отт. 628,5 тыс. Уч.-изд. л. 9,9	Бум. л. 2,5	Тираж 73 000 экз.
Заказ 256		

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10